

Министерство образования и науки РФ
Иркутский государственный университет
Институт социальных наук
Кафедра государственного и муниципального управления

Электронная хрестоматия по курсу

**Информационно-аналитические технологии государственного и
муниципального управления**

направление подготовки магистров 081100.68
«Государственное и муниципальное управление»

Автор-составитель: д-р филос. наук, профессор Кармадонов О.А.

ИРКУТСК 2013

СОДЕРЖАНИЕ

1. Кара-Мурза С.Г. Управление развитием // Свободная мысль, № 12, 2010, С. 107-122.
2. Щербина В.В. Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения // Социологические исследования, № 3, 2007, С. 30-42.
3. Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // ПОЛИС, № 3, 2001, С. 103-112.
4. Нарочницкая Н.А. "Аналитические институты" - глаза, уши и мозг Америки // Наш современник, № 3, 2004, С. 185-195.
5. Сухоруков А.С. Субъектность региональных аналитических сообществ: критерии, этапы становления и условия // ПОЛИС. № 3, 2011, С. 109-114.
6. Хантер Р.Э. Роль аналитических центров в формировании внешней и оборонной политики // США: экономика, политика, культура. № 11, 2000, С. 102-107.
7. Орлов А.А. Аналитика на службе государства // Международная жизнь. № 11, 2009, С. 133-136.
8. Рац М.В. Политика и управление // ПОЛИС, № 3, 2010, С. 132-143.
9. Ушанов П.В. Антикризисное управление интеллектуальным капиталом // ЭКО. Всероссийский экономический журнал, № 4, 2009, С. 123-133.
10. Шелов-Коведяев Ф.В. Особенности национального планирования: как разорвать порочный круг анахронизмов // Общественные науки и современность. № 5, 2005, С. 67-73.
11. Еленский А.В. Политическая экспертиза: генезис, понятие и когнитивные возможности // Вопросы философии, № 2, 2011, С. 57-69.
12. Дегтярев А.А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // ПОЛИС. № 1, 2004, С. 154-168.
13. Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29-41.

Заглавие статьи	Управление развитием
Автор(ы)	СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА
Источник	Свободная мысль , № 12, Декабрь 2010, С. 107-122
Рубрика	<ul style="list-style-type: none"> • Quo vadis?
Место издания	Москва, Россия
Объем	41.9 Kbytes
Количество слов	5165
Постоянный адрес статьи	http://dlib.eastview.com/browse/doc/23971748

Управление развитием

Автор: СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

Проблема предвидения и проектирования будущего

Общие положения

Способность предвидеть будущее, то есть строить его образ в сознании (воображении), - свойство разумного человека. Прежде чем сделать шаг, он представляет себе его последствия, строит в сознании образ будущего - в данном случае ближайшего. Если этот шаг порождает цепную реакцию последствий (как переход через Рубикон), временной диапазон предвидения увеличивается. Если человек мыслит о времени в категориях Страшного суда как вселенской пролетарской революции или "конца истории" в виде всеобщей победы демократии, то его диапазон предвидения отдалается до горизонта - той линии, где кончается этот мир и начинается какое-то Царство добра. Во всех случаях производится одинаковая мыслительная операция - создание образа будущего.

Предвидение позволяет власти проектировать будущее, осуществляя целеполагание. Это соединяет людей в народы и нации, наполняет действия каждого общим смыслом. Для этой функции необходим поток сообщений особого типа - Откровения. Выработка знаний для таких сообщений и их распространение по разным каналам оформились очень рано. Так, сивиллы, действовавшие под коллективным псевдонимом, были важным институтом Малой Азии, Египта и античного мира в течение 12 веков. Они оставили целую литературу (*oracula sibillina*) - 15 книг. "Откровение" тайн будущего (апокалиптика) изначально и поныне является столь важной частью общественной жизни, что, по выражению немецкого философа, "апокалиптическая схема висит над историей".

Классификация типов знания для предвидения будущего сложилась в религиозной мысли. Эти типы сосуществуют, а периодически теснят друг друга. Так, в истории была эпоха *пророков*. Пророки - выдающиеся личности, гармонично сочетавшие религиозное, художественное и рациональное сознание. Кооперативный эффект взаимодействия всех

КАРА-МУРЗА Сергей Георгиевич - главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

трех типов знания придавал предсказаниям пророков убедительность и очарование.

Отталкиваясь от злободневной реальности, пророки задавали траекторию ее движения в очень отдаленное будущее, объясняли судьбы народов и человечества. Воспринятые народом как личности, слышащие глас Божий и избранные Богом для сообщения его Откровения, пророки приобретали такой авторитет, что их прорицания задавали матрицу для строительства культуры, политических систем, социальных и нравственных норм. В их лице соединялись духовные и общественные деятели, выполнявшие ключевую роль в "нациестроительстве".

Пророчество как способ построения образа будущего не утратило своего значения и в наши дни. В переломные периоды это проявляется наглядно: достаточно вспомнить роль Маркса, который, судя по структуре своего учения, был прежде всего пророком. Пророками были и Махатма Ганди, и Гитлер.

В качестве аналогии эпохи пророков можно уподобить периодам научных революций, приводящих к смене парадигм. Напротив, в период стабильности, а тем более упадка, предвидение будущего организуется подобно "нормальной науке". С. Н. Булгаков дал обзор этого перехода в своей книге "Апокалиптика и социализм" (1910) на примере иудейской апокалиптики. В отличие от пророков, эта деятельность напоминает работу безымянных научных коллективов. Их тексты более систематичны и упорядочены. Они не претендуют на то, чтобы сообщать Откровение самого Бога, а дают *трактовку* прежних пророчеств.

Уже в иудейской апокалиптике возникают формы абстрактного знания, обезличенного и не привязанного к конкретно-исторической обстановке. Его можно уподобить теоретическому изложению "объективных законов исторического развития". Эти тексты были востребованы, поскольку служили людям средством ободрения, особенно в обстоятельствах кризиса. Прогнозы апокалиптиков включали множество сведений из самых разных областей, что придавало им энциклопедический характер. Апокалиптическая литература такого рода - необходимый ресурс революций, войн, катастрофических реформ. И труды марксистов, и доктрина реформ 1990-х годов в России - иллюстрация канонов апокалиптики.

В любом случае предвидение опирается на анализ предыдущих состояний, для чего необходим навык *рефлексии* - "обращения назад". В "откровении" будущего соединяются философия истории с идеей *прогресса*. Это хорошо видно на материале знакомого старшему поколению *исторического материализма* Маркса.

С точки зрения научной рациональности постановка задачи такого предвидения является ложной: из многообразия исторической реальности берется ничтожная часть сигналов, строится абстрактная модель, в кото-

---

рую закладываются эти предельно обедненные сведения - и на этом основании предсказывается образ будущей реальности. С другой стороны, здесь нет непосредственной возможности услышать глас Божий, как в откровении пророка. Источник истины здесь принимает форму *Призрака*, который не может отвечать на вопросы, но помогает их ставить. Так, для Маркса был важен образ Отца Гамлета как методологический инструмент. Образом *Призрака коммунизма*, бродящего по Европе, Маркс начинает свой "Манифест". Но знание надо добывать совмещением пророчества

с наукой - следя и за Призраком, и за людьми.

Почему "откровения", стоящие на столь зыбком фундаменте, так востребованы во все времена? Потому что они задают путь, который, как верят люди, приведет их к светлому будущему. И вера эта становится духовным и политическим ресурсом - люди прилагают усилия, даже несут большие жертвы, чтобы удержаться на указанном пути.

Поэтому-то прогнозы и имеют повышенный шанс сбыться, хотя изменчивость условий и многообразие интересов множества людей, казалось бы, должны были разрушить слабые стены указанного прорицателем коридора. Макс Вебер писал: "Интересы (материальные и идеальные), а не идеи непосредственно определяют действия человека. Однако картины мира, созданные "идеями", очень часто, словно стрелочки, определяют пути, по которым динамика интересов движет действия дальше".

Чтобы "откровение" стало движущей силой общественных процессов, оно должно включать в образ будущего *свет надежды*. Пророчеству, собирающему людей (в народ, партию, класс или государство), всегда присущ *хилиазм* - идея тысячелетнего царства добра. Это идея прогресса, выраженная в символической религиозной форме.

Мобилизующая сила хилиазма колоссальна. Более ста лет умами владел хилиазм Маркса с его "прыжком из царства необходимости в царство свободы" после победы месии-пролетариата. Другой пример - фанатизация немцев "светлым будущим" Третьего рейха, который вынесет эксплуатацию за пределы Германии, превратив славян во "внешний пролетариат".

По словам С. Булгакова, хилиазм "есть живой нерв истории - историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством... Практически хилиастическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном".

Антонио Грамши высказал такую мысль о роли фатализма истмата в консолидации трудящихся: "Можно наблюдать, как детерминистский, фаталистический механистический элемент становится... практически своего рода религией и возбуждающим средством (наподобие наркотиков), ставшими необходимыми и исторически оправданными "подчиненным" характе-

стр. 109

ром определенных общественных слоев. Когда отсутствует инициатива в борьбе, а сама борьба поэтому отождествляется с рядом поражений, механистический детерминизм становится огромной силой нравственного сопротивления, сплоченности, терпеливой и упорной настойчивости. "Сейчас я потерпел поражение, но сила обстоятельств в перспективе работает на меня и т. д." Реальная воля становится актом веры в некую рациональность истории, эмпирической и примитивной формой страстной целеустремленности, представляющей заменителем предопределения, провидения и т. п. в конфессиональных религиях".

Грамши подчеркивает *созидательную* силу марксистского догматизма: "То, что механистическая концепция являлась своеобразной религией подчиненных, явствует из анализа развития христианской религии, которая в известный исторический период и в определенных исторических условиях была и продолжает оставаться "необходимостью", необходимой разновидностью воли народных масс, определенной формой рациональности мира и жизни и дала главные кадры для реальной практической

деятельности".

В создании образа будущего надежда на избавление сопровождается *эсхатологическими* мотивами. К Царству добра ведет трудный путь борьбы и лишений, гонения и поражения, возможно, катастрофа Страшного суда (например, в виде революции - "и последние станут первыми"). Будучи предписанными в пророчестве, тяготы пути не подрывают веры в неизбежность обретения рая, а лишь усиливают ее.

Эсхатологическое восприятие времени, предполагающее избавление в виде катастрофы, разрыва непрерывности, с древности породило множество историй с ожиданиями "конца света" и желанием приблизить его. Но как норму - именно принятие страданий как оправданных будущим избавлением. В революционной лирике этот мотив очень силен. Читаем у Брюсова:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром - Серп и Молот.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, -
Но первой жатвы не увидишь ты.

Как писал П. Бурдые, *предвидение* создает "возможность изменить социальный мир, меняя представление об этом мире". Это новое представление, заданное пророчеством, *создает* будущую реальность. Предвидение буду-

стр. 110

щего предполагает "когнитивный бунт, переворот в видении мира". Это необходимая предпосылка для политического действия.

Бурдые пишет: "Еретический бунт... противопоставляет *парадоксальное пред-видение*, утопию, проект, программу обыденному видению, которое воспринимает социальный мир как естественный. Будучи *перформативным* высказыванием, политическое пред-видение есть само по себе действие, направленное на осуществление того, о чем оно сообщает. Оно практически вовлечено в [создание] реальности того, о чем оно возвещает, тем, что сообщает о нем, пред-видит его и позволяет пред-видеть, делает его приемлемым, а главное - вероятным, тем самым создавая коллективные представления и волю, способные его произвести".

Вывод таков: *образ будущего* собирает людей в народ, обладающий волей. Это придает *устойчивость* обществу в его движении, развитии. В то же время образ будущего создает саму возможность *движения* (изменения), задавая ему вектор и цель. Оба условия необходимы для существования сложных систем, каковыми и являются

общества и народы.

Образ будущего задает народу "стрелу времени" и включает народ в *историю*. Он соединяет *прошлое, настоящее и будущее*, скрепляет *цепь времен*. Рациональность "исторических народов" включает как необходимые элементы рефлексии (память), логический анализ настоящего, предвидение будущего.

Апокалиптика русской революции

Культура России пережила почти вековой подъем апокалиптики, замечательно выраженной в трудах политических и православных философов, в приговорах и наказах крестьян, в литературе Достоевского, Толстого и Горького, в поэтической форме стихов, песен и романсов Серебряного века и 1920-х годов. Этот культурный опыт сегодня актуален.

Исключительно важный для предвидения источник знания - откровения художественного творчества. Они содержат предчувствия, которые часто еще невозможно логически обосновать. Георгий Свиридов писал в своих "Записках": "Художник различает свет, как бы ни был мал иной раз источник, и возглашает этот свет. Чем ни более он стихийно одарен, тем интенсивней он возглашает о том, что видит этот свет, эту вспышку, протуберанец. Пример тому - великие русские поэты: Горький, Блок, Есенин, Маяковский, видевшие в Революции свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен".

Корнями апокалиптика русской революции уходит в иное мировоззрение, нежели иудейская (и лежащие в ее русле пророчества Маркса). В ней приглушен мотив разрушения "мира зла" ради строительства Царства добра *на руинах*. Скорее будущее видится как *нахождение* на время утраченного

стр. 111

града Китежа как преобразование через очищение добра от наслоений зла, произведенного "детьми Каина". Таковы общинный и анархический хилизм Бакунина и народников, наказов крестьян в 1905 - 1907 годах, социальные и евразийские "откровения" Блока, крестьянские образы будущего земного рая у Есенина и Клюева, поэтические образы Маяковского ("Через четыре года здесь будет город-сад").

Этому видению будущего противостоял прогрессизм и либерализм, и классического марксизма. Русская апокалиптика - поучительная война альтернативных "образов будущего". Проективное знание власти в первую половину XX века развивалось в интенсивных дискуссиях. Подобная война нам еще предстоит, и к ней надо готовиться с хладнокровным знанием.

Всякая новая государственность зарождается как политический (и "еретический") бунт. Образ Советской власти вырабатывался в полемике с обоими цивилизационными проектами, которые разделили тогда российское общество, - консервативно-сословного и буржуазно-либерального. Подобно протестантской Реформации на Западе, этот бунт означал радикальный сдвиг в знании о мире, человеке, обществе и власти в России. Во время перестройки ее идеологи не без оснований уподобляли весь советский проект *хилизму* - ереси раннего христианства, предполагавшей возможность построения Царства Божия на Земле.

Предметом предвидения был стратегический вопрос о возможности революции "в

одной, отдельно взятой капиталистической стране". Ленин декларировал эту идею в августе 1915 года, что и было "еретическим бунтом" против марксизма. Уже в "Немецкой идеологии" Маркс и Энгельс отвергали такую возможность в "отставших" западных странах. Они писали: "Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное "сразу", одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только во всемирно-историческом смысле, подобно тому, как коммунизм - его деяние - вообще возможен лишь как "всемирно-историческое" существование".

Конфликт был радикальным, Троцкий писал в работе "Наша революция" (1922): "Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты". Эта позиция была важным элементом идеологии перестройки.

Второй узел противоречий относительно образа будущего России был связан с выбором цивилизационной траектории. Это было сутью раскола, который разделил большевиков и меньшевиков. Речь шла об отношении к

стр. 112

крестьянству, за которым стояли разные представления о модернизации - или с опорой на структуры традиционного общества, или через демонтаж этих структур. Представления крестьян о благой жизни (образ чаемого царства справедливости) были подробно изложены крестьянами в годы революции, и перед социал-демократами стоял вопрос: принять их или следовать установкам марксизма?

В послевоенные годы началась деградация советской общественной мысли, и она стала уступать своим оппонентам в полемике об образе будущего.

Кризис индустриализма и апокалиптика Запада

Становление современного Запада происходило в обстановке мощного подъема философской мысли и проектирования новых форм жизнеустройства. Новый всплеск был вызван назревающим кризисом индустриализма, симптомами которого стали перестройка картины мира, Первая мировая война и цепь революций в "западных" странах. Футурологические изыскания 1970 - 1980-х годов отличаются от пророчеств и предчувствий Ницше и Шпенглера своим систематическим и организованным характером. Они стали особой институционализированной областью знания, возникла целая сеть организаций, занятых разработкой "образа будущего" - как для всего мира, так главное - и для Запада.

Примером служит Римский клуб, заказывавший видным системным аналитикам доклады со сценариями развития цивилизации в среднесрочной перспективе. В противовес Римскому клубу была создана Трехсторонняя комиссия под руководством З. Бжезинского. Она разрабатывала проекты будущего общества в "полузакрытом" порядке. Действовало множество аналитических центров - и государственных, и корпоративных (примеры - Гудзоновский институт, или корпорация РЭНД). Первый доклад Римскому клубу "Пределы роста" (1972) сразу вышел на 30 языках тиражом 10 миллионов экземпляров. Свыше тысячи учебных курсов в университетах использовали книгу как учебное пособие - так готовилась элита Запада. Это было началом

практической разработки современной доктрины глобализации.

Новый всплеск этой апокалиптики был порожден поражением СССР в "холодной войне" и необходимостью проектирования Нового порядка. В связи с дискуссией о постиндустриализме особый интерес привлекло усиление в этой футурологии мотива страха (показательны книги Жака Аттали). Постсоветский апокалиптический дискурс Запада выполняет функцию запугивания и внушения, что, впрочем, признается как характерная черта всей европейской интеллектуальной традиции. Ценный материал дала философская дискуссия о террористической атаке 11 сентября 2001 года.

стр. 113

Перестройка и реформа 1990-х годов

Проектирование будущего, определение общего вектора развития и конкретное целеполагание, осуществляемые властью и принимаемые (или отвергаемые) обществом, требуют постановки и осмысления фундаментальных вопросов бытия. Власть (или оппозиция как ее тень) формулирует их в форме национальной повестки дня как череду "перекрестков судьбы", актуальных исторических выборов, давая и обоснование своего выбора той или иной альтернативы. На разных уровнях общества эта повестка дня обсуждается в ходе "каждодневного плебисцита".

Революция, объявленная идеологами антисоветской трансформации, казалось, с неизбежностью требовала интенсивных дискуссий о "светлом будущем", которое могло бы оправдать такую катастрофу.

Академик Т. И. Заславская в книге-манифесте "Иного не дано" (1988) пишет: "Предстоящее преобразование общественных отношений трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) социальной революцией. Речь, следовательно, идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а революцией, в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами... Спрашивается: возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет... Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова "революция"".

Подумайте: главный социолог страны и советник генсека КПСС объявляет, что власть погружает страну в революцию, что будет "резкое перераспределение власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами" и "обострение социальной борьбы" - и ни слова о том, какие антагонистические противоречия делают неизбежным такой выбор. Какие классовые интересы столкнулись в середине 1980-х годов в стране, где были устранены массовая бедность и безработица, преодолена социальная вражда, вызванная резким расслоением по доступу к главным жизненным благам? В чью пользу произойдет "резкое перераспределение" всего? Безответственность такого доктринерства просто потрясает.

В 1991 году в программном докладе Т. И. Заславская дала совершенно немислимое обоснование перестройки: "Главное социальное отношение советского общества на протяжении десятилетий заключалось в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Возникшее в начале 30-х годов и резко углубившееся к 80-м социальное противостояние этих классов

Больное, прогнившее, резко дифференцированное общество предполагалось сделать здоровым и социально справедливым... Советскому обществу предстоит пройти через серьезные трудности, которые представляют своеобразную "плату" за приобщение к общечеловеческим ценностям...

Единственно разумной политикой является последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополистической системы в целях ее замены более эффективной системой "социального капитализма"... Такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и "социализированному" капитализму".

При этом она сообщает, что в сентябре 1990 года на вопрос: "каким курсом должен следовать СССР в будущем?", за "отказ от социализма и переход к капитализму" высказались 8 процентов! И делает вывод: "Демократическая перестройка, происходящая в нашей стране, была задумана как реформа "сверху", но на практике переросла в революцию "снизу", поддержанную многомиллионными массами". Такова логика у академика-демократа.

Однако важнее, что М. С. Горбачев принципиально отверг целеполагание как необходимую функцию власти, приступающей к трансформации общества. Он с самого начала заявил: "Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ". Никто и не просил у него педантичного ответа - спрашивали о векторе изменений.

Отказ от явного целеполагания - признак преследования властью целей, настолько противоречащих интересам страны, что их невозможно огласить вплоть до надежного ослабления общества. В таком случае истинная цель оглашается только после достижения необратимости. Так и было: в Мюнхене 8 марта 1992 года Горбачев сказал: "Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул". Обнародовать эту цель, будучи президентом СССР, было бы неприлично.

Причины умолчания могут быть и более примитивными, например желание уйти от ответственности при провале авантюрной программы. Цель не объявляется, а после провала говорится, что "мы этого и хотели". Если есть контроль над СМИ, то катастрофу можно представить как следствие "тоталитарного прошлого", "отсталости народа" и пр. Иногда эти причины совмещаются: начав авантюрную программу и заведя страну в тупик, власть идет с повинной не к собственному народу, а к геополитическому противнику и "сдает" страну.

И все же на исходе перестройки и в 1990-е годы вектор движения было довольно легко реконструировать - и по словам, и по делам. Однако ко-

распада. Важная часть обществоведения была полностью несостоятельной. Отметим вехи в развитии ее кризиса.

Деградация когнитивной основы советской и постсоветской апокалиптики

Уход власти от ясного целеполагания - симптом глубокого кризиса. Если интеллектуальную команду Горбачева или Ельцина еще можно было подозревать в саботаже, то после 2000 года более вероятным объяснением является низкая квалификация. Сегодня власть молчит, не пытаясь изложить свое представление о будущем, а если и говорит, то так, что каждое слово порождает кучу недоуменных вопросов. Речь власти стала средством не объяснения (от слова "ясно"), а сокрытия целей и планов, если таковые имеются. Недаром при власти "кормится" рать толкователей ("политологов"). Поскольку и у оппозиции дело не лучше, это надо считать следствием общего неблагополучия в культуре.

Можно представить такую цепочку срывов.

- Сильное потрясение когнитивной структуры вызвала акция Хрущева по профанации целеполагания. В конце 1950-х годов идеологическая власть стала уходить от фундаментальных вопросов, раз за разом подрывая иерархию ценностей и смешивая ранги проблем. Как правило, это смешение имело не случайный, а направленный характер - оно толкало сознание к принижению ранга проблем, представляя вопросы исторического выбора как технические решения, автономные от проблемы добра и зла.

Еще в 1930-е годы Н. И. Бухарин мог критиковать поэтические образы будущего у Блока и Есенина. Он верно определял несовместимость прозрения Блока с антропологией марксизма: "С великой болью Блок угадывал по вечерним кровавым закатам и грозовой атмосфере грядущую катастрофу и надеялся, что революционная купель приведет к новой братской соборности... Но разве эта опозитизированная идеология, эти образы, эти поиски внутреннего, мистического смысла революции лежат в ее плане?.. Это воспевание новой расы, азиатчины, самобытности, скифского мессианства, очень родственное философской позиции Блока, не напоминает ли оно некоторыми своими тонами и запахами цветов евразийства?"

Так же верно оценил Бухарин несовместимость с марксистской апокалиптикой "производительных сил" есенинского образа светлого будущего - где "избы новые, кипарисовым тесом крытые", где "дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сыченою брагой". По словам Бухарина, "этот социализм прямо враждебен пролетарскому социализму". Это был спор о выборе цивилизационного пути. В программных выступлениях

стр. 116

Хрущева цель определялась в терминах "догнать Америку по мясу и молоку", а спорить приходилось с образами Евтушенко. Уже не "пели в земле святые корни".

- Способом отхода от целеполагания стало смешение векторных и скалярных величин. Это привело к глубокой деформации понятийного аппарата и фактически означало прекращение попыток представить образ будущего. Сама идея коммунизма была таким образом подвергнута профанации и перестала "работать". Именно в этом смысле период Брежнева был застойным. Движение требует постоянной ориентации "по звездам", но эта функция не выполнялась, решения принимались ситуативно - как ответ на угрозы,

которых не могли вовремя разглядеть в тумане. Скорее всего Горбачев и его команда поначалу действительно не могли бы сказать, "где они посадят самолет".

Эта методологическая слабость в полной мере проявилась после 2000 года, вследствие чего и нефтедоллары не помогли остановить процесс деградации хозяйства и социальной сферы. Дело дошло до того, что в 2006 году Греф объяснял, что надо делать с лишними деньгами, которые душат Россию: "У стабилизационного фонда есть две функции. Первая функция очень малопонятна - это функция стерилизации избыточных денег... Стабилизационный фонд нужно инвестировать вне пределов страны для того, чтобы сохранить макроэкономическую стабильность внутри страны. Как это ни парадоксально, инвестируя туда, мы больше на этом зарабатываем. Не в страну!"

- Целеполагание выступает в связке с рефлексией. Одно без другого недействительно. Невозможно ставить цель на будущее, не подведя итога прошлому как результату предыдущих решений. Проектирование будущего выполняется в конкретных координатах пространства и времени. Исходная точка каждого проекта - "здесь и сейчас". Мы проектируем будущее не из реальности США или Швеции, не из царской России или СССР, а из РФ начала XXI века. Для понимания сущности исходной точки надо знать ее генезис (зарождение и развитие в прошлом) и динамику изменений. Для этого необходима рефлексия как особый тип анализа.

Общество без рефлексии не имеет будущего. Первым шагом к общему кризису у нас и стали отключение памяти и порча инструментов рефлексии. Это изменение в конце 1980-х годов было массовым и поразительным по своей моментальности - будто кто-то "сверху" щелкнул выключателем. Распалась цепь времен, а если сказать прямо: идеологические службы реформы совершили убийство исторической России. Проектирование будущих форм исходило из двух принципов: возможно более полного слома советской системы и копирования западных структур как "естественных" и эффективных.

стр. 117

Утрата коллективной памяти вызвала сдвиг от реалистического мышления к аутистическому. Цель реалистического мышления - создать правильные представления о действительности, цель аутистического мышления - создать приятные представления и вытеснить неприятные, преградить доступ всякой информации, связанной с неудовольствием. Реформаторы и их "элита" впали в крайнее состояние - грезы наяву. Исходя из социального запроса этой "элиты" и фабрикуются нынешними сивиллами в лице политологии и футурологии приятные образы будущего.

- Принципиальный дефект той мировоззренческой структуры, на основе которой производилось целеполагание реформ, - этический нигилизм, игнорирование ограничений, "записанных" на языке нравственных ценностей. Отсутствие этой компоненты в программах больших реформ выхолащивает их смысл, лишает легитимности. Постановка цели реформы всегда предваряется манифестами, выражающими этическое кредо ее интеллектуальных авторов. Они обязаны сказать людям, "что есть добро" в их программе и что есть меньшее зло по сравнению с альтернативными программами.

Сами по себе политические или экономические инструменты или механизмы (демократия, рынок и пр.) не могут оправдывать слом жизнеустройства и массовые страдания людей. Современный капитализм и буржуазное общество могли быть построенными потому, что им предшествовало создание новой нравственной матрицы -

протестантской этики. Она предложила людям новый способ служения Богу, инструментом которого, в частности, была нажива. Именно в частности, как один из инструментов, а не как идеальная цель.

Ничего похожего не имело места в постсоветской России. За первые десять лет перестройки и реформы обществоведение реформаторов много сделало, чтобы вообще устранить из мировоззренческой матрицы власти сами понятия греха и нравственности, заменив их критерием экономической эффективности. Реформа не просто не сформировала чего-либо похожего на протестантскую этику: она сформировала ее антипод - этику социального хищника и расхитителя средств производства и жизнеобеспечения общества.

Если мы вспомним весь перечень частных целей, поставленных в реформе, то убедимся, что ограничения не упоминались вообще или затрагивались в очень расплывчатой, ни к чему не обязывающей форме (вроде обещания Горбачева "конечно же, не допустить безработицы" или обещания Ельцина "лечь на рельсы").

Разрушение методологической базы реформ шло быстро - сейчас страшно читать даже академические труды "ведущих философов и экономистов", авторов доктрин того времени. Это бессвязная мешанина

стр. 118

марксистских и неолиберальных понятий и категорий с отходом от элементарных норм логики и последовательности шагов в рассуждениях. Неопределенность целей, средств, индикаторов, критериев и сейчас продолжает быть присущей всем изменениям, которые власть пытается внести в жизнеустройство страны. Это движение без компаса и карты грозит России многими бедами.

- Программами-вирусами для долгосрочного целеполагания постсоветской России стали абсурдные (с точки зрения легальных критериев) идеи и доктрины. Примером служит доктрина деиндустриализации России, которая реализуется на практике. В частности, А. Н. Яковлев предложил доктрину "Семь "де"" - семь магических действий, которые надо совершить в ходе реформы. И это формула целеполагания, обнародованная академиком РАН, членом Политбюро ЦК КПСС, "архитектором" перестройки! Четвертым "де" у него и стоит деиндустриализация. Разъяснение этой немыслимой цели заменено бессвязными и не имеющими отношения к теме банальностями. Это редкостное по своей иррациональности стремление уничтожить отечественную промышленность широко распространено в реформаторской элите.

Надо подчеркнуть, что деиндустриализация представляет прямую национальную угрозу для русского народа. Хотим мы этого или нет, но за XX век образ жизни почти всего русского народа стал индустриальным, то есть присущим индустриальной цивилизации. Даже в деревне почти в каждой семье кто-то был механизатором. Машина с ее особой логикой и особым местом в культуре стала неотъемлемой частью мира русского человека. Русские стали ядром рабочего класса и инженерного корпуса СССР. На их плечи легла главная тяжесть не только индустриализации, но и технического развития страны. Создание и производство новой техники сформировали тип мышления современных русских, вошли в центральную зону мировоззрения, которое спланивало русских в народ. Русские по-особому организовали завод, вырастили свой особый культурный тип рабочего и инженера, особый технический стиль.

В сознании антисоветской элиты укоренилась нелепая версия утопии

"постиндустриализма", при котором человечество якобы будет обходиться без материального производства - промышленности и сельского хозяйства. Будучи министром, Г. Греф сделал такое заявление: "Могу поспорить, что через 200 - 250 лет промышленный сектор будет свернут за ненадобностью так же, как во всем мире уменьшается сектор сельского хозяйства".

Академик Н. П. Шмелев сократил срок ликвидации промышленности до 20 лет. Он так видит будущее России: "Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5 процентов трудоспособного населения

стр. 119

(2 - 3 процента в традиционной промышленности и 1 - 1,5 - в сельском хозяйстве) - значит, это и наша перспектива".

В этом умозаключении имеет место тяжелое нарушение логики. Однако эту мысль развивает В. Ю. Сурков: "Поэтому мы так долго топчемся в индустриальной эпохе, все уповаем на нефть, газ и железо... Нам не нужна модернизация. Нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы... Речь действительно идет о принципиально новой экономике, новом обществе". Это - стратегическая концепция, претендующая быть примером нарочитого абсурда*.

- Культура предвидения в России не выдержала удара постмодерна. В рамках нашей темы постмодернизм - это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики и рациональности. Это стиль, в котором "все дозволено", "апофеоз беспочвенности". Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей. Этот переход налагается на более широкий фон антимодерна - отрицания норм рационального сознания вообще. В политической практике это означает постоянные разрывы непрерывности, что резко затрудняет рефлексию и предвидение.

Человек парализован наблюдаемой реальностью. Постмодернистский характер политических технологий, применяемых при "демократизации" России, проявляется в архаизации общественных процессов. Можно вспомнить танковый расстрел Дома Советов в 1993 году в Москве. Россия стала обществом спектакля, а оно несовместимо с предвидением и проектированием будущего. Граждане стали зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. Теряется ощущение реальности, люди перестают понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. Жизнь приобретает черты карнавала, условности и зыбкости. Человек утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима диалога, он оказывается в социальной изоляции. Такое состояние поддерживается искусственно; возникли даже особый жанр и особая способность - непрерывное говорение. На радио и телевидении появились настоящие виртуозы этого жанра.

Но особенно важно для нашей темы ощущение "псевдоциклического" времени, возникающее у человека, наблюдающего политический спектакль. Время спектакля, в отличие от исторического времени, становится не общей ценностью, а разновидностью товара, потребляемого в стандартных упаковках. Один "пакет" спектакля "стирает" другой - "история смысла не имеет"! Общество спектакля - это "вечное настоящее".

---

* Доктрина деиндустриализации ради "постиндустриализма" полностью противоречит тому знанию, которое к середине 1990-х годов было накоплено о постиндустриальном обществе. Было показано, что оно вовсе не "деиндустриализованное", а *гипериндустриальное*.

стр. 120

В реальной жизни время как важнейшая координата бытия ощущается в связи "прошлое-настоящее-будущее". Спектакль способен "остановить" настоящее, и в нем не остается места для проявления воли человека, будущее запрограммировано режиссером. Режиссеры спектакля становятся абсолютными хозяевами воспоминаний человека, его устремлений и проектов.

Заключение

В каком же состоянии находится в России духовная деятельность по предвидению будущего и конструированию будущих социальных форм? Прежде всего, наша культура утратила инструменты и навыки для войны "образов будущего". Мы ее не только проиграли в 1990-е годы, но и отравили свой организм внедренными нам вырожденными образами-вирусами. Без излечения мы не выберемся из той экзистенциальной ловушки, в которую угодили в конце XX века; но излечение идет очень медленно. Поражение этой части нашего общественного сознания является системным.

Состояние арсенала средств для этой работы сегодня плачевно. Главные изъяны нашего интеллектуального оснащения вызваны тем, что подавлена рефлексия и испорчены ее инструменты (архивы, статистика, стандарты отчетности). Снижен общий уровень рационального мышления (мера, логика, различение категорий и понятий, смешение индикаторов и критериев). За 1990-е годы в России распались профессиональные сообщества, а СМИ, обязанные служить каналами социодинамики знаний, в основном работают на создание хаоса.

Но главным следствием нашего кризиса, парализующим способность к предвидению и проектированию будущего, является аномия России. Атомизация общества, индивидуализм его членов, одиночество личности, противоречие между "навязанными" обществом потребностями и возможностями их удовлетворения - вот причины возникновения этой аномии. Она привела к ослаблению или разрыву связей между людьми, "рассыпала" почти все крупные общности, стерла из сознания многие нравственные и правовые нормы. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Результатом стало исчезновение коллективных субъектов предвидения и формирования образа будущего.

Произошла глубокая дезинтеграция российского общества и утрата идентичности большинством личностей. Обрезав советские корни, жители России не обрели других и становятся людьми ниоткуда, идущими в никуда. Проблемы страны не воспринимаются большей частью населения как общие, требующие сочувствия и мобилизации усилий всех. Это и мешает выработать общий образ будущего.

стр. 121

Беспокойство, страхи и пессимистическое восприятие будущего не позволяют людям строить долговременные жизненные планы, а они-то и побуждают к мыслям о будущем. Согласно опросу 2003 года, 81,7 процента респондентов не планируют свою жизнь или планируют ее не более чем на год. Сегодня почти три четверти россиян обеспокоены одним: как обеспечить свою жизнь в ближайшем году. Как подчеркивают социологи, "тревожность и неуверенность в завтрашнем дне присущи представителям всех слоев и групп населения, хотя, конечно, у бедных и пожилых людей эти чувства проявляются чаще и острее".

Граждане России не хотят "глядеть в будущее". Сокращение "социальной жизни" человека релятивизирует его взгляды, оценки, отношение к нормам и ценностям. Особенно сильно социальная катастрофа повлияла на сокращение длительности жизненных проектов молодого поколения.

В этих условиях мы должны сконструировать и создать социальные формы, в которых деятельность по разработке новой методологической базы для предвидения и проектирования будущего могла бы вестись и в этих аномальных неблагоприятных условиях - как вели свои летописи "монахи в темных кельях" даже в условиях вражеских нашествий.

Исходя из этого, срочные задачи групп и ячеек, берущихся за предвидение и проектирование образа будущего и конструирование новых социальных форм, видятся следующим образом:

- создание нескольких площадок для обсуждения методологических проблем предвидения и проектирования будущего и соединение их в сети;
- проведение упрощенного системного анализа ситуации в сфере данной деятельности и грубый мониторинг наличных ресурсов;
- составление "карты" главных угроз для России и определение "границ возможного" для проектирования социальных форм будущего;
- выбор критически важных объектов, требующих срочных и чрезвычайных усилий по социальному проектированию (народ, общество, классы, профессиональные сообщества);
- выбор стратегического критерия к проектированию "службы ремонта" поврежденных и строительства новых социальных систем.

Заглавие статьи	СОЦИОЛОГО-ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ
Автор(ы)	В. В. ЩЕРБИНА
Источник	Социологические исследования , № 3, Март 2007, С. 30-42
Место издания	Москва, Россия
Объем	57.7 Kbytes
Количество слов	5800
Постоянный адрес статьи	http://dlib.eastview.com/browse/doc/11892727

СОЦИОЛОГО-ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

Автор: В. В. ЩЕРБИНА

ЩЕРБИНА Вячеслав Вячеславович - доктор социологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Развитие и эффективность деятельности менеджера и управленческого консультанта в современной бизнес-организации неотделимы от процесса создания специфических технологий управленческой деятельности. Особое место среди них занимают "средства социологической диагностики" (далее - ССД). Сегодня этот термин прочно вошел в лексикон отечественных социологов, менеджеров и управленческих консультантов. Сами эти средства стали неотъемлемым элементом практической деятельности социологов, а их разработкой заняты многие специалисты [1, 2]. Тем не менее единого представления о содержании ССД так и не выработано, наиболее острыми, на наш взгляд, остаются проблемы *теоретико-методологических и методических различий*, лежащих в основе их типологии, *выявление специфики разнородных ССД, а также сфер и границ их применения*. Именно этим проблемам и посвящена статья.

1. Некоторые базовые представления о природе и специфике ССД

Поскольку мои представления о специфике, природе, структуре и функциях социолого-диагностических средств (а также специфике диагностики как процесса) уже достаточно подробно изложены в ряде публикаций [1 - 3], считаю важным напомнить лишь некоторые базовые положения о сущности ССД. При этом представляется необходимым дать краткий перечень теоретико-методологических проблем, связанных с различием подходов на стадии разработки, и проблем, возникающих при использовании социологической диагностики.

* Формируя представление о специфике ССД по сравнению с традиционными средствами проведения эмпирического исследования, мы исходили из представления об их принадлежности к более широкому классу диагностических средств, уже сложившихся в других предметных областях (медицина, техника, психология и др.), созданных на стыке науки и преобразующей (корректирующей) практики [4];

* ССД - особый тип средств получения социальной информации, принципиально отличный по задачам, структуре и функциям от средств академического социологического исследования;

* предметная специфика ССД - это рассмотрение любого социального объекта через призму выполнения им институциональных требований того социального института, в деятельность которого он включен;

* наиболее типичная область применения ССД - управленческая практика (менеджмент, управленческое консультирование в сфере управления человеческими ресурсами);

* ССД как специфическая технология (в данном случае социальная) - это достаточно жесткий и тиражируемый алгоритм получения информации о состоянии кон-

стр. 30

кретного социального объекта, созданный под конкретную (повторяющуюся) практическую задачу;

* в качестве объекта диагностики в ССД рассматриваются только социальные целостности: организация, социальная группа (подразделение), работник, включенный в деятельность;

* основная функция ССД - прогнозирование поведения объекта и прогноз его эффективности в ситуации, когда изменения в состоянии и режим его работы не внесены;

* ССД - важный элемент в системе принятия решений; диагностическое средство, всегда ориентированное на решение практической задачи - подготовку проекта о необходимости вмешательства (невмешательства) в состояние или режим работы объекта и определение типа такого вмешательства;

* структура диагностических структур, как и в других диагностических технологиях, состоит из трех блоков: блок описания реального состояния объекта; блок его должного состояния; блок соотнесения реального и должного состояний.

В развернутом виде специфические черты ССД, принципиально отличающие их от средств социологического исследования, отражает таблица 1.

2. Теоретико-методологические и методические различия ССД разнообразных типов в привязке к элементам их структуры

Речь пойдет лишь о попытке решения теоретико-методологических и методических проблем, связанных с разнообразием существующих типов ССД; серьезным различием принципов, лежащих в основе их разработки; определением сфер и границ их применения. Различие типов ССД рассматривается в привязке к тем или иным элементам их структуры.

2.1. Блок описания реального состояния объекта. Этот блок (далее - БОРСО) составляет информационную основу диагностики, представляет собой относительно самостоятельную технологию получения информации о состоянии социального объекта. Его основная задача - предложить стандартную процедуру получения информации, направленную на непротиворечивое описание социальной целостности, включенной в деятельность в рамках данной системы управления. По функциям, теоретическим и методологическим основаниям и методам получения информации блок в чем-то схож со средствами проведения социологических исследований. Принципиальные же отличия связаны с алгоритмизированностью способа получения информации об объекте,

созданного под конкретную задачу, и относительной простотой заданного алгоритма.

Содержание БОРСО существенно различается в разных ССД и зависит от многих факторов. В числе последних:

- *тип диагностируемого объекта*; в качестве такового могут выступать различные социальные целостности: а) организация, б) целевая группа (коллектив), в) индивид, г) целевое окружение (другие организации, с которыми данная организация находится в социальном взаимодействии);

- *тип решаемых задач*, в качестве которых могут рассматриваться: а) формирование организационной стратегии развития организации; б) формирование кадровой стратегии, организационного проектирования или реконструкции; в) подбор персонала; г) аттестация персонала; д) планирование карьеры работника; е) формирование или изменение состава коллектива; ж) разрешение или смягчение конфликтов, з) формирование организационного ядра; и) стабилизация кадрового состава; к) формирование и корректировка корпоративной культуры и другие задачи преимущественно из сферы управления человеческими ресурсами;

стр. 31

Таблица 1

Сравнительные характеристики ССД и средств социологического исследования

Структура	Средства социологического исследования	Средства социологической диагностики
Сфера применения	Академическая наука	Преобразующая и корректирующая практика
Объект	Группа объектов одного класса	Единичный объект
Цель	Получение принципиально нового знания об объектах данного класса	Получение информации для решения вопроса о необходимости изменения в состоянии (режим работы) конкретного объекта
Функция	Расширение	Прогнозирование

	существующих представлений о природе и поведении объектов данного класса	поведения конкретного объекта; принятие решения о необходимости вмешательства в его состояние (режим работы)
Результат	Изначально непредсказуем	Итоги диагностики изначально ограничены спецификой данного средства, заложены в процедуре используемого ССД
Содержание деятельности	Выявление общего, типичного или закономерного в природе, строении или поведении объектов данного класса	Выявление специфического и уникального в конкретном объекте, его отличий от других объектов данного класса
Специфика взгляда на объект	Описание отдельных сторон или черт поведения объекта	Описание объекта как целостности
Ключевая функция	Расширение знаний об объектах данного класса	а) Предсказание поведения (состояния) конкретного объекта. б) Оценка его поведения (деятельности, режима функционирования) через призму выполняемых им функций
Отношение к информации	Любая новая информация об изучаемых объектах важна и	Избыточная информация вредна. Информации нужно ровно столько и

	самоценна	такой, чтобы решить конкретную практическую задачу
Требование к процедуре	Стремление к полноте описания объекта и достоверности информации, предполагающее относительную сложность процедуры получения информации	Стремление к простоте и удобству использования
Время, затрачиваемое на получение информации	Чем больше, тем - лучше	Оперативность получения информации - важнейшее требование (иногда даже ценой снижения достоверности)
Использование дублирующих методов получения информации	Приветствуется	Исключается
Элемент творчества	Не повторяющаяся, поисковая, сугубо творческая деятельность	Повторяющаяся, рутинная деятельность
Возможность технологизации процедуры	Не поддается алгоритмизации, технологизации и тиражированию	Высоко алгоритмизирована, технологизирована; процедура изначально ориентирована на тиражирование
Интерпретация полученных	Обязательна: неотъемлемый	Минимизируется. В идеале совсем

результатов	компонент всякого исследования	исключается, поскольку заложена в самой процедуре диагностики
Представление о норме	Отсутствует, так как любое знание самоценно	Представление о норме обязательно присутствует (в явной или латентной форме) у практикующего специалиста
Требования к лицу, получающему информацию	Высокий уровень квалификации, талант, фантазия	Обязательно - требование к соблюдению технологии

- *источники получения информации* (субъективная информация, объективизированная субъективная информация, объективная документальная информация, данные статистики и др.);

- *методы получения информации и тип информации;*

- *способы обработки и анализа* полученной информации (например, количественный или качественный анализ);

- *степень формализации показателей*, в которых происходит описание объекта (количественная или качественная информация);

- *степень технологизации и стандартизации* процедур диагностики;

- *степень возможности переноса* данного средства с одного объекта на другой;

- *простота процедур*, заложенных в данное средство;

- *надежность и валидность* данной методики.

Однако наиболее важным для различения фактором, во многом интегрирующим другие частные факторы, являются *методологические различия*, связанные с совокупностью используемых разработчиком диагностических средств, исходных априорных принципов, определяющих логику работы с объектом. Именно методологические различия предопределяют почти все другие. В укрупненном виде они могут быть сконцентрированы в рамках двух, во многом противоположных друг другу, теоретико-методологических парадигм, сложившихся в социологии и много лет находящихся в оппозиции методологической универсальности в социологической науке. Эти *подходы* и

обуславливают большинство из названных выше принципиальных различий в разных типах ССД. Один из них - "объективистский" (предметный) восходит к принципам естественно-научного подхода в социологии и, соответственно, позитивистской методологии, лежащей в основе проведения эмпирических исследований [5], другой - "субъективистский" (конструктивистский), опирающийся на положения различных версий конструктивистской социологии [6].

Объективистский подход, апеллирующий к естественно-научной методологии, рассматривает любой социальный объект как реально существующее, самоидентичное квазиприродное образование, поведение которого извне или изнутри детерминировано; функционирует и развивается по неким собственным законам и логике. Отсюда основная задача диагноста - соотнести свойства и поведение объекта с этими законами, используя традиционную субъект-объектную логику - логику взаимодействия между объектом и диагностом. При реализации этого подхода создатели ССД стремятся к объективности описания объекта на основе формальных показателей и исходных концептуальных схем. Основным недостатком подхода является то, что объект рассматривается как статичный, не обладающий источником спонтанной активности и свободы выбора поведения.

Субъективистский (конструктивистский) подход стремится преодолеть классическую субъект-объектную логику взаимоотношения диагноста и диагностируемого объекта. Социальный объект рассматривается не как статичный, детерминированный извне, а как активный, обладающий возможностями спонтанной активности и свободы выбора. Социальная реальность здесь рассматривается обычно как арена действий различных, часто противоположных сил (индивидов и групп), преследующих свои цели и способных свободно выбирать свое будущее состояние в соответствии с проектами и идеалами; она продукт сознательных усилий деятельности многочисленных факторов и неотделима от них. Сфера деятельности такой диагностики - сознание, рациональность, мир смыслов и идеальных представлений. Центральная проблема - конвенциональное согласование целей и жизненных стратегий участников взаимодействия; организация деловых коммуникаций; выбор социально приемлемых целей; соорганизация под намеченную цель.

Содержание принципиальных различий между двумя подходами лежит в сфере различия исходных априорных допущений (фактически, вопросов веры), из которых и

стр. 33

вытекают принципиальные различия логик описания объекта и дальнейшей работы с ним в сфере управления (см. таблицу 2).

Различия в теоретико-методологических основаниях диагностики во многом определяют различия и в диагностических методиках. Первый тип ССД (предметный) ориентирован на выявление объективных свойств социального объекта; использует исходные концептуальные схемы функционирующих объектов, формальные описания; второй (проблемный) ориентирован на выявление проблем, с которыми сталкиваются индивиды и группы при реализации поставленных целей; принципиально отрицает ценность концептуальных схем и избегает формальных описаний; опирается в основном на мягкие качественные методы получения информации - методы неформализованного интервью и результаты имитационных игр, игр открытого типа, а также на анализ документов; в качестве основных средств анализа рассматривает умозрительные рациональные модели и коллективную рефлексию [7].

Представляется, что спор между носителями каждой из описанных методологий и их претензии на однозначную правильность исходных допущений при описании социальной реальности (во всяком случае, применительно к задаче диагностики социальных объектов в системе управления и логике работы с этим объектом) не оправданны и бессмысленны, впрочем, как бессмысленны и неудачны многочисленные попытки синтеза указанных методологий [8].

Дело в том, что каждая из этих методологических ориентации достаточно адекватна описываемой социальной реальности, вместе с тем каждая из них ограничена, поскольку описывает лишь одну из сторон этой реальности. Кроме того, эти методологические ориентации несводимы уже в силу достаточно противоположных исходных оснований. Принципиальное различие двух противоположных подходов в сочетании с фактом, что ССД, сконструированные на принципах того или иного подхода, оказываются эффективными при решении задач, под которые они сделаны, свидетельствуют о том, что оба подхода эвристичны, ограничены и несводимы. Ни один из них не может заменить другого, поскольку каждый адекватно, но неполно описывает свою сторону социальной реальности.

Субъективистский подход достаточно адекватно описывает социальную реальность в ипостаси свободы (процессы выбора ориентиров социальных изменений и плана изменений реальности). Применительно к управлению речь идет, прежде всего, о логике формирования коллективных конвенционально приемлемых целей и стратегий (в том числе стратегий развития организации). Объективистский же подход адекватно описывает социальные объекты в ипостаси их детерминированности и ориентирован на прогнозирование последствий сделанного выбора для социальной системы (в данном случае для состояния и эффективности организации). Речь идет о том, что Р. Мертон называл "социальной функцией" и которую трактовал как агрегированную совокупность социальных последствий предпринятого социального действия [9]. В практике же управления применение ССД, созданных в рамках этой методологии, связано с прогнозированием последствий планируемого социального действия для организации.

Анализ наиболее удачно сконструированных ССД, созданных на основе разных версий подхода, во всяком случае применительно к управлению, показывает, что затянувшаяся полемика между носителями идей субъективистской и объективистской традиции в социологии фактически бессмысленна. Подходы отражают разные стороны одной и той же социальной реальности. Каждый из подходов имеет свои достоинства и недостатки, а также свою сферу применения. Используемые теоретико-методологические основания во многом определяют тип и специфику социолого-диагностических методик.

Вместе с тем, задача перехода от выбранных на основе логических конструкций конвенциональных согласований, ориентиров изменения и идеальных образцов к формированию реальной социальной системы остается проблемой. Как явствует из

Таблица 2

Различие основополагающих принципов, созданных в рамках объективистского и субъективистского подходов при конструировании ССД

Объективистский подход	Субъективистский подход
<p>Все типы социальных объектов рассматриваются как объективно существующая реальность</p>	<p>Все типы социальных объектов (кроме индивида) рассматриваются как вторичные по отношению к индивиду образования или как эпифеномен</p>
<p>Социальный объект обладает специфической природой; самоидентичен, имеет достаточно устойчивые качества и свойства</p>	<p>Изначально отрицается наличие какой-либо природы социального объекта. Главное отличие социального объекта от физического - способность изменять свои свойства</p>
<p>Социальный объект (и социальная реальность) имеет естественную природу, функционирует и развивается по своим законам</p>	<p>Изначально отрицается наличие любых законов функционирования и развития объекта и социальной реальности. Социальный объект - объект конструируемый, что осуществляется сознательными усилиями людей</p>
<p>Принципиальная (хотя и ограниченная) возможность воссоздания природы и моделирования поведения социальных объектов в теоретических и эмпирических моделях и концептуальных схемах</p>	<p>Принципиально отрицается сама возможность адекватного моделирования природы или поведение социальных объектов в теоретических схемах</p>
<p>При изучении поведения объекта основной акцент делается на выявление черт объекта, совершающего деятельность</p>	<p>При изучении поведения черт объекта основной акцент делается на содержании деятельности, в которую он включен, и на проблемы, возникающие у него в контексте деятельности</p>

<p>Возможность непосредственного воздействия социального субъекта на социальную реальность</p>	<p>Отрицается, что социальный субъект находится в непосредственном взаимодействии с социальной реальностью. Он имеет дело, скорее, с коллективным представлением о ней</p>
<p>Поведение социального объекта описывается как детерминированное</p>	<p>Заданность и детерминированность поведения социального объекта принципиально отрицаются, описывается в терминах "свободы" и "выбора"</p>
<p>Логика развития объекта описывается в терминах: "прошлое определяет состояние будущего"</p>	<p>Логика развития описывается в терминах "будущее (цель, сформулированный идеал) определяет состояние настоящего"</p>
<p>Принципиальное сходство принципов познания природы физических и социальных объектов. Естественные науки (по принципу своего построения, строгости и др.) - образец для развития социальных наук</p>	<p>Принципиально отрицается сходство принципов познания в физическом и социальном мире. Принципы традиционной науки рассматриваются как не применимые к социальной реальности</p>
<p>При познании и диагностике объекта используется субъектно-объектная логика. (Относительно пассивный самоидентичный объект, активный субъект, получающий о нем информацию)</p>	<p>При познании и диагностике объекта используются субъектно-субъектная логика, субъектно-объектная логика применительно к социальному объекту принципиально отрицается. Постулируется субъектно-субъектная логика взаимодействий</p>
<p>При диагностике объекта используется "принцип ценностной нейтральности"</p>	<p>При диагностике объекта используется "принцип социальной ангажированности"</p>

<p>В основе логики преобразований в социальной сфере лежат принципы: "знание о природе объекта предшествует его изменению", "наука первична по отношению к преобразующей практике"</p>	<p>Отрицается существование самой неизменной природы социального объекта. Отрицается и сама возможность применения принципов традиционной науки к социальной реальности</p>
<p>Для подхода характерно стремление к объективному и адекватному воссозданию природы и поведения социального объекта</p>	<p>Термин "объективное отражение реальности" становится бессмысленным по отношению к изменчивому, постоянно переконструируемому объекту. Он заменяется термином "объективация"</p>
<p>Для подхода характерно стремление воссоздания природы объекта в концептуальных, эмпирических и математических моделях</p>	<p>Отрицается возможность и объявляется бессмысленным стремление к воссозданию свойств поведения социального объекта в моделях такого типа</p>
<p>Типично стремление к введению объективных критериев, для проверки надежности используемых моделей, средств и методов</p>	<p>Принципиальное отрицание возможности введения таких критериев проверки</p>
<p>Внимание к проблеме точности и строгости измерения; ориентация на формализацию, широкое использование математических методов при получении информации</p>	<p>Декларирование бессмысленности строгости и точности измерения, ориентация на качественные методы получения и анализа информации</p>
<p>Ориентация на создание специализированных, точных, жестких и тиражируемых диагностических технологий</p>	<p>Ориентация на создание мягких, авторских, слабо тиражируемых диагностических средств широкого спектра действия</p>

Акцент (в выборе задач) на проблему социальных последствий сделанного выбором, социальным объектом	Акцент (в выборе задач) на проблему социальных изменений, обоснований делаемого выбора, конвенциональных согласований целей и жизненных стратегий
--	---

классической социологической теории [10] и социальной практики, во-первых, далеко не все из созданных таким образом идеальных конструкций и социальных образцов приживаются в социальных системах, а во-вторых, большинство из выживших образцов претерпевают существенные изменения и трансформации, соотносясь с другими элементами социальных взаимодействий. Поэтому на стыке двух парадигм возникают и приобретают все большее значение социологические теории и методологии, делающие акцент именно на объяснении механизмов и логики перехода от идеальных конструкций к действующим образцам. Особую роль здесь, с моей точки зрения, играет теория "естественного отбора" (или селекции) социокультурных образцов. Роль и содержание теоретических конструкций, описывающих этот процесс, будет подробно рассмотрена в блоке "селекционно-нормативный подход в задании должного".

2.2. Блок должного состояния объекта. Наличие этого блока - существенный признак ССД, принципиально отличающий его от средств проведения социологического исследования. Его присутствие в социолого-диагностических методиках (впрочем, как и в других диагностических методиках) обусловлено тем, что всякая информация о реальном объекте с позиций решений (в нашем случае управленческих), бессмысленна, если отсутствует представление о должном состоянии [11]. Хотя наличие этого блока в ССД не всегда осознается, в ходе диагностики реальное состояние объекта всегда (в явной или латентной форме) соотносится с блоком должного.

Характеризуя *блок должного состояния*, мы выделяем три достаточно оформившихся принципиально различных подхода к определению должного: 1) ценностно-нормативный, 2) ситуационный, 3) ситуативно-нормативный [12].

Ценностно-нормативный подход - это самый распространенный подход в диагностике, рассматривающий в качестве должного либо концептуально заданное, либо ценностно-желательное состояние социального объекта. Последнее может быть описано как совокупность желательных состояний или (в терминах А. И. Пригожина) как "опредмеченный идеал" [13]. Таковым может выступать: продукт идеальных представлений разработчика или заказчика; норматив, спущенный сверху; образец, доказавший свою эффективность в иной реальности, либо (что еще чаще) совокупности разрозненных иногда противоположных, но считающихся желательными, черт объекта, взятых из разных реальностей.

Основное достоинство подхода - простота его построения. Кроме того, достоинством является то, что для целой группы однотипных объектов могут быть установлены

единый, достаточно четкий (и обычно формализованный) управленческий ориентир и критерий для оценки ряда объектов; на этой основе можно оценивать динамику развития объекта во времени и сравнивать однотипные объекты между собой. Главный недостаток подхода - универсализм (нормативизм), игнорирование системной природы, специфики оцениваемых объектов, различия ситуаций, в которых действуют разные объекты, различия траекторий их развития. Многочисленные примеры использования такого подхода в ССД подробно описаны в литературе [14].

Ситуационный подход изначально отрицает возможность задания единого норматива для разнотипных социальных объектов, находящихся на разных стадиях развития и действующих в разных ситуациях, или однотипных, но находящихся на разных стадиях развития. Подход апеллирует к ситуационной методологии управления, сложившейся в рамках теории организации и управления, и рассматривает должное как состояние, соответствующее специфике ситуации [15]. При этом подход, в рамках диагностики, существует в нескольких версиях.

Ситуационно-типологическая версия должного. В основе этой версии должного лежат теоретические модели, созданные в рамках общей теории организаций или теории организационного поведения. Особенность подхода состоит в том, что здесь нормативы определяются с учетом типологии ситуаций, которые либо заложены в теоретических моделях, либо определяются эмпирически. Каждый из нормативов адекватен разным стадиям развития объекта, разным режимам его функционирования или

стр. 36

разным характеристикам окружения [16]. В целом этот подход представляется весьма продуктивным. Проблема же здесь возникает в двух случаях: либо соответствующая теоретическая модель, пригодная для данной ситуации, отсутствует, либо диагност пытается заложить в задание должного множество параметров, отраженных в разных теоретических моделях.

Объективистско-деятельностная ситуационная версия должного. В практике управления она чаще всего используется в рамках диагностики руководителей организаций (подразделения) или группы профессионалов, включенных в деятельность. Обычно этот тип диагностики реализуется в рамках деловых игр. В основе этой версии подхода лежат три идеи: а) диагностика социального объекта (индивида, группы) может быть осуществлена через имитацию деятельности, им выполняемой; б) последняя может быть реализована в форме деловой игры; в) специфика ситуаций, в которых действует объект, и соответствующий набор нормативов можно получить в результате расчленения сложной деятельности (например, работы руководителя) на простые элементы. Определение "должного" здесь связывается с расчленением сложной деятельности на совокупность простых фрагментов, из которых она состоит. Здесь также используется типология ситуаций, но это типология фрагментов деятельности, норматив здесь устанавливается для каждого простого фрагмента деятельности отдельно, причем обычно на уровне здравого смысла. Такое расчленение, по мысли автора, позволяет легко задать критерии эффективности и провести оценку деятельности индивида (группы) по элементам [17].

Достоинства подходов связаны с попыткой рассмотреть соответствие работника заданным требованиям должности или профессии в контексте эффективности его деятельности. Кроме того, здесь на уровне описания деятельности отчасти удается преодолеть ограничения нормативизма в управлении. Недостатки же подхода связаны с

тем, что, во-первых, сама ситуация трактуется достаточно ограниченно: из ее содержания исключается состояние внешней среды и стадия развития объекта. Во-вторых, специфика всей сложной деятельности даже теоретически не может быть воссоздана в выделенных сегментах деятельности. В-третьих, даже полностью реконструированное в элементах содержание сложной деятельности не воспроизводит ее как целостность: исчезает синергетический эффект. Тем не менее этот подход достаточно часто используется в практике управления.

Проблемно-ситуационная версия должного. Эта версия ситуационного подхода лежит в поле проблемно-деятельностной методологии и обычно реализуется в форме игр открытого типа или групповой работы. Ситуация трактуется здесь не как набор объективно существующих условий функционирования или развития социального объекта, а как деятельность субъективно считающаяся, конструируемая и переживаемая участниками; как неповторимое сочетание проблем, возникающих у участников деятельности [18]. При этом, сама проблема рассматривается как воспринимаемая управленцами в качестве препятствия для достижения поставленных ими целей или достижения сформулированных идеалов. В качестве должного, в идеале, задается такое состояние или режим работы объекта, при котором указанные проблемы управленцев сняты или преодолены. Сама же диагностика трактуется как уникальный процесс, который, в принципе, до конца не может быть алгоритмизирован. К достоинствам подхода можно отнести, во-первых, рассмотрение объекта, как активного и включенного в деятельность; во-вторых, попытку учесть неповторимость и ситуационность ситуации; в-третьих, учет в наиболее полной степени специфики самого объекта диагностики (объект трактуется как уникальный и динамичный). Наконец, предполагается, что на основе этого подхода можно моделировать не только реальную, но и гипотетическую ситуацию. Основным же недостатком такого способа задания должного является следующее: 1) снятие проблем, возникающих у управленцев, далеко не всегда соответствует достижению наилучшего режима функционирования или развития объекта; 2) процесс управления распадается на ряд дискретных, никак не

стр. 37

связанных друг с другом состояний ("здесь и сейчас"); 3) достижение должного (снятие проблем) не означает улучшения результирующих показателей деятельности объекта и результатов его работы. Вне поля зрения оказываются и проблемы онтологических последствий реализации управленческого решения.

Селекционно-нормативный (в ранних публикациях автора - ситуационно-нормативный) **подход к должному.** *Модели культурной селекции как мостик между субъективистской и объективистской парадигмами при описании социальной реальности.* Чтобы понять теоретико-методологические основания для формирования этой модели задания должного, необходимо обратиться к роли культурной селекции, как мостику для перехода от конструктивистской к объективистской парадигме в социологии. Нам представляется, что применительно к сфере организации и управления, именно культурная селекция отражает логику перехода от созданных людьми умозрительных идеальных конструкций изменений социальной реальности (с чем связана конструктивистская парадигма), к реально функционирующим и институционализированным элементам социальной системы (что достаточно адекватно описывается в разных моделях объективистской парадигмы). По нашему мнению, наиболее развернутой моделью, описывающей процессы селекции социокультурных образцов, применительно к организации и управленческим процессам являются

положения модели изменений, описываемых селекционно-популяционной версией организационной экологии. Последняя возникла для объяснения процессов организационного развития после открытия феномена структурной инерции.

Основы представленной селекционно-популяционной модели организационного развития были заложены в конце 70-х - начале 80-х годов XX в. в США и в СССР практически одновременно и независимо друг от друга [19]. В США Дж. Хэннаном, М. Фрименом и Дж. Кэрролом были сформулированы теоретические основы селекционной модели развития организаций, предполагавшие в перспективе создание подхода "моделирование культурной селекции". В СССР, примерно в то же самое время, автором данной статьи (тогда еще незнакомого с этой теорией), в рамках консультативного проекта развития 12 дорожно-строительных организаций Кировской области в ходе диагностики организаций были отработаны подходы к моделированию процессов социокультурной селекции этих организаций (итоги проекта содержатся в депонированном отчете). Позже эти подходы нашли отражение в ряде диагностических методик, связанных с оценкой состояния персонала и целевых групп. Эти методики, созданные автором в период 1980 - 1988 гг., были ориентированы на задачи отбора оценки персонала и реформирования первичных производственных коллективов [20].

В рамках рассматриваемой модели организационного развития (определяемого как процесс направленных структурных изменений) последний рассматривается, как процесс, связанный с повышением способности организации к выживанию в динамичной внешней среде и к повышению ее конкурентоспособности. Этот процесс описывается в логике культурных трансформаций и связывается "с расширением социокультурного репертуара организации" - расширением перечня освоенных организацией (подразделением, работником) социокультурных образцов, способных адекватно ответить на вызовы внешней среды. При этом организация здесь описывается как консервативная (непластичная, по отношению к воздействиям внешней среды) социальная система. Границы ее адекватных реакций на вызовы внешней среды обусловлены шириной ее социокультурного репертуара - набора освоенных организацией социокультурных образцов, позволяющих адекватно ответить на те или иные внешние изменения. Именно с расширением социокультурного репертуара связывается: во-первых, нарастающая структурная и профессиональная дифференциация организации; во-вторых, диверсификация видов осуществляемой ею деятельности; в-третьих, как следствие, увеличение размера организации, всегда сопровождающее организационное развитие.

стр. 38

В логике этой теории процесс развития в организационных системах может быть понят только на уровне организационной популяции. Речь идет о совокупности однотипных организаций, действующих в рамках единого географического пространства, выполняющих сходные функции, эксплуатирующих сходные ресурсы (единая экологическая ниша), конкурирующих из-за них и обменивающихся персоналом. Повод к организационным изменениям, в рамках этого подхода, в этой модели всегда связан с радикальными изменениями внешней среды. Этот фактор и провоцирует изменения во всех организациях популяции. Чаще всего эти изменения связаны с сужением или возникновением новых экологических ниш (совокупности условий и ресурсов, необходимых для выживания организации) или ростом числа конкурентов, претендующих на ресурс. С этой проблемой сталкивается каждая из организаций популяции и каждая, по-разному и индивидуально, решает эту проблему.

Организационное развитие в этой модели, будучи связанным с расширением "репертуара организаций", описывается как процесс, протекающий в две фазы.

Первая фаза протекает на уровне единичной организации. Она является, по сути дела, отражением процессов, хорошо описанных в разных версиях субъективистской или конструктивистской социологии. Речь идет об акте выбора, о создании и внедрении сознательно разработанной менеджерами и консультантами новой модели взаимоотношений с внешней средой. На этом этапе на уровне каждой организации вырабатываются свои конвенционально приемлемые или логически обоснованные проекты (идеальные образцы), являющиеся, по мысли их создателей, адекватным ответом на очередной вызов внешней среды. Фактически каждая из организаций популяции в этой фазе вырабатывает свою версию ответа на изменившуюся ситуацию, реализация этих проектов на уровне всей популяции создает то, что именуется "фондом организационных изменений популяции". На этом первая фаза процесса развития завершается.

Вторая фаза организационного развития протекает в рамках всей организационной (или шире - любой социальной) популяции. Именно эта фаза перекидывает мостик от идеальных конструкций к прижившимся в организации реально действующим образцам, закрепленным в организационной структуре. Отправная точка - оценка итогов внедрения инноваций, разработанных в каждой организации. Очевидно, что итоги внедрения разнородных образцов в каждой из организаций популяции различны: одни организации, в итоге преобразований, укрепили свои позиции и повысили свою конкурентоспособность на уровне всей популяции; другие - сохранили свою позицию среди других организаций популяции; третьи - утратили свои ранее завоеванные позиции или вообще погибли. Именно различие итогов реализации локальных проектов является основанием для процессов, протекающих в этой фазе развития организации, именно тогда происходит селекция созданных в рамках популяции социокультурных образцов, доказавших свою эффективность в новой ситуации. Все происходит в достаточно ограниченные сроки на уровне всей популяции организации и связано с процессом постоянного перемещения персонала в рамках популяции. Механизм селекции связан с отбором, присвоением и освоением каждой из организаций популяции только того набора разнородных образцов из существующего "фонда изменений", которые были разработаны и внедрены организациями, по факту укрепившими свои позиции в рамках популяции. Таким образом развитие организаций здесь рассматривается как процесс, протекающий на уровне всей популяции, причем как предусматривающий резкое и качественное расширение социокультурного репертуара организации в достаточно короткий срок на уровне всей популяции. Именно такой взгляд на процессы перехода от идеальных конструкций изменений к реальным изменениям был и положен автором в основу моделирования процессов селекции эффективных социокультурных образцов, как механизма развития организаций, а позже и других социальных объектов, в рамках диагностики социальных объектов.

Принципы моделирования процессов социокультурной селекции в рамках диагностики как основы должного. Применительно к диагностике социальных объектов в

подразделения и даже отдельных работников. Специфика подхода состоит в том, что диагностируемый объект всегда оценивается по заданному набору показателей в контексте его взаимоотношений с другими объектами этого класса, действующими в рамках определенного географического пространства - "организационной или социальной популяции", при этом в процессе диагностики все объекты в рамках популяции оцениваются по заданным критериям эффективности. Механизм же формирования и отбора эффективных образцов связан с "социокультурной селекцией" (М. Хэннон, И. Фримен). Содержание подхода состоит в том, чтобы отобрать в качестве ситуационного норматива тот набор качеств и свойств, который отличает выигрывающие объекты (по заданным более широким социумом критериям и правилам игры) от всех остальных, и задать этот набор качеств в виде ситуационного норматива на определенный период. Именно этот норматив выступает основанием для оценки состояния любого из оцениваемых объектов в рамках популяции в процессе диагностики.

Развитие популяции и, соответственно, единичного объекта проявляется здесь в расширении набора освоенных популяцией эффективных социокультурных образцов (репертуар организации), позволяющих адекватно ответить на вызов внешней среды. Подход стремится совместить достоинства и, по возможности, устранить недостатки ценностно-нормативного и ситуационного подходов к заданию должного. С одной стороны, исходя из целевой ориентации управления, он стремится задать должное в виде жесткого формализованного показателя, что типично для ценностно-нормативного показателя, и позволяет сравнивать однотипные объекты, действующие в сходных условиях, между собой или отслеживать их динамику во времени; с другой - пытается привязать норму к специфике меняющейся ситуации, при этом ситуация трактуется как совокупность объективных условий, меняющихся критериев оценки, принятых правил игры.

Смысл подхода состоит в том, чтобы на основании различия фактических итогов работы диагностируемых объектов, включенных в сходную деятельность, и различий реальных свойств выигрывающих и проигрывающих однотипных объектов определить черты того комплекса изменений, которые обеспечат преимущества конкурирующих объектов над другими в ближайшем будущем. Совокупность этих определенных, эмпирически указанных признаков на уровне всей популяции рассматривается в качестве "должного" и именуется "ситуативным нормативом". Должное здесь определяется эмпирически, методы определения изложены в вышеназванных публикациях. На основе ситуативного норматива осуществляется оценка состояния реальных объектов, прогнозируется их поведение, принимаются управленческие решения о коррекциях состояния объекта.

Как и всякий подход к заданию должного, этот подход имеет достоинства и границы применения. Достоинство - высокая прогностическая способность, позволяющая почти безошибочно спрогнозировать, на ближайшую перспективу, эффективность и конкурентоспособность объекта. Недостатки: а) деятельность, выполняемая объектами одного класса, обязательно должна быть жестко структурирована; б) правила игры должны быть реальными; в) число объектов одного класса, действующих в сходной ситуации, достаточное для моделирования должного состояния - от 7 до 22. При этом прогноз поведения и оценка перспектив его использования или определение параметров его реконструкции имеют смысл лишь на ближайшую перспективу ("наш шаг от настоящего").

2.3. Блок определения рассогласования между должным и реальным состояниями. Этот блок обеспечивает соотнесение реального и должного состояний. На его основе

ся заключение о необходимости и направленности вмешательства в состояние или режим работы объекта. На основе этого соотнесения готовятся соответствующие управленческие решения. Нельзя не отметить пока слабую теоретическую и технологическую проработку блока. Характеризуя блок соотнесения должного и реального состояния объекта в рамках ССД, следует заметить, что ярко выраженные подходы к решению задачи соотнесения здесь отсутствуют. Можно выделить, пожалуй, лишь два основания для классификации этих блоков: а) наличие или отсутствие формальных процедур соотнесения должного и реального состояния; б) наличие или отсутствие допустимых границ отклонения "реального" состояния объекта от "должного".

* * *

Осмысление и развитие специфики ССД, разработка теоретико-методологических оснований и подходов к созданию указанных средств, формирование специального направления деятельности, в рамках которого данные средства могут разрабатываться, являются необходимыми условиями для создания как качественных средств этого типа, так и дальнейшего совершенствования социально-инженерной деятельности, формирования теоретико-методологической основы развития ССД.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дудченко В. С. Инновационные технологии. Уч. - метод, пособие. М., 1999; Решетникова К. В. Методы проблемы диагностики организационных конфликтов // ЛКО. Т. 8, вып. 2 (30); Пригожин А. М. Методы развития организаций. М., 2003; Тарасов В. К. Персонал-технология. Отбор и подготовка менеджеров. Л., 1989; Филонович С. Р. Диагностика деловой организации в логике, теории жизненных циклов // ЛКО. 2005. Т. 7. Вып. 3 (27); Кушелевич Е. И. Развитие и изменение организации в парадигме жизненных циклов. КД. М., 1999; Неймар Ю. Л. Сплоченность как характеристика первичного производственного коллектива и ее социологическое измерение // Социол. исслед. 1975. N 2; Чугунова Э. С. Комплексная оценка творческой активности инженера // Социол. исслед. 1984. N 3; Щербина В. В., Садовникова Л. Б. Социолого-психологическое обеспечение работы с кадрами. Кишинев, 1989.
2. Пригожин А. М. Методы развития организации. М., 2003; Прохоров Ю. А. Социальные проблемы инновационной диагностики. КД. М., 1990; Щербина В. В. Средства социологической диагностики в системе управления. М., 1993.
3. Щербина В. В. Социологическая диагностика: специфика, функции, структура // Московский университет. Серия социология и политология. 1995, N 4; Он же. Диагностические технологии в деятельности консультантов и менеджеров (теоретические и методологические проблемы) / Методологические проблемы интегрированного консалтинга. М., 2006.
4. Блейхер В. М., Крук М. В. Патопсихологическая диагностика. Киев, 1986; Братусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988; Диагностика. Советский энциклопедический словарь. М., 1990; Горянина В., Масалков И. Психологические методы социальной инженерии. М., 1995; Дацтаняню Г. А. Методология диагноза. Киев, 1970; Кэмерон К., Куинн К.

Диагностика изменения организационной культуры. СПб., 2001; Психодиагностика. Теория и практика. М., 1988; *Собчик Л. Н.* Методы психологической диагностики. М., 1990. Кн. 1 - 3.

5. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; *Козер Л.* Функции социального конфликта. М., 2000; *Мертон Р.* Явные и латентные функции / Американская социологическая мысль. М., 1994; *Парсонс Т.* О социальных системах. М., 2002; *Смелзер Н. М.* Социология. М., 1994; *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985.

6. *Абельс Х.* Интеракция. Идентификация. Презентация. СПб., 1999; *Бергер П., Бергер Б.* Личностно-ориентированная социология. М., 2004; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995; *Блумер Г.* Коллективное поведение; *Мид Дж.* Интернализированные другие и самость / Американская социологическая мысль. М., 1994; *Монсон П.* Современная западная социология. СПб., 1992; Новые направления в социологической теории. М., 1978; *Шюц А.* Избранное. Мир, светящийся разумом. М., 2004.

7. *Комаров В. Ф.* Управленческие имитационные игры. М.: Наука СО, 1988.

8. Современная социологическая теория. Бурдье. Гидденс. Хабермас. Новосибирск, 1995; *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. СПб., 2001.

9. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1994.

10. *Парсонс Т.* Заключение // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972.

11. *Щербина В. В.* Средства социологической диагностики в системе управления. М., 1993.

12. *А. М.* Методы развития организации. М., 2003.

стр. 41

---

13. *Пригожин А. И.* Нововведения: препятствия и стимулы. М., 1989.

14. *Тарасов В. К.* Персонал-технология. Отбор и подготовка менеджеров. Л., 1989; *Прохоров Ю. А.* Социальные проблемы инновационной диагностики. КД. М., 1990; *Щербина В. В.* Средства социологической диагностики в системе управления. М., 1993.

15. *Sherman H.* It oil Depends. A Pragmatic Approach to Organization. Tuscaloosa. 1966; *Thompson J.* Organization in Action. McGraw-Hill, 1967.

16. *Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. 1992; *Пью Д., Хиксон Д.* Хрестоматия. Краткое изложение работ признанных авторитетов в теории и практике менеджмента. Линк, 1992; *Щербина В. В.* Социальные теории организаций. Словарь. М., 2000; Сборник деловых игр, конкретных ситуаций и практических задач / Под ред. *В. И. Митирко.* М., 1991; *Красовский Ю. Д.* Мир деловой игры. М.: Экономика, 1989.

17. *Тарасов В. К.* Персонал-технология. Отбор и подготовка менеджеров. Л., 1989; *Щербина В. В.* Средства социологической диагностики в системе управления. М., 1993;

Кэмерон К., Куинн К. Диагностика изменения организационной культуры. СПб., 2001; Сборник деловых игр, конкретных ситуаций и практических задач / Под ред. *В. И. Митирко*. М., 1991; *Красовский Ю. Д.* Мир деловой игры. М.; Экономика, 1989.

18. *Анисимов О. С.* Развивающие игры и игротехника. Новгород: ВСМЦ АН СССР, 1989; *Дудченко В. С.* Инновационные игры. Таллинн, 1989; *Котляревский Ю. Л., Шанцер А. С.* Искусство моделирования и природа игры. М., 1992; *Макаревич В.* Игровые методы в социологии: теория и алгоритмы. М.: МГУ, 1994; *Щедровицкий Т. П.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективной деятельности // Методы исследования и диагностики международных трудовых коллективов. М.: Наука, 1983.

19. *Hannan M., Freeman J.* Organizational Ecology. Harvard, 1989. *Щербина В. В.* Что такое организационная экология? // Социол. Исслед, 1993. N 2.

20. *Щербина В. В., Садовникова Л. Б.* Социолого-психологическое обеспечение работы с кадрами. Кишинев, 1989.

21. *Шрайбер Е. Л., Щербина В. В.* Применение оптимизационных моделей при построении моделей аттестации работников управления // Комплексное применение математических методов в социологическом исследовании. М., 1987.

стр. 42

постоянный адрес статьи: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/11892727>

©2012 [East View Information Services, Inc](#) | [Условия использования](#)

- "Polis"
- Date:05-01-2001(PLS-No.003)
- Size: 39.0 Kbytes .
- Pages 103-112
- Words: 4624

СЕТЕВОЙ ПОДХОД К ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИЮ

Автор: Л. В. Сморгун

Особенностью развития политической науки во второй половине XX в. является повышенный интерес к проблемам методологии. Хотя кризис бихевиорализма и структурного функционализма в конце 1960-х - начале 1970-х годов характеризовался среди прочего критикой "методологической строгости", на смену одним "методологическим богам" пришли другие. Известно то внимание, которое в послекризисный период вызвали методологии публичного выбора, неоинституционализма, теории обмена, научного реализма, политической герменевтики и др. Влиятельным в исследовании политических процессов и государственного управления становится ныне направление, в основе которого лежит понятие "политическая сеть" (policy network). Статус этого направления до сих пор не определен. Одни авторы видят в понятии "политическая сеть" лишь удачную *"метафору"*, другие полагают, что оно формирует некий инструментальный *подход* к изучению политики и государственного управления, третьи наделяют такой подход статусом *концепции*, четвертые пишут о новой политико-управленческой *теории*. Но несмотря на все различия между приведенными суждениями, следует сказать, что рассматриваемое исследовательское направление набирает вес, постепенно оснащается собственным концептуальным аппаратом. Оно все чаще используется для анализа политики и управления, приобретает свою философию, соответственно, растет число его сторонников.

Существуют две основные школы, которые применяют сетевой подход как методологию политических исследований. *Англосаксонская школа* считает плодотворным его использование при изучении взаимодействия государства и групп интересов. Здесь концепция политических сетей противопоставляется плюралистическому и корпоративистскому подходам, к которым прибегают для описания посредничества интересов. Р. Родес и Д. Марш (эти авторы чаще всего упоминаются в качестве представителей названной школы) относят концепцию политических сетей к теориям среднего уровня: она "обеспечивает связь между микроуровневым анализом, который имеет дело с ролью интересов и правительства в отношении к особым политическим решениям, и макроуровневым исследованием, которое концентрируется на более широких вопросах, связанных с распределением власти в современном обществе" [Rhodes, Marsh 1992: 1].

Немецкая школа видит в политических сетях современную форму государственного управления, отличную от иерархической и от рыночной. В этом отношении концепция политических сетей отталкивается от той же идеи, что и концепция нового публичного менеджмента: поскольку современному государству не удастся обеспечить общественные потребности, возникла настоятельная потребность заменить иерархическое администрирование иной формой управления. Но если концепция менеджмента делает акцент на рыночных механизмах, то теория политических сетей пытается опереться на коммуникативные процессы в постиндустриальном обществе и демократическую практику современных политий. Как подчеркивает Т. Берцель, в

ситуации растущей взаимозависимости между общественными и частными акторами ни иерархия, ни рынок не способны служить эффективными моделями координации интересов и ресурсов субъектов, включенных в процесс производства политических решений, и потому доминантной моделью управления становятся политические сети [Burzel 1998: 358].

СМОРГУНОВ Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета.

стр. 103

Некоторые базовые идеи сетевого подхода далеко не самоочевидны и требуют прояснения. Поскольку ряд из них не нов, П. Богесон и Т. Туунен, говоря об истории появления концепции политических сетей, используют формулу "назад в будущее" [Bogason, Toonen 1998: 209-212]. Действительно, эта концепция возникла не на пустом месте. Уже в 1950 - 1960-е годы процесс выработки государственной политики в США исследовался в аспекте взаимодействия управленческих субсистем - бюрократии, парламентского корпуса и групп интересов [Freeman 1955], В Великобритании концепция политических сетей выросла из теории межорганизационных отношений [Rhodes, Marsh 1992: 8-10]. Вообще данная концепция имеет множество источников и отправных точек: организационную социологию, академическую теорию бизнес-администрирования, социальный структурный анализ, институциональный анализ, теорию общественного выбора, неоменеджеризм. Некоторые исследователи выделяют разные подходы в рамках самой этой концепции, связывая их со спецификой исходной позиции (теория рационального выбора или персонального взаимодействия, формальный или структурный анализ сетей и т.д.) [Marsh, Smith 2000: 4-5]. Концепция политических сетей вписывается также в контекст философской дискуссии между либералами и коммунитаристами на Западе [см. Smorgunov 1999]. Но смысловые значения многих идей, высказанных ранее, сегодня изменяются, так как эти идеи включены в новый дискурс.

Ниже мы остановимся на следующих, наиболее актуальных, на наш взгляд, аспектах заявленной темы: (а) *плюрализм, корпоративизм и политические сети*, (б) *общие методологические установки концепции политических сетей*, (в) *понятие "политическая сеть"*, (г) *виды политических сетей* и (д) *понятие "руководство" в концепции политических сетей*.

ПЛЮРАЛИЗМ, КОРПОРАТИВИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ

Исходным пунктом анализа различий между плюралистическим, корпоративистским и сетевым подходами в исследовании взаимодействия между государством и обществом, представленным группами интересов, выступает соотнесение этих моделей с концепциями, описывающими процесс посредничества между интересами в политике.

Плюралистическая концепция посредничества трактует политический процесс как давление различных групп интересов и, соответственно, как распределение власти в обществе. Ф. Шмиттер полагает, что "плюрализм может быть определен в качестве системы представительства интересов; составляющие ее элементы организованы в неопределенное множество сложных, добровольных, конкурирующих, неиерархичных и самоопределяющихся... образований, которые специально не лицензируются, не

признаются, не субсидируются или каким-либо образом не контролируются (в отношении выбора лидерства или выражения интересов) государством и не стремятся к монополии репрезентационной активности среди соответствующих образований" [Schmitter 1970: 85-86].

При таком подходе политика есть властное распределение дефицитных ресурсов под давлением заинтересованных групп. Последние являются активными участниками политического процесса, тогда как государство в лице правительства выполняет в целом пассивную функцию - реагирует на их деятельность. Правительство обеспечивает сохранение баланса сил, принимая то или иное решение относительно комбинации интересов и ресурсов. Как подчеркивают Р. Родес и Д. Марш, "в то время как заинтересованные группы постоянно предъявляют требования правительству, и такое предъявление может даже институционализироваться, правительство остается независимым от групп интересов" [Rhodes, Marsh 1992: 2]. Эффективность деятельности названных групп определяется наличием ресурсов давления, которые используются для получения желаемых политических результатов. Вместе с тем рассматриваемый подход не использует для описания взаимодействия групп концепцию ресурсов. Его ограниченность проявляется также в том, что он акцентирует вни-

стр. 104

мание скорее на правительстве, чем на государстве в целом. Он не учитывает и то важное обстоятельство, что у участников политической деятельности со стороны государства имеются собственные интересы, которые включаются в процесс формирования политики. Следовательно, плюралистический подход не позволяет исследовать политику как систему взаимосвязанных отношений между государством и обществом, где государство выступает не просто агентом ответа на вызовы групп интересов, а активным участником кооперации.

В противоположность плюрализму, аналитическая модель *корпоративизма* (возникшая отчасти как ответ на критику плюралистического подхода) видит в государстве важнейший конституирующий элемент отношений между группами интересов и политической сферой. Согласно данной концепции, в политической сфере действует ограниченное число сингулярных, принудительных, неконкурирующих, иерархически упорядоченных и функционально различных образований, которые получают одобрение или лицензируются государством и стремятся к монополии на представительство интересов в соответствующей области [Schmitter 1970: 93-94]. Здесь основное внимание уделяется экономическим группам, монополизирующим процесс выражения интересов в том или ином секторе. Такие группы тесно связаны с государством - и в плане своего формирования, и с точки зрения возможности влиять на последнее, поддерживать его в обмен на участие в процессе принятия политических решений.

Как правило, корпоративистская литература ограничивается рассмотрением наиболее влиятельных групп - бизнеса и труда, оставляя вне поля зрения множество других участников политического процесса, чьи отношения с государством строятся сегодня на неиерархической основе. Следует также заметить, что в условиях глобализации и децентрализации властных функций корпоративистский подход играет консервативную роль, легитимируя устаревшее понимание государства. Как отмечают теоретики политических сетей, при таком подходе складывается впечатление, будто политический процесс формируется в рамках полного государственно-корпоративного консенсуса.

Сетевой подход к политике и управлению строит свою исследовательскую стратегию,

исходя из нового характера отношений между государством и обществом, между публичной и частной сферами социальной жизни. Как подчеркивает, например, Р. Родес, анализируя ситуацию в Великобритании, за последние двадцать лет политическая система страны уже во многом утратила черты так наз. вестминстерской модели, которая базировалась на сильном правительстве, парламентской суверенности, "оппозиции Ее Величества" и министерской ответственности. Для описания этой системы больше подходит понятие дифференцированной политики, предполагающее взаимозависимость подсистем, сегментированную исполнительную власть, самоуправяемые политические сети и снижение роли государства [см. Rhodes 1997].

"Сетевики" убеждены в том, что предлагаемый ими подход - в отличие от плюрализма и корпоративизма - способен ухватить сложность и текучесть современного процесса принятия политических решений. Политическая сеть предстает в качестве научного инструмента анализа неустойчивости и открытости при взаимодействии множества политических акторов, объединенных общим интересом, взаимозависимостью, добровольным сотрудничеством и равноправием. Важно отметить, что концепция политических сетей (и в англосаксонской, и германской версии) модифицирует понимание властно централизованной политики, заменяя его представлением о политике взаимной ответственности и обязательств.

ОБЩИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ

Сетевой подход не только отражает споры между представителями различных политико-управленческих теорий, но и является ответом на изменение условий, в которых осуществляются политика и управление публичными делами. Экология этого управления за последние десятилетия существенно модифици-

стр. 105

ровалась, что заставляет искать его новые модели, помимо рыночных и иерархическо-административных. Возросшая плюрализация общественных структур, усложнение взаимоотношений между различными слоями населения, высокий уровень социальных потребностей и ожиданий, большие масштабы неопределенности и рисков, усилившееся влияние международного фактора на внутреннюю политику, массовая информатизация, падение доверия населения к центральным органам управления - все это и многое другое привело к пересмотру традиционных управленческих подходов, прежде всего тех, где умалялись особенности публичной сферы (как, например, в новом государственном менеджменте, который получил даже наименование неотейлоризма).

Основные методологические установки теории политических сетей можно свести к следующему.

1. Теория политических сетей реконструирует отношения между государственным управлением и современным обществом. Она не только отказывается редуцировать сложность общества для эффективного им управления, но, напротив, видит в ее росте необходимую предпосылку выработки политики и осуществления управления. Понятие "сеть", похоже, становится "новой парадигмой архитектуры сложности" [Kenis, Schneider 1991: 25]. Еще более значимо то, что политические сети "открывают" правительство обществу. Как упоминалось выше, концепция политических сетей относится к теориям среднего уровня, т.е. в ней описываются отношения не между собственно обществом и государством, а между официальными управленческими

структурами, общественными и бизнес-ассоциациями.

2. Теория политических сетей восстанавливает связь между государственным управлением и политикой. Новый публичный менеджмент объявлял о своем безразличии к политике. Наоборот, при подходе к государственному управлению с позиций политических сетей сохраняется интерес к происходящему на политической сцене. Политика и управление не могут быть разделены по многим причинам, включая опасность утраты ясности в определении государственной службы и согласия относительно того, кто уполномочен оказывать соответствующие услуги, указывает Р. Келли и добавляет: "Открытая демократическая полития требует большего, чем удовлетворенные потребители" [Kelly 1998: 205]. Поэтому концепция политических сетей включает в круг рассмотрения широкий спектр политических проблем. Не случайно многие исследователи подчеркивают ее несомненную связь с собственно политической наукой, а внутри нее - с теорией демократического принятия политических решений и выработки политической стратегии.

Концепция политических сетей трояким образом меняет ракурс анализа государства как агента политики: во-первых, в противоположность идее доминирующей роли государства в выработке политики, при сетевом подходе государство с его институтами предстает хотя и важным, но не единственным актором производства политических решений; во-вторых, в противовес тезису об относительной независимости государства, официальные структуры рассматриваются в качестве "сцепленных" с другими агентами политики; в- третьих, государственному управлению как иерархически организованной системе противопоставляется "руководство" (*governance*), т.е. "управление без правительства" (*governing without government*) [Rhodes 1997; см. также Rosenau, Czempiel 1992; Peters 1998].

3. Теоретики политических сетей учитывают моральное измерение управления и процесса производства политического решения. Это означает, что названная теория близка к политической философии и выражает ценностно- ориентированный подход [Wamsley, Wolf 1996; March 1997; Harmon 1998]. Как подчеркивает Т. Берцель, во многих написанных в рамках данного подхода работах "признается, что идеи, верования, ценности и консенсуальное знание обладают объяснительной возможностью при изучении политической сети". При этом перечисленные элементы "не только имеют значение для политических сетей", но и конструируют "логику взаимодействия между их членами" [Burzel 1998a: 264].

стр. 106

---

4. Хотя в теории политических сетей понятие "институты" играет значительную роль, не они, а связи и отношения находятся в фокусе ее рассмотрения: "По-видимому, все аналитики теории сетей разделяют тезис о том, что завершённое объяснение некоторых социальных феноменов требует знания взаимоотношений между системными акторами" [Knoke 1990: 9]. Согласно существующему определению, сеть "состоит из акторов и их отношений, а также из определенных действий/ресурсов и зависимостей между ними" [Hekanson, Johanson 1998]. По мнению Р. Родоса, ключевым элементом сети являются структурные отношения между политическими институтами, а не межперсональные внутри них [Marsh, Rhodes 1992: 9]. В политической сети выделяются реляционное содержание и форма [Клоке, Kuklinski 1982: 15]. Содержание отношений отсылает к существу возникших связей (транзакционные, коммуникационные, инструментальные, сентиментальные, властные, родственные и др.), а реляционная форма означает

интенсивность и силу связей, а также уровень взаимной вовлеченности в одну и ту же деятельность.

5. В теории политических сетей проблема эффективности управления рассматривается не через отношение "цели - средства", а через отношение "цели - процессы". Хотя и в данной теории эффективность политических сетей часто оценивается по качеству удовлетворения общественных потребностей [см., напр. Milward, Provan 1998; Provan, Sebastian 1998], может приниматься в расчет такой параметр, как транзакционные издержки, т.е. затраты на переговоры, на интеграцию и координацию деятельности участников [Hindmoor 1998]. Фактически здесь имеется в виду скорее действенность, чем эффективность. "Ключевой пункт административных ценностей относится к качеству коллективного выбора или к совместному выбору решения" [Toopen 1998: 246].

ПОНЯТИЕ "ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕТЬ"

По вопросу о содержании понятия "политическая сеть" между исследователями нет особых споров. В целом ясно, что названное понятие может быть сформировано путем выявления участников сети и характера отношений между ними. В отличие от понятий "система" или "структура", здесь акцент делается на активном и осознанном взаимодействии акторов, вырабатывающих политическое решение и участвующих в его выполнении. Но поскольку ни рынок, ни традиционное иерархическое управление не исключают активности и сознательности задействованных субъектов, политические сети должны обладать какими-то качествами, которые отличали бы их как принципиально новую форму управления.

Приведем ряд суждений на эту тему. Как полагает Р. Родес, политические сети формируются в различных секторах деятельности современной политики (здравоохранение, сельское хозяйство, индустрия, образование и т.д.) и представляют собой комплекс структурных взаимоотношений между политическими институтами государства и общества. Этот автор подчеркивает значение именно институциональной составляющей политической сети и ее ограниченность определенными секторальными интересами. Он включает в рассмотрение и процесс обмена ресурсами между членами сети в ходе становления их отношений [Rhodes, Marsh 1992: 10-13].

Согласно Т. Берцель, политическая сеть есть "набор относительно стабильных неиерархических... взаимоотношений, связывающих многообразие акторов, которых объединяют в политике общие интересы и которые обмениваются ресурсами для продвижения этих интересов, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей" [Burzel, 1998a: 254]. В этом определении обращает на себя внимание мысль о том, что участники политической сети преследуют не сепаратные, а общие интересы и выбирают для их достижения кооперативные способы деятельности. Предполагается, что таких участников множество и что они различны.

Авторы книги "Сравнение политических сетей: политика в сфере труда в США, Германии и Японии" (1996) характеризуют отношения между различ-

---

ными субъектами процесса принятия политических решений через понятие "организационное государство". "Межорганизационные сети, - пишут они, - позволяют нам описывать и анализировать взаимодействия между всеми значимыми

политическими акторами - от парламентских партий и министров до ассоциаций бизнеса, профсоюзов, профессиональных обществ и групп общественных интересов... В качестве эмпирической системы организационное государство не обеспечено полной поддержкой правовых регулятивов. Его возникновение в действительности отражает и формальную, и неформальную власть производить решения, которая пронизывает государство и общество" [Knoke, Pappi, Broadbent, Tsujinaka 1996: 3]. Аналитической категорией, описывающей организационное государство, служит "сфера политики" (сложная социальная организация, где производятся коллективно увязанные решения), структурными компонентами которой выступают политические акторы, политические интересы, властные отношения, коллективные действия и совместно занятые позиции [Knoke, Pappi, Broadbent, Tsujinaka 1996: 9, 11].

По мнению Л. Отула, сети включают в себя межагентские кооперативные ставки, межуправленческие структуры программного менеджмента, сложное множество соглашений и государственно-частное партнерство. В них входят также системы предоставления услуг, основанные на комплексе провайдеров (последний может состоять из публичных агентств, частных фирм, неприбыльных и даже укомплектованных добровольцами организаций) [O'Toole 1997: 446]. Как мы видим, автор проводит различие между теми элементами сети, которые связаны с принятием политических решений, и теми, которые предоставляют основанные на этих решениях услуги.

Таким образом, политические сети обладают рядом характеристик, которые отличают их от иных форм управленческой деятельности. Во-первых, они представляют собой такую структуру управления публичными делами, которая связывает государство и гражданское общество. Эта эмпирически наблюдаемая структура теоретически описывается как множество разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, имеющих некий совместный интерес. Во-вторых, политическая сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена ресурсами, имеющимися у ее акторов. Это означает, что последние заинтересованы друг в друге. Ресурсы могут быть распределены неравномерно, но, несмотря на различия в степени обеспеченности ресурсами, все участники сети вынуждены вступать во взаимодействие. Между ними существует ресурсная зависимость. В-третьих, важным элементом политической сети выступает общий кооперативный интерес. Многие исследователи особо выделяют эту черту, так как она отличает данную регулятивную систему от рынка, где каждый участник преследует прежде всего собственные интересы. В-четвертых, участники сети не выстраиваются в иерархию: с точки зрения возможностей формирования совместных решений по интересующим вопросам все они равны. Иначе говоря, здесь наблюдаются не вертикальные, а горизонтальные отношения. В-пятых, сеть - это договорная структура, состоящая из набора контрактов, которые основаны на согласованных формальных и неформальных правилах коммуникации. В политических сетях действует особая культура консенсуса. В целом такая сеть есть система государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на базе ресурсной зависимости в целях достижения согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя при этом формальные и неформальные нормы.

ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ

Ясно, что политические сети будут различаться по ряду параметров. Конечно, некоторые из таких различий связаны со степенью выраженности общих качеств, но имеются и внутренние дифференцирующие критерии. К последним следует отнести: (1) число и тип участников; (2) характер институционализации; (3) сферу политики, где

сов между участниками; (5) особенности объединяющих их интересов; (6) степень концентрации власти и т.д. [Jordan, Schubert 1992; Rhodes, Marsh 1992; Kriesi 1994; Knoke, Pappi, Broadbent, Tsujinaka 1996] *. Воспользуемся наиболее распространенной типологией политических сетей, предложенной Р. Родесом ** [Rhodes, Marsh 1992: 13-15]. В соответствии с этой типологией выделяются пять типов политических сетей: политические сообщества (policy communities), профессиональные сети (professional networks), межуправленческие сети (intergovernmental networks), сети производителей (producer networks) и проблемные сети (issue networks).

Для *политических сообществ* характерны стабильность взаимоотношений; устойчивое, но ограниченное членство; вертикальная взаимозависимость, основанная на совместной ответственности за предоставление услуг; изоляция как от других сетей, так и от публичных организаций (включая парламент). Такие сети являются глубоко интегрированными, имеют высокую степень вертикальной взаимозависимости при незначительной вертикальной координации и концентрируются на функциональных интересах (скажем, вопросах образования или пожарной безопасности). Это скорее территориальные сообщества.

В *профессиональных сетях* преобладает один класс участников процесса производства политических решений: профессиональные группы. Каждая такая сеть выражает интересы особой группы, основана на высокой вертикальной взаимозависимости и изолирована от других сетей. Описываемые сети могут иметь национальный масштаб (например, Национальная служба здравоохранения в Великобритании).

Межуправленческие сети формируются на базе представительства местных властей. Их характеризуют топократическое членство, явное исключение иных публичных союзов, охват интересов, связанных со многими службами, ограниченная вертикальная взаимозависимость, широкая горизонтальная структура и способность взаимодействовать со многими другими сетями.

Сетям производителей присущи значительная роль в экономической политике (интересы публичного и частного секторов), подвижное членство, зависимость центра от промышленных организаций (при производстве товаров и экспертизе), а также ограниченная взаимозависимость хозяйственных интересов участников.

Проблемные сети имеют большое число участников с ограниченной степенью взаимозависимости. Здесь очень ценятся стабильность и постоянство, при том что структура нередко отличается атомистичностью.

ПОНЯТИЕ "РУКОВОДСТВО" В КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ

Английское слово *governance* имеет целый набор значений. Это и "руление", и "управление на высших уровнях организации", и "руководство", и "общее управление", и "политическое управление". Конечно, все эти значения связаны друг с другом, но рассматриваемый термин обладает и более широкой коннотацией, если его использовать, как это часто делают, в ряду с другими, например, с рынком и иерархией как с двумя способами координации взаимодействий. Мы используем данное слово в смысле общего политического управления, т.е. *руководства*, тем более что указанное

значение включает в себя многие другие толкования термина.

Понятие "руководство" в современной политической науке и науке государственного (шире - публичного) управления приобретает концептуальное значение^{***}. Некоторые исследователи видят в нем ядро самостоятельной

---

* Описание ряда подходов к типологии политических сетей приведено в [Burzel 1998a: 256-258].

** В ее основу положены три критерия: степень внутренней интеграции сети, число участников и распределение ресурсов между ними.

*** Не случайно XVIII конгресс Международной ассоциации политической науки (август 2000 г., Квебек) был посвящен проблеме "World Capitalism, Governance and Community: Toward a Corporate Millennium?".

концепции - наряду с институциональной концепцией управления, а также с концепциями государственного менеджмента и политических сетей [Frederickson 1999: 705- 706]. Вместе с тем именно в последней Берцель выделяет самостоятельную школу (по преимуществу немецкую), определяя ее особенности через понятие "governance" [Burzel 1998a]. Многие другие авторы используют его для характеристики процесса налаживания отношений между участниками сетей и принятия политических решений. Приведем суждение Г. Питерса: "Перспектива здесь состоит не столько в том, чтобы государственная служба стремилась принять философию и идеи общественного сектора; скорее преобладает взгляд, в соответствии с которым общественные институты в качестве выразителей социального интереса могли и должны были бы играть лидирующую роль в межсекторальной мобилизации ресурсов и в совместном определении ставок. Роль политических институтов при различных типах управления способна сильно различаться, но поскольку налицо их значительная вовлеченность в руководство, в [политическом] процессе представлены также коллективные цели" [Peters 1998: 229]. П. Джон и А. Коул подчеркивают, что понятие "руководство", обозначающее политическое влияние через диффузные сети производителей решений, заменяет собой понятие "правительство" как осуществление институциональной власти [John, Cole 2000: 250].

Будучи преимущественно политологической, концепция руководства в определенной мере восстанавливает значение теории государственного управления в политической науке. Такое управление предстает здесь не столько в качестве исполнительной функции государства, весьма отдаленно связанной с непосредственным общественным влиянием, сколько в качестве одной из составляющих общественно- политического процесса выработки согласованного политического решения. Как отмечают К. Ханф и Л. Отуул, "современное управление характеризуется системами принятия решений, в которых территориальные и функциональные дифференциации преобразуют эффективную организацию разрешения проблем в набор субсистемных акторов со специальными задачами и ограниченной компетенцией и ресурсами" [Hanf, O'Toole 1992: 166]. В сфере публичного управления эту особенность выражает включение в процесс принятия решений внешних - общественных и частных - акторов, а значит и развитие общественной коммуникации, дискурса, договора.

"Термин 'руководство', - подчеркивают Л. Линн, К. Хайнрих и К. Хилл, - подразумевает конфигурацию отдельных, но взаимосвязанных элементов - статутов, политических мандатов, организационных, финансовых и программных структур, административных правил и директив, институциональных правил и норм - которые в комбинации определяют цели и средства государственно-управленческой деятельности. Любая

особая конфигурация - в конкретной сфере политики (например, экологической), в отношении типа государственно-управленческой деятельности (например, регуляции), внутри особой юрисдикции (например, штата или города), в конкретной организации (например, в отделе гуманитарного обслуживания) или в организационной отрасли (например, в агентстве по обслуживанию детей) - является результатом динамического процесса, который мы определяем как 'логику руководства'. Этот процесс связывает ценности и интересы граждан, законодательный выбор, исполнительные и организационные структуры и роли, а также юридический надзор способом, который предполагает взаимоотношения, значительно влияющие на эффективность деятельности" [цит. по Frederickson 1999: 705-706].

Руководство отличается как от простого администрирования (когда источником политических решений выступает верхушка иерархической пирамиды государственной власти, а общественные структуры оказывают на этот процесс лишь опосредованное влияние), так и от рыночной модели государственного управления с ее акцентом на принципы торговой сделки, в которой каждый пытается максимизировать свой особый интерес. Оно осуществляется через переговоры между государственными и негосударственными структурами

стр. 110

и направлено на выработку удовлетворяющей стороны политического решения. Считается, что данная модель управления эффективнее рыночной и иерархической и лучше обеспечивает общественные потребности.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ

Эффективность управления посредством политических сетей обусловлена несколькими факторами. Во-первых, таким образом легче наладить взаимоотношения между государством и различными группами интересов, так как благодаря механизмам доверия сети позволяют снизить издержки на ведение переговоров. Как пишет Э. Хиндмуур, "рынки и иерархии способствуют возникновению доверия через институциональные гарантии. Работники готовы трудиться на работодателя, ибо верят, что их усилия будут оплачены, и они вкладывают свое доверие не в персональную интегрированность с работодателем, а в действенную юридическую систему, которая закрепляет соглашение сторон. Ни рынки, ни иерархии не способны обеспечить гарантии, достаточные для достижения доверия между правительством и группами давления" [Hindmoor 1998: 34]. В силу многих причин социального порядка такое доверие достижимо именно в политических сетях. Можно сказать, что оно возникает в результате социального конструирования в процессе формирования сети.

Во-вторых, эффективность политических сетей связана с внутренними условиями взаимодействия их членов. Специальное исследование, проведенное Б. Милвордом и К. Прованом, показало, что сетевая эффективность зависит от целого ряда факторов [Milward, Provan 1998: 216- 217]. Она будет наивысшей, когда сеть интегрирована, но интегрирована вокруг ключевого властного агента. Усилению эффективности способствуют также прямые (в отличие от фрагментированных и опосредованных) механизмы финансового контроля государства. Сетевая эффективность более вероятна в богатом ресурсами окружении, однако ресурсное богатство само по себе не создает эффективную сеть, а ресурсный недостаток не предопределяет ее неэффективность. Наконец, эффективность оказывается наивысшей в ситуации общей сетевой стабильности, хотя стабильность не является достаточным условием эффективности.

Требуется, чтобы сеть была хорошо оснащена, контролировалась центром и непосредственно снабжалась.

* * *

Концепция политических сетей имеет глубокие корни в исследованиях, посвященных взаимодействию гражданского общества и государства, правительства и групп интересов. Особо следует отметить такие направления, как плюралистическая теория, корпоративизм, теории заинтересованных групп и межорганизационных отношений. Свое влияние на данную концепцию оказал неоинституционализм (особенно его социологическая версия). Хотя концепция сетей может быть подвергнута и подвергается критике, сегодня очевидно, что она удачно конструирует альтернативные рынку и иерархии модели публичного управления и выработки политических решений, а также модели взаимодействия государства и гражданского общества в условиях глобализации, роста неустойчивости, умножения рисков в общественном развитии.

Bogason P., Toonen T. 1998. Introduction: Networks in Public Administration. - *Public Administration*, vol. 76, N 2.

Burzel T. 1998a. Organizing Babylon. On the Different Conceptions of Policy Networks. - *Public Administration*, vol. 76, N 2.

Burzel T. 1998. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance. - *Journal of European Public Policy*, vol. 5, N 2.

Freeman J. 1955. *The Political Process*. N.Y.

Frederickson G. H. 1999. The Respositioning of American Public Administration. - *PS Political Science and Politics*, vol. 32, N 4.

John P., Cole A. 2000. When Do Institutions, Policy Sectors, and Cities Matter? Comparing Networks of Local Policy Makers in Britain and France. - *Comparative Political Studies*, vol. 33, N 2.

стр. 111

Jordan G., Schubert K. 1992. A Preliminary Ordering of Policy Network Labeling. - *European Journal of Political Research. Special Issue*, vol. 21, N 1-2.

Hekanson H., Johanson J. 1998. The Network as a Governance Structure: Interfirm Cooperation Beyond Markets and Hierarchies. - *Organizing Organizations*. Bergen.

Harmon M. 1998. Decisionism and Action: Changing Perspectives in Organization Theory. - *International Journal of Public Administration*, vol. 26, N 6-8.

Hanf K., O'Toole L. 1992. Revisiting Old Friends: Networks, Implementation Structures and the management of Inter- Organizational Relations. - *European Journal of Political Research. Special Issue*, vol. 21, N 1-2.

Hindmoor A. 1998. The Importance of Being Trusted: Transaction Costs and Policy Network Theory. - *Public Administration*, vol. 76, N 1.

Kelly R. 1998. An Inclusive Democratic Polity, Representative Bureaucracies? And the New Public Management. - *Public Administrative Review*, vol. 58, N 8.

Kenis P., Schneider V. 1991. Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox. - *Policy Network: Empirical Evidence and Theoretical Considerations*. Frankfurt a/M.

Knoke D., Kuklinski J. 1982. *Network Analysis*. Beverly Hills, L., New Delhi.

Knoke D. 1990. *Political Networks. The Structural Perspective*. Cambridge.

Knoke D., Pappi F., Broadbent J., Tsujinaka Y. 1996. *Comparing Policy Networks. Labor Politics in the US, Germany, and Japan*. Cambridge, N.Y.

Kriesi H. 1994. *Les Democracies Occidentales. Une Approche Comparue*. Paris.

- March J. 1997. Administrative Practice, Organization Theory, and Political Philosophy: Ruminations on the Reflections of John M. Gaus. - *Political Science and Politics*, vol. 30, N 4.
- Marsh D., Smith M. 2000. Understanding Policy Networks: toward a Dialectical Approach. - *Political Studies*, vol. 48, N 1.
- Milward H., Provan K. 1998. Principles for Controlling Agents: The Political Economy of Network Structure. - *Journal of Public Administration Research and Theory*, vol. 8, N 2.
- O'Toole L. 1997. The Implications for Democracy in a Networked Bureaucratic World. - *Journal of Public Administration Research and Theory*, vol. 7.
- Peters G. 1998. Governance Without Government? Rethinking Public Administration. - *Journal of Public Administration: Research and Theory*, vol. 8, N 2.
- Provan K., Sebastian J. 1998. Networks within Networks: Service Link Overlap, Organizational Cliques, and Network Effectiveness. - *The Academy of Management Journal*, vol. 41, N 4.
- Rhodes R., Marsh D. 1992. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches. - *Policy Network in British Government*. Oxford.
- Rhodes R. 1997. *Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability*. Buckingham.
- Rosenau J., Czempiel E.-O. (eds.). 1992. *Governance without Government: Order and Change in World Politics*. Cambridge.
- Schmitter Ph. 1970. Still the Century of Corporatism. - *Review of Politics*, vol. 36, N 1.
- Smorgunov L. 1999. Rational Choice, Communitarianism, Collectivist Values and Problems of the Effective State. - Koryushkin A., Meyer G. (eds.) *Communitarianism, Liberalism, and the Quest for Democracy in Post-Communist Societies*. St. Petersburg.
- Toonen T. 1998. Networks, Management and Institutions: Public Administration as 'Normal Science'. - *Public Administration*, vol. 76, N 2.
- Wamsley G., Wolf J. (eds.) 1996. *Refounding Democratic Public Administration. Modern Paradoxes, Postmodern Challenges*. Thousand Oaks, L., New Delhi.

- Nash sovremennik
- 2004-03-31NSO-№. 003
- Size: 44.0 Kbytes .
- Pages:185-195.
- Words: 5632

"АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ" - ГЛАЗА, УШИ И МОЗГ АМЕРИКИ

Автор: Наталия НАРОЧНИЦКАЯ

НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ, доктор исторических наук

* * *

Несмотря на появление в мире уже более четырех тысяч аналитических центров, во многом подражающих американским "мозговым центрам", американские "Think Tanks" остаются особым явлением. (Термин "Think Tanks" - "резервуар идей", который чаще переводится как "мозговой трест", возник во время Второй мировой войны и означал защищенное помещение, куда удалялись эксперты и военные для обсуждения.) В то время как филиалы или посланцы Фонда Карнеги, "Наследия", Брукингского института в других странах учат местные элиты смотреть на национальную политику через призму "глобального подхода", мозговые центры США работают исключительно на американские интересы. Отличительной особенностью американских "Think Tanks" является даже не их прямая связь и сотрудничество и обмен кадрами с конгрессом, Государственным департаментом, ЦРУ и другими учреждениями по сбору информации. Для этих "университетов без студентов", как их называли еще перед войной, "студентами" являются и правительство, и "политический класс" в целом. Они - суть мощная идеологическая и политическая скрепа американского истеблишмента, его костяк и интеллектуальный потенциал.

Эти мощные генераторы идеологии создают тонким и опосредованным образом мировоззренческие аксиомы для посвященных и стереотипы для профанов, их широкая международная активность подменяет и дополняет работу американской дипломатии и идеологической разведки. Наконец, именно они и составляют кровеносную систему связи между элитами, по которой циркулирует "истинное знание, в то время как СМИ виртуозно отождествляют интересы США с морально-этическими канонами универсума и обрабатывают многомиллионный "демос", наивно уверенный в своей мнимой "кратии".

Воплощением этих могущественных институтов является Совет по внешним сношениям - святая святых истеблишмента Атлантического побережья Северной Америки. Многие эксперты полагают, что как центр принятия решений СВС стоит над администрацией США.

Американский Совет по внешним сношениям был задуман еще в 1916 году, в рубежный момент смены международного курса. Выход Америки на европейскую и мировую арену осуществляется с вызовом традиционному понятию национального интереса и суверенитета, с противопоставлением ему "вселенской, основополагающей гармонии, пока что скрытой от человечества", как выражается Г. Киссинджер. Вильсонизм соединило с либеральным багажом кальвинистский пафос "орудия Бога" англосаксонских пуритан, доктрину "нации- искупительницы" (Redeemer Nation) и "Божественного предопределения" (Manifest Destiny). Девиз на государственной печати

США "Novus ordo Seclorum" - "новый порядок на века" из мистического задания стал воплощаться в политическую реальность. "Realpolitik" никуда не исчезла, но

стр. 185

подверглась "теологизации" - отождествлению собственных интересов с морально-этическими канонами универсума.

К началу XX века в США уже сформировался крупный центр финансовых интересов, который был связан тесными экономическими, политическими, культурными узами с финансовыми группами европейских держав. Родственным кругам Европы и Америки были одинаково чужды и мешали монархические и национально-консервативные устои европейских обществ и культуры, классические традиции международных отношений, сложившиеся с Вестфальского мира 1648 года. Исход войны для этих кругов и их представителей сулил лидерство в мировой идеологии и политике с обретением финансовых рычагов. Идеология вильсонизма породила проект Пакта о Лиге Наций и Программу из 14 пунктов В. Вильсона.

Разработчиком этой новой внешнеполитической идеологии - прародительницы современной идеологии глобализма, по сути неовильсонизма, - в немалой степени являлись кадры будущего Совета по внешним сношениям. США выходят из своей "изоляционистской" доктрины с универсалистским проектом, автором которого был загадочный alter ego Вильсона полковник Хауз - фигура, недооцененная историками.

Главное в этом проекте - это отказ от национального интереса как основы политики и снижение традиционной роли национальных государств, создание первого типа универсальной международной организации - Лиги наций - и интернационализация международных проблем. США сумели подменить цели войны, ради которых французы, немцы, англичане и русские гибли на фронтах. Г. Киссинджер представляет эту подмену в качестве моральной и политической победы Нового Света над имперским Старым: "Вступление Америки в войну сделало тотальную победу технически возможной, но цели ее мало соответствовали тому мировому порядку, который Европа знала в течение столетий и ради которого предположительно вступила в войну. Америка с презрением отвергла концепцию равновесия сил и объявила "Realpolitik" аморальной. Американскими критериями международного порядка являлись демократия, коллективная безопасность и самоопределение".

Полковник Эдуард Хауз еще в 1916 году создал неофициальную группу экспертов для выработки модели будущего мира и роли в нем США. Исследователи отмечают не по чину огромное влияние этого серого кардинала, при котором Государственный департамент США сошел на положение промежуточной инстанции для воплощения его идей и архива официальной корреспонденции. Более секретная дипломатическая переписка проходила непосредственно через маленькую квартиру на 35-й Ист-стрит. Послы воюющих стран обращались к Хаузу, когда хотели повлиять на решения правительства или найти поддержку в паутине трансатлантической интриги.

Связи полковника были весьма разнообразны и нетрадиционны: банкиры Вандерлип, Варбург и Шифф, молодые братья Аллен и Джон Фостер Даллесы, раввин Уайз, журналисты и комментаторы, эксперты, Бальфур и Ллойд-Джордж. Известная под названием "The Inquiry" экспертная группа фактически руководила американской делегацией на Версальской конференции и вместе с банкирами объявила о создании Совета по внешним сношениям прямо в Париже. Однако первое же детище идеологии

Совета встретило осуждение тогда еще почвеннически настроенного американского демократического истеблишмента.

Американский сенат в 1919 г. при обсуждении Версальского договора и Пакта о Лиге Наций весьма заинтересовался закулисной стороной формирования позиции США в войне и происхождением вильсоновской концепции послевоенного мира под эгидой наднационального органа, которая, по их мнению, подрывала суверенитет как основу международного права. Весьма любопытен допрос, которому председатель Комитета по иностранным делам сената подверг Бернарда Баруха, но так и не получил вразумительного ответа на наивный вопрос, возможно ли защитить интересы США в условиях примата международной организации. "Посвященный" Барух не собирался просвещать честного почвенника Бора о принципиально новых политических и финансовых механизмах обеспечения интересов и лишь многозначительно изрекал: "Полагаю, что мы это сможем, сенатор".

Роль Варбургов, Я. Шиффа, Моргана, Вандерлипа в подготовке послевоенного устройства и идейных постулатов для первого проекта "единого мира"

стр. 186

стала предметом скандального разбирательства в американском конгрессе, возмущенном открывшимся обстоятельством, что текст документов Парижской конференции, и особенно текст Пакта о Лиге Наций, был известен банкирам ранее уполномоченных дипломатических представителей в Париже.

Комитет по иностранным делам обратил внимание на шокирующую деталь, обнаружив, что американские банкиры до 1917 года не только препятствовали вступлению США в войну и отказывали России в кредитах на закупку вооружений, но и сделали ставку на победу Германии, что перестало удивлять, когда выяснилось, что германская ветвь Варбургов - семья брата американских Варбургов - владела главным пакетом акций Hamburg-American and German Lloyd Steamship Lines и банками, финансировавшими германское судостроение и военный флот. Я. Шифф, женатый на их родственнице, создал в США "Американский комитет по вопросу о нейтральной конференции", который взял на себя задачу "установить мир с победоносной Германией". В ходе слушаний выяснилось, что именно те же люди и даже те же авторы первыми начали пропаганду новых идей и обвинения "европейской реакции" в развязывании мировой войны. В итоге американский сенат не ратифицировал Версальский договор и отказался вступить в Лигу Наций.

Описанная идеология международных отношений и обоснование американской роли было первым продуктом Совета по внешним сношениям. Из-за позиции конгресса США, в котором доминировали "почвеннические" настроения, на значительный промежуток времени американская внешняя политика оказалась в руках консерваторов-изоляционистов с лозунгом "подальше от Европы". Потребовались определенные усилия, чтобы укрепить в США соответствующие круги для проведения выработанной кадрами Совета по внешним сношениям линии Хауза - Вильсона, и понадобился весь XX век для реализации их универсалистского замысла.

По признанию директора отдела политики и планирования Государственного департамента Ричарда Хааса, именно Совет по внешним сношениям в период изоляционизма "помог сохранить и поддержать готовность к глобальной вовлеченности некой "посвященной общины" внутри США и "поддержать теплящийся огонек

мондиализма" в период между отречением США от Лиги Наций и началом Второй мировой войны.

В этот период Совет сливается с американским Институтом международных отношений. На обложке ежегодника - "Политического справочника мира" ("Political Handbook of the World") Совет объявил себя некоммерческим, неполитическим, внепартийным научно-исследовательским обществом, которое проводит непрерывные обсуждения по рассмотрению политических, экономических и финансовых проблем Америки в международном аспекте. Эта организация "представляет собой группу людей, многие из которых имеют обширный опыт в международных вопросах и которые желают научной и беспристрастной исследовательской работой помочь развитию благоразумной внешней политики США". Однако руководящий состав, тематика, наконец, материалы закрытых заседаний свидетельствуют, что эта структура теснейшим образом связана с финансовыми группами США, Морганом и Рокфеллерами, а также имеет прямой выход в Государственный департамент.

К концу 30-х годов роль Совета, его авторитетность как ведущей научно-исследовательской организации США по изучению международных проблем была намеренно подчеркнута во время участия на съезде научных обществ по изучению международных отношений, организованном Лигой Наций в Лондоне в 1939 году. Однако его роль разработчика внешней политики США и связь с Государственным департаментом никогда не афишировалась, хотя может быть прослежена доказательно еще с довоенных времен. Более того, разработки Совета не раз служили основой для официальных внешнеполитических документов и даже текстуально совпадали с ними, причем не только американских, но и ряда стран, чья ориентация имеет важное значение для американских военно-политических планов в Европе.

Из довоенного прошлого Совета можно привести немало красноречивых примеров: его председателями были Норман Х. Дэвис, бывший также заместителем госсекретаря США, Джон Дэвис, бывший в 1924 году послом США в Англии и кандидатом в президенты США от демократической партии, который вплоть до 40-х годов являлся членом редколлегии "Форин Аффферз", Оуэн Юнг - автор репарационного плана Юнга, он же президент "Дженерал

стр. 187

электрик". Исая Боумэн, член Совета, был советником президента Вудро Вильсона, тесно взаимодействуя с полковником Хаузом. Боумэн оставался членом Совета еще в середине 40-х годов, будучи членом одной из главных групп - "Территориальной", занимавшейся планированием будущего Европы после "нацистско-большевистской войны". Его имя всплывает в составе американской делегации в Думбартон-Окс. Г. Ф. Армстронг, председатель Совета в годы Второй мировой войны, был одновременно главным редактором "Форин Аффферз", оставаясь на этом посту еще в середине 70-х годов. Все упомянутые деятели стояли в вопросах внешней политики на однозначно враждебных к России позициях, открыто формулируемых вплоть до 22 июня 1941 г.

К началу Второй мировой войны деятельность Совета можно охарактеризовать как совмещение аналитическо-концептуальной разработки тем стратегического характера, формулирования внешнеполитических программ и документов с конкретной дипломатической деятельностью.

Работа Совета еще до войны состояла не только в подготовке важнейших

стратегических документов и оценок международного положение, но и в отсылке данных материалов в распоряжение Государственного департамента. Совет по-прежнему был теснейшим образом связан с английским Королевским институтом международных отношений в Лондоне ("Chatham House"), который пересылал свои работы Совету.

На заседаниях Совета, работа которого необычайно активизировалась в периоды, готовящие или предвещающие серьезные геополитические сдвиги, всегда присутствовали и выступали с докладами представители оппозиционных или эмигрантских элит стран или территорий, важных для США, на которые они не имели возможность оказывать прямое воздействие. Советские спецслужбы и "аналитические" отделы заинтересовались деятельностью Совета, судя по всему, после смены руководства Наркомата иностранных дел.

Нарком Литвинов неслучайно считался англосаксонским лобби в советском истеблишменте, и при нем о деятельности Совета в НКИД ничего не писали. Однако М. Литвинов сам прекрасно был о ней осведомлен, так как находился в составе группы "из пяти высокопоставленных большевиков", которая в 1929 году наносила Совету визит, после чего через некоторое время Совет рекомендовал правительству признать СССР. Редкие документы о том визите в России пока еще находятся за семью печатями, поскольку эти большевики "первого" космополитического разлива явно обещали проводить некую экономическую и политическую стратегию, приемлемую для США.

С легкой руки Литвинова, писавшего в НКИД все аналитические записки с оценками американской политики в целом и перспектив отношений с СССР, в советской довоенной историографии всегда выделялась "демократическая Америка", более "терпимая" к большевикам. Это была суцая правда, и в этой стратегии определенную роль играл Совет по внешним сношениям. США оказывали большевикам немалую помощь средствами и кадрами революционеров в самые ранние годы, затем договаривались с ними - параллельно со своим участием в финансировании походов Антанты. Именно США были готовы немедленно признать большевиков на удерживаемой ими небольшой части России с одновременным признанием всех самопровозглашенных территорий. Однако, когда в 1922 году та же большевистская власть сумела восстановить единство страны, США долгое время отказывались признать СССР. Вопреки своим заверениям Белому движению о незыблемости американской позиции по вопросу о безусловной необходимости сохранения Прибалтики как части России США последовательно не признавали восстановления суверенитета СССР над этими территориями. Дело было не в большевиках, а в геополитическом гиганте.

США признали СССР лишь после того, как в ходе засекреченного до сих пор визита в 1929 году в США группа из пяти высокопоставленных большевиков "отчиталась" об их дальнейших планах загадочному Совету по внешним сношениям. По словам У. Мэллори, исполнительного директора Совета, эти делегаты дали ответы, которые "удовлетворили аудиторию, состоявшую из американских банкиров, но могли бы дискредитировать этих людей дома". Удалось установить, что одним из них был М. Литвинов, имевший давние связи в англосаксонском мире, женатый на дочери английского историка и ставший наркомом иностранных дел.

геополитического соперника. Перед разведкой и аналитическими органами, по-видимому, были поставлены новые задачи. Сразу было установлено, что многие важнейшие международные инициативы в Европе и темы заседаний Совета совпадают, хотя не имеют формальной связи, а его документы и материалы появляются затем в форме официальных заявлений и документов международных и американских инициатив. Не без оснований в НКВД Совет назван "квалифицированной и солидной кухней по разработке, систематизации и подготовке не только абстрактных и перспективных проблем будущего послевоенного устройства, но и важнейших международных политических вопросов текущего оперативного порядка, некоторая часть из коих может весьма сильно затронуть интересы Советского Союза".

С самого начала Второй мировой войны под руководством Совета по внешним сношениям эксперты работали над темами под общим названием "Изучение интересов Америки в военное и мирное время" в четырех группах: по вооружению; политическая; территориальная; финансово-экономическая. За три недели до нападения Германии на СССР с одобрения Госдепартамента группы резко интенсифицировали работу и издали ограниченным тиражом ряд "строго секретных" документов и меморандумов, посвященных послевоенному порядку в Европе и мире с особым вниманием к территориям и странам, приграничным к СССР.

Членами всех важнейших групп одновременно являлись Г. Армстронг, У. Мэллори (принимавший секретный визит Литвинова), А. Даллес и другие ключевые координирующие фигуры. Особо обращает на себя внимание целый ряд заседаний с докладами представителей эмигрантской элиты и бывших государственных деятелей Прибалтики - Литвы, Латвии и Эстонии, Польши, Венгрии, Норвегии, Чехословакии, Румынии, Югославии, Австрии. Тематика заседаний и названия докладов и меморандумов посвящены классическим темам "реальной политики" и глобальным интересам США, мало соответствующим вильсонианству и Атлантической хартии. Интересы борьбы с гитлеровской мощью требовали вовлечения СССР, его материальных и человеческих ресурсов, в войну против Германии, которую могла разгромить лишь континентальная держава, и Советский Союз приглашался в качестве союзника в борьбе против общего врага. Что же Совет по внешним сношениям?

22 августа 1941 г. СВС посвящает американской стратегии в новых условиях заседание, прагматизм которого смутил бы Талейрана и Макиавелли. Сама тема заседания "Вопросы американской политики, касающейся нацистско- большевистской войны" и перечень вариантов демонстрируют изнанку, весьма отличную от риторики официальных деклараций и обращенных ко всему миру и к СССР инициатив:

"Если большевистский режим сохранится:

- а) Станет ли Америка соучастником Советской России в войне против Гитлера.
- б) Должна ли Америка добиваться установления равновесия между (послевоенной) Германией и Россией путем создания независимых от них обеих буферных государств.
- в) В случае нападения Японии на Приморье, должны ли тогда США вмешаться путем интервенции на Дальнем Востоке.

Если большевистский режим падет:

- а) Должна ли Америка стараться восстановить большевизм в России.
- б) Должны ли США по примеру Гитлера санкционировать массовое переселение

народов для создания буферной зоны между Германией и Россией.

Если после большевистского режима будет установлен режим сотрудничества с Германией:

а) Должны ли США не дать возможность этому режиму установить контроль над Транссибирской железной дорогой.

б) Должна ли Америка подготовить на Дальнем Востоке противников этого режима (Китай, Япония) (выделено мною. - Н. И.).

Однако самое ценное заключают в себе итоговые тезисы обсуждения:

"Военный результат этой войны решит судьбу не только большевистского режима; он может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива. Страницы истории открываются вновь, краски снова льются на карты.

стр. 189

Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами. В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы, если только желательно предотвратить повторение войны".

В развитие этой темы СВС провел до августа 1942 года исключительно интенсивную работу по систематизации и изучению возможностей переустройства послевоенной Европы, прежде всего ее восточной и центральной частей, и издал около 500 "строго секретных" меморандумов, ставших сразу достоянием советских ведомств. В этих меморандумах проводится тщательный смотр всех сил и стран, на которые можно было бы сделать ставку, приглашаются все эмигрантские правительства или оппозиционные группы из тех государств, которые все еще не находятся под влиянием США, а сами доклады и обсуждения проходят в специально образованной группе под названием, вполне соответствующим Атлантической хартии: "Группа по изучению мирных целей европейских наций".

В заседаниях принимали участие А. Сметона - бывший президент Литвы, К. Р. Пушта - бывший министр иностранных дел Эстонии, А. Бильманис - "полномочный посол" Латвии в США, эрцгерцог Австрии Отто фон Габсбург, А. Грановский - президент организации по возрождению Украины, Л. Димитров - председатель "Македонской политической организации США и Канады", представители польской эмигрантской элиты, бывшие государственные чиновники Чехословакии и Румынии, О. Яши - бывший министр национальностей Венгрии и другие. Председателем этой важнейшей группы был Г. Ф. Армстронг, членами - А. Даллес, У. Мэллори. Представленные в Совете "нации" не совпадали с государствами на *официальной карте Европы до начала гитлеровской агрессии*, что лишней раз позволяет трактовать Атлантическую хартию отнюдь не как требование отвергнуть результаты гитлеровских завоеваний и вернуться к положению ante bellum (до войны), а воспользовавшись этой агрессией, объявить пересмотр довоенных границ и карты Европы. Именно на эти "буферные" восточно- и центральноевропейские силы будет сделана главная ставка США в расширении НАТО в 90-е годы после краха России-СССР.

Судя по всему, еще до Перл-Харбора и задолго до окончания войны в США лидеры американских деловых и политических кругов через свои наиболее квалифицированные организации приступили к активной разработке планов послевоенного устройства Европы и экономического и политического присутствия в ней США.

Принято в целом считать, что окончательное стратегическое решение США "остаться" навсегда в Старом Свете и инкорпорировать роль, интересы и потенциал Западной Европы в свою глобальную стратегию, составной частью которой стало поощрение и европейской интеграции, и "единой Европы", оформилось лишь в 1946 году. Еще в 1944 году впечатление о возможности возврата США к "изоляции" было распространено даже в самых верхних эшелонах внешнеполитического ведомства Великобритании. Об этом свидетельствуют переписка британских эмиссаров в Европе с А. Иденом о будущем европейском устройстве, а также некоторые материалы советских архивов, показывающих, что в беседах Молотова с Бирнсом - государственным секретарем США - советская сторона выражала беспокойство возможным решением США "замкнуться в своей скорлупе".

Однако секретные меморандумы Совета по внешним сношениям говорят о том, что те круги, которые занимались панорамным стратегическим планированием не только внешней политики, но места США в грядущем периоде мировой истории, еще в начале войны, задолго до того, как к этому склонился Государственный департамент и конгресс, постулировали заинтересованность США в "интеграции" Европы и в универсалистских структурах, которые США должны контролировать и направлять.

Важнейшей стороной деятельности Совета стало мировоззренческое программирование специфическими методами - выработка базовых аксиом и клише в сознании научной и общественно-политической элиты через свои издания, особое место среди которых занимает журнал "Форин Аффферз". Авторитетность журналу придало не только высокое качество публикуемых аналитических материалов и статей ведущих имен американского политического и политологического сообщества. Журнал превратился в форум,

стр. 190

на котором обкатывались внешнеполитические концепции, доктрины и инициативы, которые только что стали или вскоре должны были стать внешнеполитическим курсом США. Что было первичным - вопрос сложный.

Публикация в "Форин Аффферз" делала новое имя авторитетным, а суждения, в нем высказанные, привлекали внимание как мнение, разделяемое частью государственных ведомств. Именно в журнале "Форин Аффферз" в 1947 году была опубликована анонимная статья, принадлежавшая Джорджу Кеннану - "Истоки советского поведения", где сформулирована "доктрина сдерживания" 1947 г.

В 1963 году тот же Дж. Кеннан поместил статью под названием "Полицентризм и западная политика", где предлагалось стимулировать постепенный отход восточноевропейских участников Варшавского пакта от Москвы через формирование из них более самостоятельных центров силы. В соответствии с этой концепцией США всегда отказывались вести дело со всем блоком, чтобы не повышать наднациональную роль СССР и его влияние, и даже пошли на смягчение закона о торговле стратегическими товарами в отношении фрондирующих партнеров в Варшавском пакте.

Доктрина эта действовала до ввода войск в Прагу в 1968 году.

Легковесные и исключительно идеологические комментарии по поводу очередной годовщины этих событий обошли как главный смысл этой акции со стороны СССР, так и главный итог ее для позиций СССР и международных отношений. Понимая, что Запад выжидает, пока пражская "весна" перейдет в жаркое "лето" и Прага будет готова выйти из Варшавского договора, СССР показал Западу, что готов даже ценой очевидной потери престижа в общественном мнении и антирусских настроений в самой ЧССР, ценой нарушения международного права подтвердить свой контроль над геополитической зоной ответственности, определенной не только Сталиным, но и Черчиллем и Рузвельтом, и не допустить распада военно-стратегического пространства. США, проинформированные об акции самим советским руководством, признали эту сферу, в отличие, скажем, от Афганистана, вход в который был воспринят как расширение зоны коммунистического влияния.

Крах иллюзий на отрыв поодиночке социалистических стран от СССР привел США к разрядке. Прямыми результатами ввода войск в ЧССР были договоры ФРГ и СССР 1970 года, последующие договоры ФРГ с Чехословакией об объявлении Мюнхенского сговора недействительным, визит Р. Никсона в Москву, встреча во Владивостоке, весь комплекс договоров в области ядерного разоружения, включая его фундамент - Договор о противоракетной обороне 1972 года и Протокол к нему 1974 г. Эта акция побудила Запад подтвердить в Заключительном акте Хельсинки незыблемость послевоенных границ и реалий в обмен на согласие СССР на сокращение вооружений в Европе. (С такими же целями - подтвердить свой контроль над некими ареалами - США вводили войска в Гренаду и т. д.)

В конце 60-х годов на страницах "Форин Аффэрз" появляется имя З Бжезинского, которого извлек из безвестности Дэвид Рокфеллер - человек, занимающий весьма важное место в конструировании идеологии глобализма и ее институционализации. Финансово-промышленный магнат, глава одного из крупнейших банков "Чейз Манхэттен", он являлся в течение ряда лет президентом Совета по внешним сношениям.

В деятельности Совета по внешним сношениям можно проследить ступени развития доктрины глобализации, к осуществлению которой мир нужно было подготовить. Уже в 60 - 70-е годы пробиваются на поверхность всходы целенаправленной работы всего XX века по консолидации и созданию наднациональных механизмов контроля над общемировым развитием, в которых стратегия отдельных стран была бы незаметно подчинена поставленным целям. Задача эта связана с панорамными расчетами ведущих сил Запада, которые они вели с начала века в отношении своего политического и экономического будущего. Между двумя мировыми войнами речь шла о рычагах воздействия на оформление нужного идеологического, политического и экономического облика мира, об условиях накопления экономической и финансовой мощи. Этому служили паутина Хауза - Вильсона - Ллойд-Джорджа, создание Совета по международным отношениям. В этот период были испробованы и первые международные политические и финансовые учреждения - Лига Наций и Банк международных расчетов. Созданный планом

стр. 191

Юнга (председателем Совета в 20-е годы) якобы для решения репарационного вопроса, Банк успешно институционализировал ведущую роль в европейской политике

англосаксонского финансового капитала.

После Ялты и Потсдама Запад потратил огромные ресурсы для компенсации нового соотношения сил. История плана Маршалла, интеграционных механизмов от Рима до Маастрихта, военного блока НАТО - хрестоматийна. Новым в этом процессе было не создание альянсов - традиционных форм мировой политики. Новым был их тип и уровень, ибо они не просто ограничивали, а необратимо размывали национальный политический и экономический суверенитет. Одним из первых "европейских сообществ" стало "Европейское объединение угля и стали" - сырьё не только войны, но и всей экономики. Была создана военно-политическая матрица, которая задала экономическую структуру, потребности развития стран, обеспечила рост американского ВПК и ТНК, которые постепенно становились силой, оказывающей решающее воздействие на правительства стран базирования и принимающих стран, влияющей на мировую политику и экономику.

Американский Совет по внешним сношениям еще в начале войны подготовил меморандум о пан-Европе, в которой нужно было растворить и интегрировать германский потенциал, устранить дорогостоящие традиционные противоречия между германцами и романцами. Запад под эгидой США выстраивался как единое геополитическое, экономическое, военное и культурное консолидированное целое. Идеи единой Европы и постепенное превращение Европы в некое супергосударство с наднациональными институтами управления были составной частью глобальной стратегии США. Американское политическое сознание постепенно отождествляет себя с Западом в целом. В таком ассимилированном сознании утверждается мотив не просто сильнейшего, а тождества мира и себя, где остальные - провинция, не имеющая права на историческую инициативу.

По мере утраты коммунизмом всякой привлекательности для западного мира теряет свои изначальные благородные черты классический либерализм, выдвигая на смену идеалам Просвещения - суверенитету народа, равенству, универсализации прогресса - новый всемирный идеологический проект. Имя новой идеологии - глобализм, а авторы и спонсоры его - в немалой степени широкие круги, воспитанные Советом по внешним сношениям. В книге "Первая глобальная революция" А. Кинга и Б. Шнайдера, вышедшей под эгидой знаменитого Римского клуба, сказано, что началом "глобальной революции" нужно считать 1968 год. Хотя первые революционеры указаны не были, некоторые имена руководителей можно назвать достаточно уверенно. Среди них - Дэвид Рокфеллер.

Именно Совет по внешним сношениям стоял в 1968 году у истоков создания Римского клуба. Именно Д. Рокфеллер поручил З. Бжезинскому возглавить созданную также не без работы СВС Трехстороннюю комиссию, тоже своего рода клуб, объединивший в 1973 году крупнейших представителей делового и политического мира США, Западной Европы и Японии. В 1968 году З. Бжезинский писал: "Наша эпоха не просто революционная. Мы вышли в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории. Мир стоит на пороге трансформации, которая по своим историческим и человеческим последствиям будет более драматичной, чем та, что была вызвана французской или большевистской революциями... **В 2000 году признают, что Робеспьер и Ленин были мягкими реформаторами**".

Хотя имя В. Вильсона непосредственно не увязывали с процессами в 70-е годы, именно вильсонская пацифистская идея "мира как концепции", которой должны быть подчинены интересы государств, и идеология "единого бесконфликтного мира" увели целое поколение политологов от изучения проблем реальной политики. Первый опыт

подобных форумов и диалогов "по поиску взаимопонимания" представили американские "Think Tanks", среди них Фонд Карнеги, американский Институт мира и, конечно, СВС. Задачей таких инициатив сам Государственный департамент называет "превентивную дипломатию". Они служат *"либо дополнением к официальным действиям США, либо заменяют их, когда официальное американское присутствие невозможно"*.

"Конфликтология" абстрактных величин не предполагает сопричастности к событиям и позициям. В ней изучается не задача достижения национальных

стр. 192

интересов, а методика их принесения в жертву абстрактным принципам, на деле же осуществляется цель не допустить резкого изменения баланса сил из-за неожиданного усиления того или иного участника или появления новой региональной супердержавы. Это закрепление и консервация сложившегося соотношения сил, в котором уже оформились лидеры. Конфликтология стала научной дисциплиной, для которой создана по всему миру сеть научных центров - Стокгольмский (СИПРИ) и Гессенский институты и аналогичный институт в Тампере (ТАПРИ). Проблемы мира и конфликтов стали темой бесчисленных международных семинаров и курсов.

Политика этих центров - заключать контракты с политологами и экспертами разных стран - сделала их научные и политические кадры подлинно космополитическими. Наконец, в международном политическом сознании легализуется само понятие глобальное управление - Global Governance, необходимость которого постепенно вводится в аксиоматику "науки о международных отношениях". В 1995 году именно в США под таким названием начинает выходить солидное периодическое издание. Бывший директор ТАПРИ Р. Вэйринен издает в Бостоне труды о глобализации и глобальном управлении. Глобальное управление требует открытости всех обществ мира, а также определения круга избранных, обладающих правом управлять, и обоснования этого права. Из этой аксиомы следует задача подтолкнуть "закрытые общества" к преобразованию в определенном направлении, а также подготовить мир к замене основополагающих принципов международного общения: принципа суверенитета государства-нации, невмешательства и создания нового абстрактного субъекта международных отношений - "мирового сообщества". Воспитанник СВС З. Бжезинский, ставший советником по национальной безопасности, вспоминал в мемуарах, как клише защиты прав человека в соответствии с новой стратегией вписывалось во все программы, речи, заявления, повестки, условия. Идеология примата прав человека, резко вброшенная Дж. Картером и повернувшая США от разрядки, была новой тактикой, гуманитарная интервенция в Югославии в 1999 году стала ее продуктом.

Американский СВС активно пропагандировал понятие "мирового сообщества", хотя английский политолог Хедли Булл расшифровал, что внутри этого мирового сообщества существует некое "мировое общество" - некий ведущий, избранный и единый в своих целях и принципах "концерт", который составляют западные страны.

Идеи глобализма в СССР были подготовлены при Н. Хрущеве, несмотря на его демагогические поношения капитализма и перенос "обострения классово-борьбы" в область соревнования двух систем. С Хрущева реанимируются универсалистские мотивации политики, идея мировой революции (в форме соревнования с капитализмом и борьбы за третий мир, поглощавшей золотой запас). Возобновляются и умелое формирование Западом экономической и политической зависимости от него СССР,

направление советской экономики по экстенсивному пути, резкое увеличение экспорта сырья. Третье поколение советской партийной и административно-научной номенклатуры втягивается в орбиту Запада.

Этому служила деятельность открытых форумов подобно Римскому клубу, который провозглашал цель побудить страны мыслить глобально и "осознать мировую проблематику". Его призывы были обращены к международным интеллектуальным силам, глобалистские подходы пропагандировались как веление времени. Первые два доклада Римскому клубу - доклад Д. Мэдоуза "Пределы роста", изданный на 30 языках многомиллионным тиражом, и доклад Месаровича-Пестеля "Человечество на перепутье" - намеренно убеждали в неизбежной гибели мира вне механизма мирового контроля над ростом и развитием и предупреждали о невозможности всем следовать примеру развитых стран. В семидесятые годы в международном лексиконе был легализован термин *мировой порядок* и идея его *пересмотра* под эгидой мировой элиты (проект РИО) - третий доклад Римскому клубу голландского экономиста Яна Тинбергена.

Идея пересмотра мирового порядка в первую очередь направляла общественное сознание и мысль к глобализации, к поиску новых универсальных механизмов, которые бы "гармонизировали" доступ к мировым ресурсам и обеспечили новые не прямые рычаги управления мировым развитием. Хотя

стр. 193

Западу приходилось сталкиваться с напором развивающихся стран, возмечтавших о справедливости, принятые ООН Декларация и Программа действий по установлению нового мирового экономического порядка остались "антиимпериалистическими" иллюзиями, а вот концепция "конца суверенитета" - реальностью.

Именно в период эйфории равенства и "пересмотра несправедливого экономического порядка" строились механизмы и испытывались технологии глобального управления, формировались идеология и кадры - насчитывающая миллионы прослойка международных чиновников, переходящая из одной организации в другую и кочующая от Бангкока до Женевы. Запад выдержал все неизбежные издержки "детских" идеалистических надежд на подлинно "универсальный" глобализм и одновременно выиграл право именовать себя "мировым сообществом". Сразу после краха СССР этот "новый субъект" международных отношений дал понять, что принцип эгалитарности и универсализма не распространяется на прогресс и развитие. Организация Зеленого креста во главе с М. Горбачевым на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году уже жестко предупредила страны, что мир не может выдержать повторения бедными государствами опыта развитых, а в Киотской декларации 1993 года было уже указано, что препятствием к решению глобальных проблем являются "наши представления о национальном суверенитете". Адепты глобализации с удовлетворением отмечают возрастание юридического статуса последующих протоколов в качестве "шага к распространяемой справедливости".

В отличие от конфиденциальных докладов Трехсторонней комиссии, созданной по идеологии СВС, призывы к совместному решению мировых экономических проблем и "проблем человечества" прямо адресовались мировой и в немалой степени советской элите, приглашая ее стать частью этого механизма. Советская интеллектуальная и номенклатурная элита стала остро ощущать гнет своей идеологии, но не потому, что та разочаровала ее как инструмент развития собственной страны, а потому, что стала

помехой для принятия в элиту мировую. Цена за место в мировой олигархии была названа в эпоху М. Горбачева.

В конце 90-х годов XX века Совет охватывает своим влиянием практически все важнейшие общественные институты и государственные структуры США - конгресс, Государственный департамент и министерство обороны, банки, финансовые учреждения, крупнейшие промышленные корпорации, а также важнейшие информационные агентства, электронные СМИ и печатные издания, руководство и профессию колледжей и университетов. Из сенаторов и конгрессменов, поданным на 1998 год, среди демократов приблизительно в два- три раза больше членов СВС, Трехсторонней комиссии и Бильдербергского клуба - этих мастерских либеральной глобализации под англосаксонской эгидой, чем среди республиканцев, которые, впрочем, также изрядно представлены. В отличие от начального периода своей деятельности, Совет по внешним сношениям сегодня кажется внешне растворившимся в американском истеблишменте. Его можно сравнить с некой ложей посвященных, окормляющей американский истеблишмент идеологическими и мировоззренческими скрепами.

Итак, только самый первый, беглый взгляд на систему связи мозговых центров и американского государства рождает мнение, что американские "Think Tanks" - это инструменты выработки официальной политики США. Более внимательное рассмотрение подводит к суждению, что скорее наоборот: правительственные структуры и институты США, сама государственная стратегия Америки находятся под мощным идейным и политическим мониторингом некоего всепроникающего и вездесущего лобби, выражающего интересы идеологических, финансовых и профессиональных элит, имеющих транснациональные интересы. Оно не выступает на политической арене открыто, но через эти структуры обеспечивает преемственность своих интересов в самих США и в мире.

Деятельность американских мозговых трестов нельзя недооценивать, хотя она и проходит в большей своей части вне объективов телекамер. Чисто американское явление, эти институты формировали не только саму политику США на протяжении 100 лет, но и отношение к этой политике как среди своих

стр. 194

граждан, так и в мировом общественном мнении. Их деятельность во многом дополняет и подменяет работу американской дипломатии и идеологической разведки. Именно в них рождаются новые концепции и доктрины, именно они поставляют кадры и экспертизу для правительственных учреждений. Они экспортируют политические клише и вводят в оборот новые стереотипы исторического сознания.

Очевидно, что за пределами США главной ролью "Think Tanks" кроме прощупывания позиций местных элит является экспорт клише и стереотипов сознания. *А это есть не что иное, как идеологическое программирование.* Эти учреждения, как правило, публикуют книги, проводят семинары и конференции, причем часто в других странах, работая с местными элитами. Так, Институту Мондейла поспешил в "демократическую Россию" в 1991 году и устраивал семинары и банкеты для нарождающихся партий некоммунистического толка. Некоторые из очарованных гостей стали затем российскими сотрудниками в московских филиалах американских центров. Международный центр Вудро Вильсона издал на русском языке для российской элиты книгу У. Лакера - "председателя Совета международных исследований вашингтонского

Центра по исследованию стратегических и международных проблем", в которой виртуозно осуществлялась задача: развенчать СССР как главного борца против фашизма, при этом не реабилитировать фашизм, но избавить Запад от вины за него. Вторая мировая война трактовалась как война между двумя тоталитарными монстрами, а антисемитизм немцам якобы подсказали русские эмигранты.

Нынешний передел мира являет невиданный синтез империализма времен Теодора Рузвельта и мессианизма Вудро Вильсона. К слабым странам применяется сила вместе с тезисом, высмеянным еще американцем Коулмэном: "Мы управляем вами, так как это в ваших же лучших интересах, а те, кто отказывается это понимать, представляют собой зло". По отношению к структурным элементам системы международных отношений, прежде всего России, которая ранее была объективным препятствием для передела мира, применяется идеология глобализма. Составной ее частью является воздействие на сознание. Обывателю внушается идеал несопричастности к делам Отечества, а элите - иллюзия сопричастности к мировой олигархии и уверенность в том, что "США соответствуют высоким принципам политического порядка, превосходящего все остальные политические порядки, и новый американский империализм служит высшей моральной цели".

Поэтому политикам и политологам, участвующим в конференциях и приемах филиалов Фонда Карнеги или Института Мондейла, принимая поощрительные похлопывания по плечу, полезно было бы иметь в виду, что, **по откровенному признанию Отдела политики и планирования Государственного департамента, "в самых темных углах мира эти структуры служат глазами, ушами и мозгом Соединенных Штатов"**.

Редакция журнала "Наш современник" поздравляет нашего давнего автора и доброго друга Наталию Алексеевну Нарочницкую с избранием в Государственную думу и выражает уверенность, что и в этом карманном парламенте Нарочницкая с присущим ей ораторским даром и патриотическим одушевлением будет стойко и энергично отстаивать интересы Родины.

стр. 195

Article Title	SUB"EKTNOST' REGIONAL'NYKh ANALITICHESKIKh SOOBShchESTV: KRITERII, ETAPY STANOVLENIIa I USLOVIIa (na primere Respubliki Kareliia)
Author(s)	A. S. Sukhorukov
Source	POLIS. Politicheskie issledovaniia , No. 3, 2011, page(s): 109-114
Rubric	<ul style="list-style-type: none"> SUBDISTsIPLINA: PUBLIChNAIa POLITIKA
Place of Publication	Moskva, Russia
Size	20.5 Kbytes
Words	2299
Stable URL	http://dlib.eastview.com/browse/doc/24881034

СУБЪЕКТНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: КРИТЕРИИ, ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ (на примере Республики Карелия)

Автор: А. С. Сухоруков

Ключевые слова: аналитические сообщества, субъектность.

Можно считать состоявшимся фактом, что за последние 15 лет гражданское общество в России стало, по крайней мере, предметом государственно-общественной и научной рефлексии. Хочется верить, что подобный путь пройдут и региональные аналитические сообщества¹. Как показывают первые результаты проекта "Становление аналитических сообществ в регионах России"², реализуемого Исследовательским комитетом по публичной политике и управлению РАПН и кафедрой публичной политики НИУ-ВШЭ, они, чаще всего, занимают пока нишу исполнителей заказов органов власти, а не самостоятельных субъектов общественно-политического управления³.

Пример Республики Карелия, оказавшейся одним из трех первых регионов данного проекта, интересен тем, что по многим показателям состояния региональных аналитических сообществ (например, по количеству аналитических площадок и диверсифицированности процессов взаимодействия аналитиков с властью) она демонстрирует наиболее позитивные результаты. Это заставило пристальнее рассмотреть в опыт данного региона.

Чтобы выявить факторы, влияющие на становление субъектности региональных аналитических сообществ, необходимо было выделить сегменты, в которых аналитические сообщества Карелии действительно сформировались. В этом помогли два проведенных ранее исследования.

В 2006 г. в рамках разработки концепции муниципальной целевой программы "Петрозаводск - самоуправляемая территория" была собрана и обработана информация об общественном (в т.ч. экспертном) участии в консультационно-координационных группах (официальные общественные советы, комиссии, рабочие группы и т.п.) на уровне администрации города. Всего таковых в анализ было включено 54 группы: почти половина из них (46%) не имеет общественно-экспертного представительства, еще 20% имеет формальное представительство (доля представителей общественности в составе таких групп составляет менее 15%). Весомое представительство (более 40%) общественность имеет в пятой части (19%) подобных групп. Заметное, но не решающее общественно-экспертное пред-

---

СУХОРУКОВ Андрей Сергеевич, кандидат психологических наук, председатель Правления Фонда поддержки инновационных проектов "Новое измерение" (г. Петрозаводск). Для связи с автором: suhorand@mail.ru

¹ О понятии "аналитические сообщества" подробнее см. [Зайцев 2011].

² Подробнее см. сборники серии: "Становление аналитических сообществ в регионах России" (отв. ред. серии Н. Ю. Беляева): [Аналитические... 2010; Аналитические... 2011а; Аналитические... 2011б].

³ О понятии субъекта политики и субъектно-институциональном подходе к исследованию политических процессов подробнее см. [Публичная политика... 2006; Конституционное... 2007].

page 109

ставительство (от 15% до 40%) имеют среди своих членов 15% групп. Всего же представители городских сообществ имеют в подобных органах около 150 мест (уровень политического представительства - 60 депутатов городского совета). Лидерами в сфере организации общественного и экспертного представительства при принятии решений на тот момент можно было считать *молодежную политику, градостроительную политику, политику в области национально-культурных вопросов и в культурно-исторической сфере, стратегическое планирование*. Были отмечены предпосылки для выхода на новый уровень общественного диалога и экспертного участия в социальной защите, экологии, образовании, гендерных вопросах, обсуждении бюджета [Городской альманах 2008].

В 2007 г. совместно с председателем Карельского научного центра РАН, чл. -корр. РАН А. Ф. Титовым и зам. директора Института экономики КарНЦ РАН О. В. Толстогузовым было разработано и проведено исследование "Карелия: федеральная конкурентоспособность по качеству управления". В его рамках было организовано интервьюирование 18 представителей Правительства Карелии, администрации Главы Республики, Законодательного Собрания, федеральных органов управления, Петрозаводского государственного университета и Карельского научного центра РАН. На основании полученных результатов были сделаны выводы о том, что говорить о наличии выраженной направленности Республики на федеральную (международную) конкурентоспособность по качеству управления и, соответственно, о сложившемся аналитическо-экспертном сопровождении данных процессов, можно в таких сферах регионального управления Карелии как *образование, информатизация, финансы, культура и туризм*⁴.

Выделив на основании данных исследований содержательные сегменты, в рамках которых аналитические сообщества Карелии уже проявили себя, мы кратко систематизировали современную историю их становления.

Так, *стратегическое планирование* развития региона и муниципалитетов обязано своим высоким уровнем редкому пункту региональной Конституции, принятому в 1990-х годах: высшее должностное лицо Карелии в течение полугода после своего избрания (утверждения) обязано представлять Законодательному Собранию Программу социально-экономического развития республики. С 1998 г. задачи разработки и мониторинга реализации соответствующих документов создали практически постоянную площадку для взаимодействия экспертно-проектировочных сообществ (в первую очередь, экономистов) с органами власти.

Творческими научными коллективами под руководством А. Ф. Титова и директора

Института экономики КарНЦ РАН А. И. Шишкина за эти годы были подготовлены две долгосрочные Стратегии развития республики (1998 - 2010 гг. и 2008 - 2020 гг.), раз в 4 года готовятся Программы комплексного социально-экономического развития, ведется постоянный независимый мониторинг их реализации [б.г.а]. Важно отметить, что они готовились в рамках идеологии "широкого обсуждения" - т.е. большому кругу специалистов и экспертов предоставлялась возможность включиться в данную работу. По сути, за 15 лет появилась региональная научно-практическая школа стратегического пла-

---

⁴ Исследование проведено ООО "Центр "Перспектива" по заказу Администрации главы Республики Карелия, март 2007 г., данные не публиковались.

нирования, развивающаяся преимущественно на базе Института экономики КарНЦ РАН [б.г.б].

Центром разработки и внедрения в Карелии *информационно-коммуникационных технологий* является Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ) [б.г.в]. Устойчивые интересы к данной теме представителей университета оформились около 30 лет назад, "крестной матерью" карельской информатизации по праву считается проректор ПетрГУ Н. С. Рузанова. Сегодня регион стабильно входит в число лидеров различных федеральных рейтингов внедрения ИКТ (например, по готовности к электронному правительству, к электронному обществу; по информатизации образования, информатизации библиотек и др.). Карелия и Петрозаводск являются одними из ключевых площадок реализации программы "Электронная Россия". Неслучайно летом 2008 г. именно в Петрозаводске прошел Государственный совет по информатизации.

Несмотря на то, что численность "титulyного" народа республики - карелов - составляет только около 10% всего населения региона, *национальный статус Карелии* играет достаточно заметную роль в экспертно-проектировочной деятельности. Вероятно, сказывается и наличие на территории "малого" народа (вепсов), и географическая близость к финской культуре, родственной карельской. На протяжении многих лет региональные органы власти брали на себя роль заказчика различных видов исследований и программ (в первую очередь, издательских), ориентированных на поддержку коренных и малых народов. Естественно, что больше всего это затрагивает гуманитариев - филологов, социологов, историков и культурологов.

Необходимо отметить, что большинство работающих в данных сферах специалистов имеет отношение к Институту языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Публичным лидером многих проектов в этой сфере является кандидат исторических наук З. И. Строгалыщикова.

Заметные позиции на федеральном уровне были достигнуты Карелией в сфере *образования*. Произошло это благодаря деятельности рабочей группы Госсовета по модернизации образования, которую в 1999 - 2001 гг. возглавлял губернатор республики С. Л. Катанандов. Министерство образования региона, опираясь на собственные экспертно-аналитические ресурсы (А. В. Михайлов, начальник аналитического отдела), реализовало около десяти крупных проектов [Исследование... 2007], активно продвигало Карелию на федеральном и международном уровне, позиционируя ее как "родину

модернизации российского образования" [Президентский... 2009]. В частности, Карелия лидировала в реализации федерального проекта "Информатизация системы образования" [там же], являлась федеральной экспериментальной площадкой по развитию государственно-общественного управления школами.

В сфере управления *региональными финансами* накоплено также немало успешных проектов федерального уровня. Так, Карелия была в числе первых регионов России, где был принят "Закон о бюджетном процессе", а в 2004 г. республика была признана "лучшим регионом России по прозрачности бюджетного процесса" [Исследование... 2007]. Она неоднократно выигрывала конкурсы Всемирного банка по внедрению новых принципов финансово-бюджетных процессов, входя в первую пятерку регионов России, где уже несколько лет интенсивно внедряется концепция "бюджетирования, ориентирован-

---

ного на результат" (БОР) [там же]. По международному рейтингу FICN Карелия входила в первую пятерку российских регионов по надежности региональной финансовой системы и являлась единственным регионом, который выпускал и успешно размещал региональные облигации [там же].

В рамках ПетрГУ действует самостоятельный аналитический центр - Центр бюджетного мониторинга (директор - профессор В. А. Гуртов) - уже около 10 лет выполняющий заказы регионального Министерства финансов и ряда федеральных министерств и ведомств и поддерживающий три федеральных Web-портала: "Рынок труда и рынок образовательных услуг", "Открытый бюджет. Регионы России", "Научно-экспертное сообщество России" (соответственно, <http://labourmarket.ru>; <http://openbudget.karelia.ru>; <http://science-expert.ru>).

Осознание перспектив республики в сфере туризма было катализировано участием Карелии в федеральном конкурсе по размещению открытых экономических зон (ОЭЗ) туристско-рекреационного типа, в ходе которого республика вышла в финальную десятку. Было выявлено, что в части организации государственного регулирования туризма республика может претендовать на роль передового региона России, первой разработав программу развития туризма, первой приняв закон о туризме, одной из первых организовав региональную туристическую выставку, создав шесть информационно-туристических центров (самое большое количество в России). В последнее время в республике разработаны или разрабатываются достаточно уникальные документы, например, республиканская Генеральная схема территориального размещения объектов и инфраструктуры туризма [б.г.а]. С точки зрения федерального центра (Министерства регионального развития РФ), именно туризм является и будет являться базовой экономической специализацией Карелии [б.г.г].

Ежегодно Карелия заявляла на российском и международном уровне около 60 проектов в сфере культуры, из которых поддерживалось около 20 [Исследование... 2007], что позволяет относить ее к числу лидеров федеральной конкурентоспособности в этой сфере. Такие показатели достигались, в основном, активной политикой лоббирования со стороны регионального министерства и активной деятельностью ассоциированных с министерством некоммерческих организаций.

Обнаружить заметные на республиканском или петрозаводском уровне экспертно-проектировочные ресурсы можно и в рамках иных сфер региональной жизни. Это, во-

первых, характерная для природно-туристического региона, которым является Карелия, *экологическая тематика*. Здесь, к сожалению, пока можно говорить о сложившемся противостоянии "экономической" (представители органов власти, а также ряд геологов и экономистов) и "экологической" (представители общественности, местного самоуправления и ряд ученых-экологов) групп по поводу ряда проектов. Пока экологи одерживают верх, добиваясь моратория на разработку ряда потенциально перспективных карьеров в Приладожье и создания там природоохранных территорий.

Элементы конфронтации с представителями органов власти и бизнеса характерны также и для развития *архитектурно-градостроительного сообщества*, хотя в данном случае можно говорить все же о преобладании конструктивного партнерства. Так, архитекторы встали на защиту старинной карельской деревни Кинерма, попадающей на затопляемую территорию в слу-

---

чае строительства новой ГЭС на севере республики. Двух этажей "лишился" проект гостиницы "Онего-Палас" на набережной столицы Карелии, строительство которой завершает известный российский инвестор Р. Сафин; сейчас представители архитектурного и исторического научных сообществ поднимают общественные силы и горожан на защиту от сноса двух столетних деревянных зданий на центральной улице Петрозаводска.

В сфере *политологии* наиболее заметен А. М. Цыганков, председатель союза журналистов Карелии, руководитель некоммерческого Центра политических и социальных исследований и создатель наиболее яркого аналитического интернет-ресурса www.politica-karelia.ru.

Завершить тематический обзор хотелось бы сюжетом о *развитии местного самоуправления*, появившимся в повестке дня благодаря действию с 2006 г. Федерального Закона №131 о местном самоуправлении. Начавшиеся тогда процессы интенсивного увеличения органов местного самоуправления и изменения способов их деятельности потребовали масштабных образовательных и исследовательских программ. Соответствующий запрос со стороны региональной власти был сформулирован представителям научно-экспертного сообщества, работающим на базе петрозаводского филиала Санкт-Петербургской Академии госслужбы (директор - Р. Р. Пивненко). В результате на базе филиала Академии был создан специализированный центр поддержки процессов развития местного самоуправления "Муниципальный консалтинг" [б.г.д].

Обобщая данный эмпирический материал, необходимо отметить, что самыми значимыми факторами становления аналитических сообществ в Карелии являются: наличие в течение продолжительного времени заказов на аналитическую работу со стороны органов власти (*стратегическое планирование, информатизация, национально-культурная тематика, финансы, образование, туризм*) и/или наличие лидеров, берущих на себя функции менеджеров (организаторов) аналитических проектов и готовых выходить с их результатами в публичное пространство (Я. С. Рузанова, А. И. Шишкин, З. И. Строгальщикова, А. М. Цыганков, Т. В. Сачук, А. В. Михайлов и др.).

Однако настоящую проверку на готовность к самостоятельному существованию аналитические сообщества Карелии начали проходить в 2010 г., когда в результате смены политических лидеров региона и Петрозаводска оказались нарушенными многие устоявшиеся связи между аналитическими сообществами и органами власти⁵.

Оценивать, является ли сворачивание немалой части совместных проектов осознанной позицией новых руководителей региона или же это просто обычная пауза, необходимая для вхождения новых людей в курс управленческих дел, мы не беремся. Однако то, что представители аналитических сообществ Карелии оказались перед достаточно острой проблемной ситуацией, стало очевидно во время проведенного 28 января 2011 г. в Институте экономики КарНЦ РАН семинара в рамках проекта "Становление аналитических сообществ в регионах России". Он показал, что на пути к обретению действительной субъектности - т.е. возможности инициативно влиять на регио-

---

⁵ В 2009 - 2010 гг. сменились мэр Петрозаводска и губернатор республики, была изменена структура органов власти городского и регионального уровня. Состав членов Правительства Республики Карелия и руководителей отделов администрации Петрозаводского городского округа обновился более чем на 70%.

нальные политико-управленческие процессы - региональным аналитическим сообществам Карелии предстоит преодолеть ряд препятствий, а именно:

- разобщенность представителей аналитических сообществ, до этих пор, в рамках устойчивого потока проектов, не имевших особых потребностей в интеграции;
- неопределенность с лидерством в процессах интеграции, вероятность оказаться как в ситуации "без лидеров", так и в ситуации острой конкуренции за лидерство;
- неопределенность механизмов интеграции, поскольку существуют две полярные модели (традиционная - формально-иерархизированная и современная сетевая) и множество вариантов их сочетаний;
- дефицит потенциальных новых партнеров, поскольку ни бизнес, ни региональные отделения политических партий пока какой-либо готовности к взаимодействию с аналитиками практически не обнаруживали; в качестве "растущих партнеров" было выделено только местное самоуправление;
- разрыв аналитических сообществ с сообществами "медийными" (журналистами, блогерами и т.п.), ограниченная доступность информационных ресурсов;
- дефицит ресурсов федерального уровня (известных объединений и ассоциаций, проектов и др.), которыми могли бы воспользоваться в целях интеграции региональные аналитики;
- устаревающая в новых условиях привычная "повестка дня" деятельности аналитиков.

Вероятно, подобная проблематика может быть характерна и для аналитических сообществ других регионов России.

Удастся ли аналитическими сообществами Карелии создать успешный прецедент и предьявить переносимую в другие регионы модель повышения собственной субъектности, покажет время.

Аналитические сообщества в Саратовской области. Сборник статей под ред. Ш. Ш. Какабадзе. 2010. МОФ "ИНТЕРЛИГАЛ". - М.: "ИНТЕЛКОРП".

Аналитические сообщества в Республике Карелия. Сборник статей под ред. Ш. Ш.

Какабадзе. 2011а. МОФ "ИНТЕРЛИГАЛ". - М.: "ИНТЕЛКОРП".

Аналитические сообщества в Республике Татарстан. Сборник статей под ред. Ш. Ш. Какабадзе. 2011б. МОФ "ИНТЕРЛИГАЛ". - М.: "ИНТЕЛКОРП".

Городской альманах. 2008, вып. 3. М.: Институт экономики города.

Зайцев Д. Г. 2011. Характеристики идентичностей региональных аналитических сообществ: сравнительный анализ Саратовской области, республик Карелия и Татарстан. - *Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21 - 22 октября 2010 г.)*. Редколлегия сборника: И. С. Семенов, Л. А. Фадеева, В. В. Лапкин, П. В. Панов. М.: ИМЭМО РАН, 299 с.

Конституционное развитие России: задачи институционального проектирования (отв. ред. Н. Ю. Беляева). 2007. М.: ТЕИС, ГУ-ВШЭ.

Публичная политика в современной России: субъекты и институты. 2006. М.: ТЕИС.

Президентский вектор: туда ли идет Карелия. 2009. Доступ: www.karelinfonn.ru, 16.11.

Исследование "Карелия: федеральная конкурентоспособность по качеству управления". 2007.

б.г.а. Доступ: www.gov.karelia.ru

б.г.б. Доступ: www.insteco.karelia.ru

б.г.в. Доступ: www.petrso.karelia.ru/resource.html

б.г.г. Доступ: www.economy.gov.ru

б.г.д. Доступ: www.gosacad.karelia.ru

- "Ssha. Kanada: Ekonomika, politika, kul'tura "
- Date:11-01-2000(USA-No.011)
- Size: 15.9 Kbytes .
- Pages 102-107
- Words: 2045

РОЛЬ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКИ**

Автор: Роберт Э. ХАНТЕР*

На заре XXI в. Соединенные Штаты оказались глубоко вовлеченными в международные дела - глубже, чем когда-либо прежде в своей истории, и в более широком масштабе, чем любая другая страна, США поддерживают дипломатические отношения примерно со 180 суверенными государствами. Американские вооруженные силы в большей или меньшей мере размещены по всему миру. Роль США в мировой экономике беспрецедентна и проявляется практически во всех странах мира. Наконец, США участвуют в деятельности многочисленных международных институтов. Другие государства обращаются к Соединенным Штатам за руководством, за помощью в обеспечении своей безопасности и своего благополучия, за дипломатической поддержкой для предотвращения войны и установления мира и за мудрым советом при планировании работы международных организаций, охватывающих широкий диапазон человеческой деятельности.

Соединенные Штаты вырабатывают и осуществляют свою внешнюю политику - правильнее сказать, множество направлений своей внешней политики - с помощью целого ряда государственных структур, накладывающих на нее отпечаток своих различных и нередко конкурирующих точек зрения. К их числу относятся президентский аппарат Белого дома, Государственный департамент, министерства обороны и финансов, несколько разведывательных органов и несколько десятков других министерств и ведомств, оказывающих прямое воздействие как на определение того, чем должны заниматься Соединенные Штаты за рубежом, так затем и на выполнение правительственных решений.

---

*ХАНТЕР Роберт - старший советник корпорации РЭНД, г. Вашингтон.

**Think Tanks: Helping to Shape U.S. Foreign and Security Policy, by Robert E.Hunter. Перепечатано с разрешения издателей из электронного журнала Государственного департамента США "Внешняя политика США", т.5, N 1, март 2000.

стр. 102

Кроме того, свои обязанности в области внешней политики есть и у Конгресса США. Некоторые из них возложены на него по конституции, другие - по законодательству, третьи - по традиции. Линия Конгресса вовсе не является просто пассивным отражением воли американского президента, который, впрочем, обычно играет преобладающую роль при определении внешней и оборонной политики Соединенных Штатов. Вся деятельность администрации должна финансироваться конгрессом. С помощью многочисленных комитетов он досконально рассматривает предложения, программы и результаты внешней политики США, пристально следит за действиями каждого

министерства и ведомства за рубежом. Пожалуй, ни в одной другой стране законодательной власти не принадлежит столь важная роль, нередко идущая вразрез с волей президента, при формировании американской политики по отношению к внешнему миру.

Подобная роль конгресса демонстрирует, насколько важно любому президенту заручиться поддержкой населения в проведении его администрацией внешней политики и политики в области национальной безопасности. Особенно важно получить ее со стороны лидеров общественного мнения по всей стране с тем, чтобы обеспечить прочную базу внутри страны для деятельности США за рубежом. Хотя зачастую президенту предоставляется своего рода "презумпция невиновности" в области внешней политики, такая привилегия не бывает ни автоматической, ни гарантированной. Да и роль Соединенных Штатов в мире не столь постоянна - и не столь предопределена ограниченным набором факторов, как это имеет место во многих других странах, чье внимание сосредоточено на ближайших соседях или на собственном регионе, - чтобы со временем в обществе сформировалось широкое понимание, какой курс должны проводить США в мире.

Кроме того, в Соединенных Штатах, как и в других странах, политические лидеры приходят и уходят, так что на внешнеполитические ориентиры могут сильно влиять результаты выборов - как президентских, так и в сенат и палату представителей. Но, пожалуй, ни в одной другой демократической стране избрание нового президента и смена администрации не означают столь массовой замены ведущих должностных лиц - как во внутренней, так и во внешней политике и в сфере национальной безопасности. Меняются, особенно когда президентский пост переходит от одной партии к другой, практически все высокопоставленные чиновники, до самых недр аппарата, так что проведение внешней политики внезапно переходит в руки людей, не обладающих непосредственным опытом в области тех проблем и тех вызовов, с которыми сталкивается страна. Часто, прежде чем новая команда полностью войдет в курс дела, проходит несколько месяцев, даже если избранный президент назначает своих новых сотрудников быстро, а не делает это лишь по прошествии многих недель или более продолжительного срока.

На таком фоне резонным выглядит вопрос, каким же образом Соединенные Штаты способны вырабатывать внешнюю и оборонную политику, вводить в действие средства для ее осуществления и обеспечивать ее политическую поддержку. На этот вопрос есть несколько ответов; один из важнейших - создание системы институтов, которые по своим масштабам и всепроникающему

стр. 103

характеру не имеют аналогов в других странах. Эти институты в американском политическом лексиконе называются "мозговыми трестами".

Этот термин появился всего несколько десятилетий назад, но идея создания институтов, специализирующихся как на изучении внешней политики, так и на обеспечении ее поддержки, имеет в XX в. длинную родословную. Например, в 1910 г. был создан Фонд международного мира Карнеги, задачей которого было отстаивать дело мира. Затем, соответственно в 1921 и 1922 г., в Нью-Йорке и Чикаго открылись советы по международным отношениям. Первый основали "бизнесмены, банкиры и юристы, решительно настроенные поддерживать участие Соединенных Штатов в мировых делах", второй - группа "неравнодушных чикагцев, объединенных общим интересом к международным делам и озабоченных невежеством и непродуманными предложениями по данному вопросу". Эти инициативы, призванные сплотить, просветить и

активизировать американские элиты, возникли как раз в тот момент, когда начиналась эпоха изоляционизма.

Однако бурный расцвет научно-исследовательских и политических институтов произошел в Соединенных Штатах лишь после второй мировой войны, когда стало ясно, что отныне США должны быть глубоко и постоянно вовлечены в события, происходящие за рубежом, и что им придется в большой степени осуществлять руководство при создании и обеспечении эффективной работы новых международных институтов - таких, как ООН, Всемирный банк, Международный валютный фонд и Генеральное соглашение по тарифам и торговле, а также при сплочении демократических государств с целью отражать растущий вызов со стороны Советского Союза и коммунизма. Впервые в своей истории Соединенные Штаты нуждались в детально разработанной, всеобъемлющей и понятной глобальной стратегии. На выручку пришли американские "мозговые тресты" - аналитические центры.

Пожалуй, первым таким институтом, созданным в послевоенный период, стала нынешняя Корпорация РЭНД. Она возникла благодаря желанию руководства только что образованных ВВС США разработать задачи и программы для своего рода войск. Чтобы создаваемый научно-исследовательский институт не отражал лишь бюрократическое мышление, его организовали как можно дальше от столицы - в г. Санта-Моника (штат Калифорния). Первым фирменным знаком института стали качественные и объективные исследования по национальной безопасности. С годами Пентагон создал еще несколько аналитических центров, занимающихся исключительно вопросами обороны (РЭНД впоследствии нашел других спонсоров, в правительстве и вне его, в самых различных кругах). К их числу относятся Институт оборонных исследований и Центр военно-морского анализа. У этих научно-исследовательских институтов есть аналоги в области точных наук, в том числе две лаборатории при Калифорнийском университете - Лос-Аламосская национальная лаборатория (первоначально созданная в 1942 г. для проектирования и изготовления первых атомных бомб) и Ливерморская национальная лаборатория Лоренса (организованная десять лет спустя, поначалу для создания водородного оружия).

стр. 104

При выработке и формировании внешней политики США важным фактором стало также создание множества других научно-исследовательских институтов по всей стране, - одни действуют в составе частных корпораций или профессиональных союзов, другие самостоятельно, третьи - при ведущих университетах от Калифорнийского университета в Лос-Аламосе и Стэнфордского университета на Западном побережье до Гарварда и Массачусетского технологического института на Восточном. Порой не без иронии говорят, что на каждую комбинацию слов "иностраный", "международный", "стратегический", "глобальный", "исследования", "политика", "центр", "институт" и "совет" найдется американский мозговой трест, в название которого она входит.

Эти разнообразные учреждения решают многие задачи - от исследования региональных проблем и такой прикладной тематики, как экономика и военные вопросы, до работы, специально направленной на обеспечение понимания и поддержки населением участия США в делах внешнего мира, а также конкретных идей и мероприятий. Есть Ассоциация содействия ООН, которая отвечает за то, чтобы люди лучше понимали деятельность этого института, а также Атлантический совет, Совет по развитию за рубежом, Ассоциация по контролю над вооружениями и многочисленные советы по международным делам, представляющие собой группы местных граждан по всей стране, интересующихся внешней политикой. Создано еще несколько специализированных аналитических центров - таких, как находящийся на бюджетном

финансировании Американский институт мира, который специализируется на исследовательской работе, и Национальный фонд демократии (НФД), работающий, главным образом, в других странах, где он содействует демократическому развитию. НФД имеет четыре ответвления. Два из них примкнули к Республиканской и Демократической партиям, один - к профсоюзам и один - к деловым кругам. Есть и множество других организаций, призванных продвигать те или иные идеи во внешней политике, нередко сочетающих научно-исследовательскую работу с общественным образованием и усилиями по оказанию влияния на позиции членов конгресса.

Многие годы аналитические центры, политически наиболее влиятельные при формировании внешней политики США, базируются в г. Вашингтон. Все они глубоко заинтересованы в исследовательской работе, большинство активно участвует в жизни общества. Сегодня выделяются несколько центров, в том числе Фонд Карнеги, РЭНД и нью-йоркский Совет по международным отношениям (последние две организации открыли свои представительства в Вашингтоне), Институт Брукинса, Центр стратегических и международных исследований, Институт американского предпринимательства (имеющий тесные связи с деловыми кругами), Институт политических исследований (известный своими либеральными взглядами) и фонд "Наследие" (известный своими консервативными взглядами).

Каждый из этих институтов и их компаньонов имеет собственную специализацию или нишу. Одни отождествляются с той или иной частью политического спектра, другие тщательно пытаются быть двухпартийными или просто внепартийными. Одни ориентируются на публикации и добиваются, чтобы деятельность их научных сотрудников освещалась в средствах массовой информации,

стр. 105

другие стремятся оказывать влияние на действующую администрацию. А кое-кто занимается всем сразу. Все заинтересованы в идеях и, с учетом природы внешней политики, в возможности прямо или косвенно воздействовать на власти. Все в той или иной мере выполняют образовательную функцию по отношению либо к широкой общественности, либо только к элитам - лидерам в различных профессиях, как в частном секторе, так и в государственном.

Особенно важны две черты американских аналитических центров по внешнеполитическим вопросам. Во-первых, многие из них озабочены объединением людей для обсуждения идей и политических альтернатив. Часто к таким обсуждениям привлекаются представители различных сфер - академических, деловых и правительственных кругов, причем как из администрации, так и из конгресса. Такие мероприятия предназначены не только для обмена информацией или разработки лучших идей. Они призваны также обеспечивать поддержку проводимой политики и даже решать еще более широкую задачу - по мере возможности добиваться консенсуса в том, какие вопросы представляют наибольшую важность, в чем основная разница в позициях и какому подходу должны следовать Соединенные Штаты. В этом смысле аналитический центр по иностранным делам представляет собой "секретное оружие".

Во-первых, он сводит вместе людей с разными взглядами и функциями в общем политическом процессе США - облеченных властью и тех, кто с ней не связан, представителей конгресса и администрации. Там, где такой конгломерат людей и политических идей оказывается работоспособным, он при выработке внешней политики Соединенных Штатов обеспечивает важный элемент - формирование двухпартийного подхода. Как смогли убедиться все администрации и все составы конгресса, именно в ситуации, когда удается добиться единого подхода обеих партий к той или иной

политике, внешняя политика имеет наилучшие шансы на успех - и у себя в стране (вобретении поддержки), и за рубежом (в осуществлении полномочий и обязательств стоящего за ней государства).

Во-вторых, аналитические центры по иностранным делам служат важным источником талантливых людей для работы в администрации и в аппарате конгресса. Они служат также прибежищем уходящих в отставку сотрудников правительства, которые хотят по-прежнему заниматься внешней политикой, черпать новые идеи и вдохновение, одновременно обогащая исследовательские проекты и симпозиумы аналитических центров опытом, приобретенным на государственной службе. Будучи практически уникальным явлением, присущим Соединенным Штатам, такой приток и отток официальных лиц, нередко меняющихся постами со своими коллегами из аналитических центров, представляет собой важнейший элемент внедрения во власть новых идей и играет существенную роль при получении от лидеров различных профессий, связанных с внешней политикой, поддержки по основным направлениям деятельности страны за рубежом.

Действительно, немногие люди вырастают до высших в правительстве США должностей в сфере внешней политики и национальной безопасности,

стр. 106

не пройдя предварительно через тот или иной аналитический центр в качестве сотрудников, авторов публикаций или просто участников исследовательских групп или иных совещаний. Например, нынешний государственный секретарь Мадлен Олбрайт возглавляла один из таких институтов - Центр национальной политики. В то же время о ценности этих аналитических центров с точки зрения более широких целей США свидетельствует тот факт, что почти все они освобождены от налогов - как на доход, образующийся в результате их деятельности, так и на пожертвования, получаемые ими от отдельных американцев или благотворительных организаций. Словом, правительство субсидирует "мозговые тресты".

Подведем итог. Возрастание той роли, которую американские аналитические центры играют во внешней политике и политике в области национальной безопасности, стало естественным следствием усилившейся за последние полвека вовлеченности Соединенных Штатов в международные дела. Аналитические центры помогают готовить американских руководителей, формировать будущую политику (выходящую за рамки вырабатываемой в данный момент внутри правительства, где люди со стороны могут играть лишь ограниченную роль), взаимодействовать с конгрессом, привлекать интересующихся политикой лидеров самых разнообразных профессий и просвещать американскую общественность. Аналитические центры поистине стали незаменимыми в формировании внешней политики и роли США во внешнем мире.

стр. 107

Заглавие статьи	АНАЛИТИКА НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВА
Автор(ы)	Александр Орлов
Источник	Международная жизнь , № 11, Ноябрь 2009, С. 133-136
Рубрика	<ul style="list-style-type: none"> • МИР ВОКРУГ НАС
Место издания	Москва, Россия
Объем	9.5 Kbytes
Количество слов	1066
Постоянный адрес статьи	http://dlib.eastview.com/browse/doc/21162296

АНАЛИТИКА НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВА

Автор: Александр Орлов

ИНСТИТУТ международных исследований (ИМИ) МГИМО (У) МИД России образован в мае 2009 года и является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур университета, ведущих свое начало от созданной в 1976 году, то есть 33 года назад, Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений. Появление ИМИ необходимо рассматривать в качестве важного события в поступательном развитии МГИМО (У), необходимого этапа на пути его превращения в признанный не только образовательный, но и научный центр мирового уровня.

Углубление синтеза науки, образования и практики является непреложным условием становления современного общества. Все основные университеты мира являются одновременно и крупнейшими исследовательскими центрами. В ведущих государствах планеты развиваются процессы активного и целенаправленного сочленения академического и экспертного знания, теоретического образования и приобретения практических навыков. Все эти направления отвечают традициям и основным направлениям стратегического развития МГИМО (У), который имеет все основания считаться одним из ведущих национальных исследовательских университетов по ключевым общественно-политическим дисциплинам.

Деятельность ИМИ призвана решать важные задачи по перспективному планированию внешней политики России, обеспечению более глубокой интеграции стратегического видения и реализации тактических и функциональных внешнеполитических приоритетов,

---

Александр Арсеньевич Орлов - директор Института международных исследований МГИМО (У) МИД России.

стр. 133

повышению интеллектуального потенциала управленческого процесса во внешней политике страны, выработке общих подходов к внешней политике со стороны различных государственных ведомств, а также представителей науки, государства, общества (НПО, НГО), ведущих политических партий и крупного бизнеса.

Для выполнения этих задач ИМИ на регулярной основе организует и проводит конференции, семинары, "круглые столы", публикует материалы научных и научно-практических исследований.

Особенностью Института международных исследований является прежде всего то, что это - ведущая аналитическая структура, работающая в интересах государства. Помимо МИД России - естественного потребителя научно-экспертной продукции ИМИ - к ней проявляют внимание, по сути дела, все государственные структуры, занимающиеся, каждая в рамках своей компетенции, вопросами формирования внешней политики России, включая и Администрацию Президента РФ, работа в интересах которой и ответственна, и почетна.

Уникальная роль ИМИ состоит в том, что данный институт не является узкопрофильным и своими исследованиями покрывает узловые вопросы современных международных отношений. В настоящее время ИМИ объединяет 11 научных центров, каждый из которых является признанной кузницей экспертных знаний в областях своих научных интересов. Целесообразно назвать те из них, которые, как говорится, на слуху. Это - Центр глобальных проблем, Центр евроатлантической безопасности, Центр кавказских исследований, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, Центр партнерства цивилизаций, Центр ближневосточных исследований. Набирает обороты Центр аналитического мониторинга, имеющий все основания, чтобы стать ядром системы ситуационного анализа международных отношений, работающей в непрерывном режиме.

Стратегия развития ИМИ предполагает создание в его рамках ряда новых уникальных центров, изучающих международные проблемы, которые в ближайшие годы будут иметь определяющий характер, в том числе в контексте национальных интересов России. Речь, в частности, идет о таких направлениях исследований, как стратегическая стабильность и безопасность, новые вызовы и угрозы, ООН и миротворчество; мировые экономические процессы, проблематика БРИК, международные экологические и климатические проблемы, вопросы фальсификации истории, информатика и информационная безопасность и т.д.

ИМИ призван стать одной из ведущих интеллектуальных площадок для выдвижения и развития новаторских научно-практических

стр. 134

ких идей в области международных отношений и внешней политики России. В современном мире инновативность внешней политики, ее способность генерировать новые нестандартные идеи, является мощным дополнительным ресурсом государства. Внешняя политика нашей страны традиционно отмечалась высокой инициативностью. Это позволяло нам идти в авангарде развития мировой политики, в значительной мере задавая его алгоритмы. Многие новые, нешаблонные предложения Москвы, даже отвергнутые на первом этапе другими крупными державами, начинали тем не менее жить самостоятельной жизнью в виде важных международных идей. В таком качестве они постепенно завоевывали мировое информационное пространство и меняли доминировавшие представления о горизонтах развития международных отношений. Такого рода функции долгосрочного изменения самой структуры международных взаимодействий прежде всего характерны для тех новых идей, которые глубоко и всесторонне проработаны научно-экспертным сообществом. При этом исключительно важно, чтобы новаторские научные идеи не были оторваны от практической базы, а опирались на нее. Мощный, но пока еще в полной мере не использованный ресурс нашей внешней политики заключается в более предметном и целенаправленном объединении усилий, образно говоря, теоретиков и практиков, тем более в тех случаях, когда их всех объединяет общий системообразующий стержень - МИД России.

Одной из форм такого взаимодействия, как представляется, могло бы быть создание

временных, целевых, компактных (10 - 12 человек) рабочих групп (команд) в составе как практических работников (в том числе и из других ведомств), так и ученых для подготовки аналитических прогностических документов по наиболее актуальным вопросам мировой политики, ориентированным на ближне-, средне- и долгосрочную перспективу в зависимости от сути задания. Подобный системный подход позволял бы прогнозировать возможную эволюцию международных отношений и давал возможность заблаговременно реагировать на возможные риски и угрозы для национальных интересов России.

Можно было бы помечтать и о более дерзкой идее - создании мощного аналитического центра на базе Департамента внешнеполитического планирования (ДВП) и ИМИ, который мог бы быть неким аналогом в современных условиях легендарного Управления по планированию внешнеполитических мероприятий (УПВМ), игравшего в советском МИД роль связующего звена подразделений министерства и генератора внешнеполитических инициатив.

стр. 135

Целенаправленное объединение мира науки и практики характерно для ведущих стран мира. В этом - суть современных тенденций развития, предполагающих создание условий для взаимопользования знаний и кадров в целях оптимального обслуживания государственных интересов. Для России подобная практика пока, скорее, исключение, чем обычное, естественное состояние. В этом смысле наша дипломатическая служба более консервативна, инерционна, кастова, чем, к примеру, ее западные аналоги, традиционно черпающие для себя ресурсы из сферы науки и даже бизнеса. Однако движение в этом направлении - объективная потребность, вытекающая из самой логики эволюции современного общества. Дальнейшее развитие МГИМО (У) как научно-образовательного центра мирового уровня требует организационной среды, в которой новые научные идеи и разработки превращаются в учебные курсы, а также трансформируют методы преподавания. В этом контексте ИМИ как центр интеграции науки и образовательного процесса имеет следующие задачи: 1) Определение наиболее перспективных направлений развития социальных наук и, соответственно, эволюции образовательного процесса в университете. 2) Концентрация усилий ведущих ученых и преподавателей МГИМО (У) на этих перспективных направлениях. 3) Ускорение синтеза науки с образовательным процессом.

Движение в этом направлении позволит выйти на внедрение в университете крупных междисциплинарных инновационных исследовательско-образовательных программ, призванных, с одной стороны, существенно продвинуть развитие ряда важнейших направлений науки, а с другой - способствовать подготовке в МГИМО (У) высококвалифицированных, конкурентоспособных, не только в масштабах нашего государства, но и на мировом уровне, специалистов, вносящих заметный вклад в процессы модернизации России. Цели ИМИ могут показаться амбициозными. Но, как учит жизнь, без постановки крупных задач можно долго топтаться на месте, даже не замечая этого. МГИМО (У) привык жить по другим законам, добиваясь достижения поставленных ориентиров. Тем более когда эти ориентиры полностью совпадают с вектором развития государства.

стр. 136

Заглавие статьи	ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ
Автор(ы)	М. В. Рац
Источник	ПОЛИС. Политические исследования , № 3, 2010, С. 132-143
Рубрика	<ul style="list-style-type: none"> С точки зрения политолога
Место издания	Москва, Россия
Объем	39.3 Kbytes
Количество слов	5020
Постоянный адрес статьи	http://dlib.eastview.com/browse/doc/21963943

ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Автор: М. В. Рац

Ключевые слова: методология, мыслительные конструкции, политическое, понятие политики, понятие управления.

При всей обширности литературы, посвященной связи политики с управлением, анализ этой связи на уровне понятий остается актуальной задачей. Вероятно, такое положение во многом объясняется непроясненностью самих понятий. Вопрос о понятии политики и политического спорен насквозь: от самой своей постановки до подходов к ответу, где позитивные идеи сталкиваются с трактовкой политики как "сущностно оспариваемого понятия". С понятием управления дело обстоит проще в том отношении, что здесь господствуют всего две (правда, несовместимые) концепции, да и вопрос этот для нас вспомогательный. Между тем вопрос о понятиях имеет далеко не только академическое значение. Апеллируя для начала к языку, который, как известно, умнее нас, можно заметить, что понятие - это то, что в отличие от "работы без понятия" позволяет сделать нашу работу осмысленной.

Я не буду углубляться в логико-философские рассуждения по поводу понятия о понятии и ограничусь указанием на три обстоятельства, необходимые для понимания всего дальнейшего.

Первое состоит в необходимости различать понятия и определения терминов (или вообще значения слов). Понятия относятся к миру мышления и деятельности, определения - к миру речи и языка. (Потому и говорится, что определение - "гробик для мысли".) Конечно, они не разделены китайской стеной и в простейших случаях могут даже формально совпадать, но к таким вещам, как политика, это явно не относится. Здесь есть хорошая аналогия с формулой и содержанием изобретения. В заявке на изобретение "формула" его дается одной фразой и нужна для того, чтобы не путаться во множестве сходных идей, чтобы можно было сразу и точно идентифицировать предмет заявки. Но можно ли по этой формуле реализовать заложенную в ней идею? Вопрос риторический: нет, конечно, иначе грош цена была бы работе изобретателя. Так чего же мы хотим: отделить политику (и политическое) от других сфер и предметов деятельности - экономики, культуры, устройства общества - или построить *понятие* политики?

С отделением политики от других сфер у нас, если и бывают трудности, то проблем все же нет; что же касается построения понятия, то я принадлежу к традиции, в рамках которой понятия - вопреки распространенному мнению - не определяются раз и навсегда, а конструируются и строятся сообразно существующей культурно-исторической ситуации [Щедровицкий 1958]. Это - *второе* из указываемых

обстоятельств. Как мыслительные конструкции понятия важны в особенности потому, что они лишь с одной стороны, обобщают наличный опыт (причем не столько речи, сколько мышления и дея-

---

РАЦ Марк Владимирович, доктор геолого-минералогических наук, профессор, консультант Института демократии и выборов (Тель-Авив). Для связи с автором: Ratzm@netvision.net.il

стр. 132

тельности), с другой же - "предполагают некоторую нормативность, своего рода проект будущего", причем в новейшее время роль этой нормативной составляющей заметно выросла [Колосов 2006: 17 - 18]. Из этого, в частности, следует, что работа с понятиями представляет особый жанр аналитики/конструирования, которым нам и придется воспользоваться далее.

Третье обстоятельство состоит в том, что в социогуманитарной сфере мы имеем дело с весьма специфическими объектами, отличающимися от природных. А именно: в данном случае наши понятия и представления о тех или иных объектах входят в структуру самих объектов [Щедровицкий 2005]. Изменение наших представлений об объекте влечет за собой перемены в самом объекте. Финансисты и политтехнологи чувствуют это, что называется, на собственной шкуре, но и для науки этот факт имеет важнейшее значение, к сожалению, далеко не всегда учитываемое.

При всей важности для меня изложенных общих соображений я далек от мысли игнорировать политологическую традицию, в рамках которой предлагается множество различных определений политики. Напротив, я думаю, что они содержат ценный опыт их авторов, которым непозволительно пренебрегать. То же касается и идеи "сущностной оспариваемое™" [Ледяев и др. 2003], в которой выражается важная и плодотворная фиксация тупика, подстерегающего мысль, на позитивистский манер ищущую универсальных, пригодных везде и всегда решений.

Итак, какие же цели я ставлю в данной статье? Их две. *Одна* состоит в конструировании такого понятия политики и политического, которое отвечало бы нынешней культурно-исторической ситуации и притом позволяло бы использовать опыт, накопленный политологической и политико-философской мыслью. *Другая цель* включает экспликацию связи политики и управления, и, кстати говоря, оказывается, что обе цели тесно между собою связаны. Имея в виду подобные цели, трудно предложить какие-либо формальные критерии успеха в их достижении: такого рода построения проверяются практикой, а первым делом - критическим обсуждением в профессиональной среде.

Замечу, что в данном случае есть еще одна специфическая трудность: достижение поставленных целей предполагает использование некоторых понятий и представлений, выработанных в течение 1950 - 1980-х годов Московским методологическим кружком - ММК (об ММК см. [Кузнецова 2004]). Поскольку они пока не вошли в культуру, а настоящий текст хотелось бы по возможности сделать логически замкнутым, я вынужден коротко остановиться на разработанном в ММК понятии управления [Щедровицкий 2000, 2003]. (Во избежание недоразумений подчеркну, что соответствующий фрагмент текста - отнюдь не эквивалент статьи из энциклопедии: речь идет о моей трактовке указанного понятия в данном контексте.)

К ПОНЯТИЮ УПРАВЛЕНИЯ

Строящееся далее в данной работе понятие политики тесно связывает политику с управлением. Но, к сожалению, наиболее распространенная пока в российском обществе трактовка управления имеет кибернетические, т.е. уже полувековой давности корни и относит его равным образом к системам различной природы: биологическим, техническим и социальным. Управление при

стр. 133

этом мыслится как функция системы, ответственная за сохранение ее структуры, поддержание режима функционирования и реализацию программы [Прохоров 2000; Новая... 2001].

Признаться, в стране, где уже много лет идут реформы, увязка управления с функцией "сохранения структуры" и "поддержания режима" вызывает недоумение. Тем более, что и сами менеджеры давно уже знают о том, что "управление не может быть пассивным и адаптивным - напротив, оно подразумевает активные действия, направленные на достижение требуемых результатов" [Друкер 2000: 25]. В связи с этим по меньшей мере возникает вопрос: какая "функция системы" - в отличие от управления - ответственна за *изменение* структуры системы и режима ее функционирования? На мой взгляд, самой постановки этого вопроса достаточно, чтобы отказаться от приведенной трактовки управления. Эта трактовка во всяком случае не исчерпывает вопроса: уже из опыта очевидно, что управление ответственно как за сохранение *status quo*, так и за изменения в системе. Самое замечательное, что если обратиться к толковым словарям русского языка, составители которых (в отличие от словарей энциклопедических) претендуют всего лишь на толкование значений слов, то там (причем, начиная со словаря Даля, т.е. с позапрошлого века!) мы найдем гораздо более простое и реалистичное толкование управления: управлять - значит править, давая ход, направление; заставлять идти правым, нужным путем.

Меня, надо сказать, в связи с политикой, естественно, интересует управление не в биологических и технических системах, а управление, которое реализуется в системах деятельности и само является не "функцией системы", а деятельностью особого типа. Стало быть, отправляясь от значения слова и от практики, управление надо мыслить как деятельность, связанную с выбором направления движения и ответственную за следование по нему и достижение поставленных целей. Будут ли при этом выбраны цели сохранения структуры системы и поддержания режима ее функционирования либо, напротив, перестройки и/или смены режима - зависит от интересов, установок, ценностей "лиц, принимающих решение", и от ситуации. Собственно, между двумя этими полюсами (поддержание *status quo* vs преобразования) и разворачивается управленческая деятельность. В первом случае управление сводится к *регулированию* (текущих процессов), обеспечивающему сохранение режима работы системы; во втором приходится говорить о (*реорганизации*, перестройке структуры системы, о реформах, инновациях, о смене одних процессов другими или, как минимум, о смене прежнего режима работы).

Таким образом, кибернетически-энциклопедическая трактовка управления, от которой я отталкиваюсь (в обоих смыслах: и отправляюсь, и в то же время ухожу), относится только к одному крайнему случаю - регулированию. Так же однобоко понимается в ней и программа работы: как ориентированная исключительно на поддержание существующего режима, в то время как в реальности она может равным образом быть и

программой реформ, которые, в свою очередь, могут быть направлены на достижение совершенно разных целей. (Все это не случайно, поскольку кибернетика развивалась в тесной связи с теорией автоматического регулирования, очень важной в технических приложениях, но для нас имеющей второстепенное значение.) Как

свидетельствует опыт, практически наиболее важен и характерен как раз обобщенный случай, когда мы вынуждены одновременно обеспечивать и определенный режим функционирования, и перестройку системы. При этом во всех случаях главной заботой управленца в его деятельности оказывается достижение целей, которые меняются и могут быть самыми разнообразными, - в отличие от "естественного" управления, как его трактует кибернетика, в котором цели отсутствуют или (что то же самое) раз и навсегда фиксированы в виде функции "сохранения структуры" и "поддержания режима".

Кроме того, кибернетическая интерпретация управления дает очень странный ответ на вопрос о том, в какой форме материализуется "функция" управления. Ответ состоит в том, что в системе выделяются две части ("подсистемы"): управляющая и управляемая, между которыми существуют прямая и обратная связи. Рассмотрим в связи с этим простейший пример - допустим, заводоуправление: морфологически оно может находиться на территории завода, но в функциональном отношении его деятельность, конечно, охватывает и объемлет все заводское производство и хозяйство в целом. Для понимания сути дела важно именно функциональное отношение, а где физически находится заводоуправление, на территории завода или совсем в другом месте - несущественно. Таким образом, вернее представлять не две рядомположенные подсистемы, а структуру "матрешки", где управляющая система как бы надстраивается над управляемой, рефлексивно объемлет и охватывает ее. Это тем более очевидно применительно к государству (а именно о государственном управлении чаще всего идет речь в связи с политикой).

Такая схематизация позволяет зафиксировать важнейшее и касающееся, как мы увидим, не только управления, но и политики обстоятельство: управление оказывается очень специфическим типом занятий, а именно - это особая *деятельность над деятельностью*. Например, упоминавшееся заводоуправление ответственно за множество разнообразных деятельностных процессов, протекающих на заводе, где оно должно обеспечивать производство и воспроизводство, функционирование и развитие и т.п. Здесь становится очевидной также тесная взаимосвязь управления с организацией: для того, чтобы заводом можно было управлять, все эти и другие разнообразные процессы должны быть тем или иным способом организованы и сорганизованы друг с другом. В противном случае система в целом будет неуправляемой. Реально организация выражается в выстраивании соответствующей организационной структуры и противостоит упоминавшемуся регулированию текущих в ней процессов. Так что по этому поводу можно повторить, что управление системой деятельности как раз и осуществляется на "растяжке" между организацией (структуры) и регулированием (процессов). Поддержание существующего режима обеспечивается, как уже упоминалось, посредством регулирования процессов, а его более или менее существенное изменение требует перестройки структуры.

Итак, в данной работе управление трактуется как деятельность, призванная реализовать представления о будущем управляемой системы (которые завтра станут ее настоящим). Причем как способы этих представлений, так и способы их реализации достаточно разнообразны: техника и технология, методы и средства управленческой деятельности, а

го разнообразные знания - представляют собой, как известно, предмет многочисленных специальных курсов.

Такое понимание управления кажется реальным и притом близким к политике. Более того, при этом напрашивается и соответствующее понимание политики - как ответственной за выработку тех самых представлений о будущем, которые призван претворять в жизнь управленец. Если иметь в виду не туманные идеалы и абстрактные теории, а более или менее реалистичные представления, сообразные текущей ситуации, то и сформулированное понимание политики кажется вполне правдоподобным.

КАК МЫСЛИТЬ ПОЛИТИКУ?

В нашем методологическом сообществе известна "старая", я бы сказал, классическая (пока только для нас) схема, предложенная Г. П. Щедровицким более четверти века назад. Политика представляется в ней как борьба организационно-управленческих систем, и можно сразу заметить, что такое представление было невозможным еще каких-то сто или даже пятьдесят лет назад. "...Что такое политика? Это когда две системы пытаются взаимно управлять друг другом, захватывают друг друга с претензией на управление, и обе не в состоянии это сделать, и между ними развертывается столкновение. И вот, когда наступает взаимное понимание, что каждая хочет управлять и каждая не может, они переходят к политической деятельности, и тогда начинается другая работа. Это следующий, более сложный (чем управление - *М. Р.*) тип действий" [Щедровицкий 2000: 116]. По-видимому, однако, широкое распространение такой фундаментальной идеи требует специальной работы и продолжительного времени. Прежде всего, ее следует соотносить и сопоставить с господствующими в культуре и в политической науке представлениями.

В разных словарях, учебниках и монографиях разными авторами даются разные определения понятия политики. В. П. Пугачев и А. И. Соловьев [Щугачев, Соловьев 2006] взяли на себя труд привести все это множество в некоторую систему. Сгруппировав различные определения, как минимум, в три типа, содержащие восемь групп, они затем констатируют, что рассмотренные трактовки политики "не исчерпывают всего многообразия ее определений, хотя и отражают важнейшие из них. Такое обилие научных характеристик объясняется прежде всего сложностью политики, богатством ее содержания, многообразием свойств и общественных функций" [Пугачев, Соловьев 2006: 16].

Если оставить пока в стороне методологическую схему политики, то мы можем выбирать ту или иную трактовку из целого ряда вроде бы взаимно дополнительных (по крайней мере, в интерпретации Пугачева и Соловьева). Я согласен с тем, что большинство из них выражают существенные черты политики, но нередко вместе с тем их трудно сочетать друг с другом. Например, если считать политикой борьбу за власть или борьбу различных социальных групп за свои интересы, то будет ли она одновременно "формой цивилизованного общения людей на основе права"? Или как эта последняя формула сочетается со знаменитой трактовкой политики К. Шмиттом (которая среди прочих тоже присутствует в книге Пугачева и Соловьева), видевшим в ней "сте-

---

пень интенсивности объединения или разъединения людей", сводимую к отношениям друзей и врагов? Очевидно, что *понятие* политики не может строиться на выделении таких характеристик, число коих заведомо бесконечно (таким образом можно лишь умножать число *определений*), а должно каким-то образом обобщать и включать их в себя. Следуя логике Пугачева и Соловьева, подобные определения приходится считать различными, более или менее важными характеристиками политики, та или иная из которых выходит на передний план в зависимости от деятельностной ситуации и опыта пользователя (т.е. автора соответствующего определения)¹.

Анализируя с учетом сказанного такие определения, можно заметить, что в большинстве своем они явно или неявно содержат упоминание о субъектах политики: государстве, негосударственных институтах, партиях, социальных группах, классах, людях, друзьях и врагах. В каждом конкретном случае субъекты имеют *общую сферу интересов*, при этом различаются - в интересующем нас отношении - своими часто несовместимыми представлениями о ее будущем и объединяются совместной деятельностью, направленной как раз на будущее, которое становится для них общим в силу общности сферы их интересов, будь то их город, страна или область профессиональных занятий. Таким образом, политика выступает как вынужденная коллективная деятельность, направленная на совмещение несовместимого: действительно, если бы политические субъекты могли реализовать свои планы независимо друг от друга, то они и не вступали бы в политические отношения.

Сказанное довольно *близко* к обобщающему определению Пугачева и Соловьева, трактующих политику как "деятельность социальных групп и индивидов по артикуляции... своих противоречивых... интересов, выработке обязательных для всего общества решений, осуществляемых с помощью государственной власти" [там же].

Но не менее важны и *отличия*, на которых я не буду специально останавливаться, а повторю лишь первое и важнейшее из них: я не считаю, что дефиниции задают понятия и тем самым завершают соответствующий этап работы мысли. Наоборот: это в лучшем случае первый шаг к понятию, *предпоятие*, уточнение предмета обсуждения - вещь полезная и часто необходимая, но пригодная для дальнейшей работы *мысли* в качестве материала для проблематизации, а не в качестве догмы, кочующей по словарям и учебникам (где без нее, действительно, нельзя обойтись). В последнем случае она и превращается, согласно упомянутому определению, в "гробик для мысли". Поэтому не будем *сворачивать* в дефиницию предложенную выше характеристику политики как вынужденной деятельности (надеюсь, что всего сказанного более чем достаточно для фиксации предмета обсуждения), а наоборот, попытаемся ее *развернуть*.

---

¹ Особенность реализуемого здесь метода работы состоит в том, что одно из представлений о политике необходимо "принять за основу" или, как говорят методологи, придать ей онтологический статус. В этом качестве я использую приведенную схему Щедровицкого, имея в виду, что она может и должна быть обогащена за счет тех "научных характеристик", которые содержатся в упоминавшихся многочисленных определениях политики. Насколько удачно такое решение, в первом приближении станет ясно по результирующей картине (что, между прочим, вовсе не исключает альтернативных вариантов выбора).

Начать здесь надо с того общеизвестного факта, что по-русски именем политики обозначаются как минимум две разные вещи. *Во-первых*, это сама *политическая*

событийность, политическая борьба, политические отношения и связи между субъектами политики (англ. *politics*); *во-вторых*, один из важнейших итогов и результатов такой жизни, борьбы и т.д. - вырабатываемая *политическая линия* наподобие, скажем, политики приватизации или национализации и одновременно реализующая эту линию *деятельность* (англ. *policy*). Ближайшее отношение к нашей теме имеют, кроме того, *сфера политики* (это - *в-третьих*) - в первом приближении, скажем, система институтов и организаций (национальных и/или международных), обеспечивающих производство и воспроизводство политической - в отличие от любой другой - деятельности, а также (и это, наконец, *в-четвертых*) *политический строй*, политический порядок, поддерживаемый в стране всей системой властных институтов, начиная с государства (англ. *polity*, русская калька: полития).

Понятно, что все поименованные сущности тесно взаимосвязаны и переплетены, но первая из них - собственно политическая *жизнь и событийность* - категориально отличается от последующих, которые представляют собой некоторые *организованности деятельности*, и которые мы будем рассматривать как образования, вторичные по отношению к политической жизни и событийности, отчужденные от нее. Наиболее интересна в этом отношении вторая сущность (*policy*), объединяющая воедино как результаты первой - итоговую политическую *линию*, так и *деятельность*, направленную на ее осуществление. Эта деятельность, взятая сама по себе, и есть, в сущности, управление, но имеющее заданные принятой линией ориентиры. В рамках реализуемого здесь подхода основной интерес для нас представляют две первые сущности, или ипостаси политики.

Легко видеть, что характеристика политики как вынужденной деятельности относится только к первой из выделенных четырех сущностей. Я думаю, что сказать нечто более или менее содержательное обо всех четырех вместе достаточно трудно, кроме разве того, что смысловым центром этого куста понятий является именно *политическая деятельность*. Отсюда, кстати, проистекают и нестыковки в определениях политики, некоторые из коих относятся к разным ипостасям политики, но приведенные выше различия часто не учитываются авторами определений.

Я подчеркиваю определяющее значение категоризации политики (точнее, ее центральной, ядерной "части") как деятельности, не осознаваемое многими из фактически применяющих такую категоризацию политологов, а некоторыми авторами и не признаваемое в этом качестве. Для нашей темы особенно важно, что она дает возможность использовать в политической философии и науке достижения ММК в области теории деятельности и деятельностного подхода, по большому счету лишь начинающие получать общественное признание и входить в российскую культуру. В частности, на этой категоризации основаны мои рассуждения здесь и теперь.

Принципиальное значение для нашей темы имеют представления о различных типах мышления и деятельности (в качестве одного из которых можно и нужно говорить о политическом мышлении и деятельности - вполне в духе идей М. Вебера о политике как призвании и профессии), до недавнего

времени не получивших должного развития. Если при этом вслед за М. Бахтиным выделять три основных поля человеческой активности: познавательное, художественное и практическое (я бы сказал, практически-преобразовательное), то политика, несомненно, принадлежит к последнему. Группирующиеся в этом третьем поле типы

мышления и деятельности ориентированы прежде всего на изменение сложившегося положения дел и хода вещей и различаются между собой как собственными характеристиками (специфическими ценностями, подходами, методами и средствами деятельности), так и особенностями преобразуемых объектов. Политика - наряду с управлением и предпринимательством - занимает в этом ряду особое место: это, как уже говорилось, *деятельность над деятельностью*, имеющая дело с другими, "подведомственными" ей деятельностями и призванная менять именно их, а не косный материал (с которым, например, имеет дело промышленное производство).

В качестве второго (после *деятельности*) ключевого слова и важнейшего момента в характеристике политики я говорил бы о *будущем* (времени), имеющем определяющее значение для любых деятельностных представлений. В сознании современного культурного человека "будущее" мифологизировано. В подавляющем большинстве случаев под будущим подразумевается не что иное, как экстраполируемое (т.е. дпящееся) прошлое, а прогнозирование превратилось в своего рода идеологию, при плохо организованной рефлексии напрочь забивающую альтернативный, проектный подход. Возникла даже странная "наука о будущем" - футурология. Но дело в том, что будущее само по себе - пустое место, и только мы можем так или иначе, в том числе посредством политики, заполнять его. (Так что футурология изучает не будущее, а всего-навсего наши собственные - пусть отчужденные и объективированные - прогнозные и проектные представления о нем.) Эту тему необходимо обсуждать специально, а здесь я только обозначаю ее для полноты и ясности общей картины.

Пока что сказанное о деятельности и ее структуре имеет очень общий характер. Теперь я перехожу к моментам (атрибутам), специфическим именно для политики, но постараюсь сосредоточиться на тех из них, которые связаны с предлагаемой ее трактовкой и определяются местом и функциями политики в универсуме мышления и деятельности или, вспоминая Маркса, в системе общественного разделения труда. Важнейший из них - это многосубъектность и конкурентность. Действительно, политические отношения и политическая деятельность возникают тогда и только тогда, когда происходит столкновение интересов разных субъектов по поводу уже упоминавшейся *общей* для них *сферы интересов*. Понятно, что при отсутствии такой сферы и/или столкновения интересов никакой политики не будет. За "интересами" в данном случае скрываются принадлежащие каждому из сталкивающихся субъектов представления о будущем объединяющей их сферы, связанные с этим замыслы и проекты. Невозможность их реализации без согласования с другими заинтересованными сторонами как раз и вынуждает действующих субъектов вступать в политические отношения друг с другом.

Большое значение имеют два вытекающих из сказанного условия возникновения политических отношений и политической деятельности. Я

имею в виду *сохранение целостности сферы общих интересов* и *неуничтожимость противника*. Действительно, если сфера интересов (в простейшем случае, скажем, территория или рынки сбыта) может быть так или иначе поделена между заинтересованными сторонами, у потенциальных политиков пропадает необходимость в коммуникации и согласовании своих действий: в границах своих наделов они могут работать как обычные управленцы. Точно так же, если конкуренты и противники (в данном случае, скорее, враги) могут быть уничтожены в этом качестве, оставшийся победитель волен реализовывать собственные планы на будущее теперь уже только

своей сферы интересов: необходимость в политике опять-таки исчезает.

Вместе с тем стремление к победе над противником и к реализации собственных интересов и планов обычно порождает в политической деятельности обходные маневры, обманные движения и т.п., напоминающие о военном искусстве. Политика обретает характер игры, правила которой, по идее, определяются правом. В такой ситуации первостепенное значение имеет рефлексия участников, т.е. их способность осознавать и критически оценивать происходящее, в том числе (и прежде всего) собственные действия вместе с обеспечивающими их методами и средствами. Я бы даже рискнул сказать, что в политике (как и в бизнесе, о чем специально писал Дж. Сорос) побеждает не тот, кто сильнее (крупнее, богаче), а тот, у кого выше ранг и лучше организация рефлексии. Такой актер имеет шанс *стать* сильнее даже при полном отсутствии "объективных условий": за счет субъективных способностей. Тем самым, между прочим, проблематизируется понятие силы в политике: как минимум, приходится различать "физическую", военно-полицейскую и интеллектуальную силы, что особенно актуально в острых конфликтных ситуациях и дискуссиях по поводу "сильного" государства [Рац 2001].

К сему имеет непосредственное отношение еще один пункт, касающийся известной парной пары: *быть* и *казаться*. Дело в том, что в приложении к политике эта пара приобретает совершенно специфический смысл и значение вплоть до того, что кажимость может стать более реальной, чем бытие. С этим эффектом связаны, между прочим, политтехнологии, играющие огромную роль в политической жизни современного мира, а в России за последнее время ставшие определяющим эту жизнь фактором.

Одно дело - осуществлять некую политическую практику, т.е. в борьбе с представителями других позиций добиваться реализации своих ценностей, идеалов и интересов; совсем другое - пропагандировать, прикрывать или оправдывать ("пиарить") эту политику при том, что фактически она может вовсе не осуществляться или осуществляться лишь частично, либо "для галочки" ("в пределе", как сказали бы математики, ее может и вовсе не быть). В политике такой "пиар" часто оказывается не менее важным, чем реальное дело, а бывает (особенно в период предвыборных кампаний), что и подменяет его. Здесь нет нужды распространяться на эту тему: о ней написано более чем достаточно. Нужно лишь подчеркнуть, что в других сферах деятельности и приложениях (вне политики) указанная подмена не без оснований получила заведомо негативную коннотацию и окраску, как, скажем, широко распространенное в советские времена производство фиктивно-демонстративных продуктов (ФДП), фактически непригодных к употреблению. В политике дело

стр. 140

обстоит иначе, и вроде бы очевидный "обман избирателей" может оказаться кажущимся, при том, что подлинным обманом станет в итоге бесхитростно честная игра "в лоб", которая при самых благих намерениях нередко приводит к проигрышу. Здесь открыто поле для рафинированных рефлексивных игр и так наз. рефлексивного управления. (В сущности, об этом уже шла речь в связи с вопросом о силе в политике.)

Сказанное выступает основанием для известной квалификации политики как "грязного дела", которая представляется бессодержательной. Дело в том, что применительно к политике охарактеризованные особенности являются конститутивными и хорошо известны всем заинтересованным лицам: это у нее, что называется, на лбу написано.

Вместе с тем в других сферах деятельности, например в торговле, те же методы часто используются тихой сапой там и тогда, где и когда делать этого отнюдь не следует. Можно по этому поводу сколько угодно морализировать, но изменить здесь что-либо пока никому не удавалось. Что же касается политики, то вышеуказанная ее квалификация совершенно бесполезна. Вместо нее лучше вспомнить не только мудрые, но и технологичные слова Д. Юма: "... при продумывании любой системы правления и определении конституционных сдержек и форм контроля в каждом человеке нужно предполагать мошенника, не имеющего в своих действиях никакой цели помимо частного интереса" (цит. по [Капустин 2004: 8]).

Для ясности можно еще добавить, что политические отношения отличаются от конкуренции в хозяйственно-экономической деятельности прежде всего природой интересов. Во втором случае это интересы в конечном счете финансовые, в первом же они могут быть любыми: от тех же финансовых до ценностно-идеологических. (Именно в этом смысле К. Шмитт заявляет об отсутствии у политики собственного предмета.) Естественно, что при таком раскладе хозяйственно-экономические и политические отношения сплетаются в один клубок, в котором бывает непросто разделить эти составляющие.

Подводя промежуточные итоги сказанному о политической деятельности, следует заметить, что в ней обязательно присутствуют два вектора. Один - преобразовательный, или *управленческий*, - изначально направляется каждым субъектом на общую сферу интересов; второй же - преимущественно *коммуникативный*, связывающий субъектов друг с другом, заставляющий их в итоге пересматривать и согласовывать свои планы и действия по первому направлению. Результирующие действия по первому направлению как раз и задают ту *политическую линию*, каковая упоминалась выше среди прочих ипостасей политики. Деятельность, связанная со вторым направлением, репрезентируется дипломатией, хотя и не сводится к ней целиком.

Оба названных вектора обозначают не просто какие-то "подсистемы" политической деятельности (хотя в рамках обсуждения политики такое представление вполне законно и необходимо), но фундаментальные организованности мира мышления и деятельности. По поводу коммуникативного вектора мне придется ограничиться ссылкой на собственную работу, где эта тема обсуждалась специально, в том числе и применительно к политике [Рац 2004]. Что касается управления, то, надеюсь, сказанного в начале достаточно для понимания этой стороны дела. На основе указанного представления об управлении дается та схема политической деятельности (как борьбы управленче-

---

ских систем), с которой я начинал. Вместе с тем - и это особенно важно с практической точки зрения, - политическая борьба завершается победой одной из сторон либо выработкой новой политической линии (устраивающей всех участников конфликта), которая реализуется уже средствами управления (или инженерии, если речь идет о технической политике). Потом, правда, все начинается сначала: либо активизируются побежденные противники принятой политической линии, либо появляются новые...

Заканчивая беглую характеристику политики, надеюсь, что задал основные контуры соответствующего понятия. Оно, как и было задумано, основывается на схеме Г. П. Щедровицкого, но обогащает ее. Читатель может теперь при желании соотнести сказанное с бесчисленными определениями политики. Подавляющее большинство

характеристик, фигурирующих в этих определениях, легко впишутся в нашу картину. Вот для ясности ее итоговая логическая схема.

Политика объединяет четыре разные сущности: это (1) политическая борьба, (2) результирующая ее политическая линия вместе с реализующей ее деятельностью, а также (3) сфера политики и (4) политический строй. Политическая борьба осуществляется рядом конкурирующих позиций, каждая из которых отстаивает собственные представления о будущем общей для всех них сферы интересов. Активность каждой позиции канализируется в двух направлениях: это преобразовательные (управленческие) усилия, направленные на сферу интересов, и коммуникативный вектор, ориентированный на конкурентов. За представлениями о будущем выстраивается целая иерархия приоритетов, каждый из которых может стать предметом политической борьбы, начиная с базовых ценностных ориентации, интересов и стратегических целей, включая средства их достижения (власть, ресурсы) и кончая особенностями ситуативного самоопределения и целеполагания. Именно предметы, вокруг которых и за которые разворачивается политическая борьба, лежат в основе большинства определений политики как борьбы за разного рода "светлое будущее", за власть, за ресурсы, за выход к морю и т.д., и т.п.

В частности, предлагаемая трактовка политики может рассматриваться как развитие и обобщение наиболее распространенной пока трактовки политики как борьбы за власть, что предполагает, конечно, специальный анализ соотношения управления и власти (об этом см. [Рац 2006]). В данном случае власть выступает как средство управленческой деятельности. Естественно, что до тех пор, пока не сформировалось понятие управления, борьба за овладение таким мощным средством, как власть, казалась определяющей для политики в целом.

Важно и то, что в предлагаемую схему естественно вписывается философско-антропологическая и даже эмоциональная интерпретация политики, наиболее ярко охарактеризованная Х. Арендт в статье о Вольдемаре Гуриане. "Политика была для него полем битвы не тел, а душ и идей - единственной сферой, где идеи могли принять форму и образ, чтобы сразиться, а, сражаясь, проявиться как истинная реальность человеческого удела и сокровеннейшие руководители человеческого сердца. Так понятая политика была для него своего рода осуществлением философии или, говоря точнее, сферой, где плоть материальных условий человеческого сосуществования пожирается страстью идей" [Арендт 2003: 297].

Заметим, наконец, что политика - очень живая и лабильная система, представление о которой в каждом конкретном случае меняется в зависимости от ситуации, избранной точки зрения, личного опыта и организации рефлексии участника/наблюдателя. Отсюда множество разнокалиберных определений понятия политики, отсюда же и тупиковость самого хода на универсальное "определение" понятий такого рода.

Все сказанное о политике, прежде всего как мышлении и деятельности особого типа, может и должно быть развернуто, дополнено, а при необходимости скорректировано, но в принципе введенные представления позволяют по-новому структурировать онтологическую картину политики и политического. Это важно для политической науки, но для самой политики куда важнее то влияние, которое может оказать эта картина на политическую практику. Наиболее наглядно подобные перспективы проявляются при обращении к вопросу о типах политики. Но это тема отдельного

разговора.

- Арендт Х. 2003. *Люди в темные времена*. М.
- Друкер П. Ф. 2000. *Практика менеджмента*. М., СПб., Киев.
- Капустин Б. Г. 2004. *Моральный выбор в политике*. М.
- Колосов Н. Е. 2006. История понятий вчера и сегодня. - *Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XX вв.* СПб.: Алетейя.
- Кузнецова Н. И. (ред.) 2004. *Познающее мышление и социальное действие*. М.
- Ледяев В. Г. 2003. О сущностной оспариваемости политических понятий. - *Полис*, N 2. *Новая философская энциклопедия*. 2001. М.
- Прохоров А. М. (ред.) 2000. *Большой энциклопедический словарь*. СПб.
- Пугачев В. П., Соловьев А. И. 2006. *Введение в политологию*. М. (Изд. 4-е, переработанное и дополненное).
- Рац М. В. 2001. "Российский проект в глобальном контексте": идеология развития и ее задействование в политике. - *Полис*, N 6.
- Рац М. В. 2004. Диалог в современном мире. - *Вопросы философии*, N 10.
- Рац М. В. 2006. Управление и власть: искусственное и естественное. - *Кентавр*, N 38.
- Розеншток-Хюсси О. 1994. *Речь и действительность*. М.
- Щедровицкий Г. П. 1958. О некоторых моментах в истории развития понятий. - *Вопросы философии*, N 6 (перепечатано в сб.: Щедровицкий Г. П. *Избранные труды*. М. 1995).
- Щедровицкий Г. П. 2000. *Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология*. М.
- Щедровицкий Г. П. 2003. *Методология и философия оргуправленческой деятельности*. М.
- Щедровицкий Г. П. 2005. Связь искусственного и естественного как основной принцип исследования интеллектуальной деятельности. - Щедровицкий Г. П. *Мышление. Понимание. Рефлексия*. М.

стр. 143

постоянный адрес статьи: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/21963943>

©2012 [East View Information Services, Inc](#) | [Условия использования](#)

Заглавие статьи	Антикризисное управление интеллектуальным капиталом
Автор(ы)	П. В. УШАНОВ
Источник	ЭКО. Всероссийский экономический журнал , № 4, Апрель 2009, С. 123-133
Рубрика	<ul style="list-style-type: none"> • Управление
Место издания	Новосибирск, Россия
Объем	23.2 Kbytes
Количество слов	2808
Постоянный адрес статьи	http://dlib.eastview.com/browse/doc/19833421

Антикризисное управление интеллектуальным капиталом

Автор: П. В. УШАНОВ

П. В. УШАНОВ, кандидат экономических наук, начальник управления Банка России, Финансовая академия при правительстве РФ, Москва

E-mail: ushanov@list.ru

В поисках эффективных моделей управления предприятия все чаще обращаются к опыту бурно растущих компаний Юго-Восточной Азии, в частности, к системе "кайдзен". Но ее успешное внедрение требует иного мировоззрения, нового отношения к труду и его результатам.

Антикризисное управление динамическими стереотипами поведения

Антикризисное управление опирается на модель "предприятие - живой организм" и предполагает новую методологию, неразрывно связанную с концепцией интеллектуального капитала, HR-менеджмента¹, теорией организационного поведения и прикладной психологией.

С нашей точки зрения, в рамках антикризисного управления интеллектуальным капиталом основное внимание необходимо уделять динамическим стереотипам поведения, которые были открыты в начале XX века великим русским физиологом, лауреатом Нобелевской премии И. П. Павловым.

Под динамическими стереотипами И. П. Павлов понимал систему наработанных у любого человека алгоритмов поведения, привычек. Они очень устойчивы и часто возникают как "побочные продукты". Сама естественная потребность, для

---

¹ Концепция HR-менеджмента (human resource - "управление человеческими ресурсами") возникла в 1970-х годах и связана, в первую очередь, с именами таких ученых, как А. Маслоу, Ф. Герцберг, Д. Макгрегор и др.

удовлетворения которой изначально возникает тот или иной динамический стереотип, может отмереть или измениться. Однако стереотип поведения, порожденный когда-то этой отжившей свой век потребностью, превращается в самостоятельную потребность,

без удовлетворения которой человек далее уже не мыслит своего существования.

В дальнейшем по этому же принципу нарабатываются все новые и новые динамические стереотипы. Все это формирует мощную, очень консервативную систему, которая обладает собственным мультипликативным эффектом.

Выделяются несколько групп стереотипов поведения. Первая заложена в гены человека предыдущими поколениями. Вторая возникла в ходе воспитания семьей, окружением в детском саду, школе, институте, спортивных секциях, клубах по интересам, восприятия опыта коллег при выполнении работы и т.д. Таким образом, она построена на восприятии чужого опыта, подражании чужому поведению. Третья группа сложилась как личный опыт в процессе жизни.

Большинство отмечаемых процессов и реакций на эти процессы со стороны стереотипов поведения протекают практически неосознанно (бессознательно, как указывал З. Фрейд) для мозга человека. Однако если по каким-либо причинам людям приходится отклоняться от привычных схем поведения, они ощущают дискомфорт, на душе становится "нехорошо".

Можно сказать, что система наработанных динамических стереотипов как бы проводит своеобразный мониторинг любых процессов, протекающих в организме. Одним она тут же дает "зеленый свет", другие, напротив, гасит, усиливая за их счет иной доминирующий в организме процесс и отражающую его группу стереотипов поведения, а некоторые вообще полностью блокирует. Стремясь избежать дискомфорта, человек старается совершать поступки привычным образом.

Системы стереотипов поведения "прошивают" живой организм насквозь, определяя любые его процессы как на микро-, так и макроуровне в био- и социальной среде. Они пронизывают психику и физиологию любого человека, увязывая его вкусы и желания всевозможными взаимными обязательствами и нормами поведения.

стр. 124

Как следствие, в значительном большинстве случаев поведение современного человека определяется не естественными потребностями его существования (т.е. не тем, что действительно могло бы доставить удовольствие слуху, обонянию, вкусу, осязанию или зрению), а тем, что по каким-то неведомым даже для него, на первый взгляд, причинам стало "привычно", а также "популярно", "правильно", "полезно", "модно" или "нужно", с точки зрения мнения общества, к которому этот человек себя причисляет. Конечно, все это упрощает быт, снимает многие трудности, но современный человек, не замечая этого, словно трамвай, начинает двигаться по каким-то не до конца понятным ему "рельсам", которые в принципе могут быть вредны или чужды его физиологии и психике.

Любые стереотипы поведения есть продукт вчерашнего дня, а жизнь - это живое, новое, а значит, изменчивое. Получается, что это новое очень жестко втискивается в прокрустово ложе схем, наработанных человеком в прошлом; рано или поздно наступают сбои в делах. Понять, почему это происходит, человеку бывает очень сложно. Ему кажется, что он все делает "правильно", "как все". Однако когда намеченное не реализуется, это порождает дискомфорт, уныние и агрессию по отношению к окружающим людям.

Налицо серьезная предпосылка для кризиса личности, о котором в последнее время

много говорят социологи и психологи. Отметим в этой связи, что изменения качества производительных сил - важный фактор, который необходимо учитывать в исследовании любых кризисов, в том числе кризисов общественного производства. Когда подобные проблемы охватывают те или иные социальные группы, общество сталкивается с митингами, забастовками и революционными выступлениями масс.

Сложившаяся система динамических стереотипов поведения оказывает непосредственное влияние на общественное производство. Учредители предприятия или банка, а также топ-менеджеры, которым доверено организовать какое-либо государственное или общественное дело, могут воспользоваться только своим накопленным жизненным опытом. Через эту призму они оценивают окружающий мир, в том числе своих клиентов, конкурентов, служащих, деловые и производственные связи и т.д.

стр. 125

Следовательно, стереотипы поведения, которые сложились у топ-менеджеров "вчера", будут тем жестким фундаментом, на котором будут сформированы "правила" для управления. По этим "правилам" новый бизнес или государственная/общественная структура (программа) должны будут развиваться "сегодня" и "завтра". Эта система "определяющих" стереотипов управления постоянно подкрепляется нижестоящими менеджерами.

Нижестоящие менеджеры на заданной учредителями платформе из определяющих стереотипов поведения создают документооборот, регламент, корпоративную этику, связи с партнерами и учредителями, клиентами, поставщиками и подрядчиками, технологические цепочки и пр. В конечном итоге ими формируется система "укрепляющих" стереотипов поведения.

Таким образом, все люди, задействованные в общественном производстве, на основе своего вчерашнего опыта формируют очень консервативную систему, определяющую "формулу успеха" предприятия, государственного учреждения или государства в целом. Элементами системы являются корпоративные культуры, всевозможные бизнес-процессы и технологии.

Следует отметить, что потенциальные способности и навыки человека интегрировать свои знания, компетенции и опыт в соответствующее производственное поведение, а также производственный ресурс, вытекающий из связей и взаимоотношений между сотрудниками внутри предприятия, сотрудников предприятия с клиентами и партнерами, организационная структура предприятия, все его технологии управления и производства и т. д., по своей сути являются динамическими стереотипами. Они образуют "формулу успеха" объекта антикризисного управления. В свою очередь, "формула успеха", участвуя в производстве новой стоимости, получает свою рыночную оценку и воспринимается обществом в качестве интеллектуального капитала.

На определенном этапе интеллектуальный капитал нового предприятия или банка может хорошо работать и приносит прибыль до тех пор, пока рынок относительно стабилен. Например, все ритейловые сети, будь то банки, торговые предприятия и базы и т.д., ориентированы на "формулу успеха",

стр. 126

маркетинговая политика которой опирается на динамические стереотипы поведения - привычку людей покупать товар или получать услугу в известном им предприятии, если его качеством они довольны или к нему привыкли.

При изменениях рынка должна была бы корректироваться стратегия предприятия, отрасли, народного хозяйства в целом, их "формулы успеха", проводиться реструктуризация интеллектуального капитала. Однако динамические стереотипы трудно изменяются и преодолеваются новыми раздражителями. Поэтому даже качественные изменения на рынке многими его участниками в самый ответственный момент воспринимаются как временные неудачи. Так, часто можно столкнуться с компаниями или государствами, которые с завидным упорством продолжают навязывать свою стратегию ("формулу успеха") рынку и обществу даже тогда, когда это приносит всем участникам, в том числе и им самим, очевидный вред. Наглядный тому пример - политика США, которые пытаются навязать свои представления о демократии многим народам.

В новой экономической истории России немало подобных примеров. "Мосбизнесбанк" и "Промстройбанк", возникшие на базе мощных спецбанков СССР, унаследовали их стратегию эпохи застоя и перестройки. Результат был предсказуем - против них были возбуждены процедуры банкротства, когда в стране стала складываться рыночная экономика. Та же участь постигла ряд финансовых групп, которые процветали в 1990-е годы, но не смогли адаптировать свои "формулы успеха" к политическим и экономическим реалиям нового столетия.

Рано или поздно факт существенных изменений рынка становится очевидным через снижение прибыли, спроса на продукцию, политические проблемы и т.д. Все управленцы видят эти изменения. Менеджеры активно обсуждают навалившиеся проблемы на перекурах, планерках или за чашечкой кофе. В конечном итоге они будут рассуждать о предпосылках кризиса, который они предвидели, но не могли преодолеть, так как им "мешали обстоятельства". Однако все это они будут говорить тогда, когда злополучный кризис разразится.

В этой связи необходимо следующее существенное замечание. Менеджерам принять эффективные управленческие

решения во время кризиса, действительно, мешают "обстоятельства". В реальной жизни в преддверии кризиса большинство управленцев будет действовать по тем программам управленческих стереотипов, которыми они насквозь "прошиты" в рамках существующего бизнеса. Это - так называемая "активная инертность поведения", которая подталкивает предприятия к кризису.

Следует отметить, такие предприятия и банки сравнительно долго "коптят небо", получают кредиты и выдают векселя. Учитывая прежний опыт, сложившиеся в корпоративной и банковской среде стереотипы поведения (в том числе личные связи и взаимные политические, финансовые и личные обязательства руководителей, учредителей, клиентов и т.д.), их достаточно долго могут продолжать по инерции считать успешными. Сложившиеся денежно-кредитные обязательства создают дополнительную сеть, которая достаточно долго может поддерживать "на плаву" все эти неэффективно работающие предприятия и банки.

Динамические стереотипы поведения оказывают влияние на процесс непосредственного производства. Если какая-либо технологическая цепочка была один раз отлажена, люди, работающие на этом производстве, так к ней привыкают, что им бывает проще отказаться от нового оборудования, чем от устоявшихся годами технологий и бизнес-процессов.

Часто дело доходит до абсурда. На предприятии или в банке могут кардинально заменить оборудование, что потребует и новых взаимоотношений между людьми. Однако старые производственные схемы остаются, тормозя работу всего производства. Никто уже не помнит, когда и зачем эти технологические операции возникли. Кажется, они всегда были и всегда будут. При этом никто не замечает, что с некоторых пор они наносят колоссальный вред самому производству, зачастую порождая кризис. Это - один из факторов слабой эффективности очень важной программы реинжиниринга любой корпорации.

Для того чтобы заработало антикризисное управление (как качественно новый метод управления), оно должно содержать специфический инструментарий, обеспечивающий самоадаптивность объекта управления к переменам. Система антикри-

стр. 128

зисного управления должна осуществлять непрерывный мониторинг системы динамических стереотипов, своевременно купируя деструктивные и продуцируя новые элементы для обеспечения заданных этапов развития предприятия. В конечном итоге все это позволит управлять интеллектуальным капиталом, а значит, и всем "предприятием - живым организмом" на качественно новом уровне.

Японская система "кайдзен" как современная модель управления

Кризисные явления в экономике предприятий порождают поиски эффективных моделей управления. В этой связи понятен интерес к чудесам экономического роста, которые демонстрируют страны Юго-Восточной Азии и, в частности, к японской модели управления "кайдзен", успешно используемой японскими, а также корейскими и китайскими предприятиями и банками.

Стратегия "кайдзен" (иногда ошибочно "кайзен") переводится на русский язык в большинстве работ как "непрерывное совершенствование" и сформирована на десяти ключевых принципах:

- 1) ориентируйтесь на клиентов;
- 2) вносите постоянные усовершенствования;
- 3) открыто признавайте проблемы;
- 4) содействуйте открытости;
- 5) сформируйте рабочие группы;
- 6) управляйте проектами на межфункциональной основе;
- 7) стимулируйте процессы взаимной поддержки;

8) развивайте самодисциплину;

9) информируйте каждого работника;

10) создавайте условия каждому работнику, или в другой редакции - делегируйте полномочия каждому сотруднику.

Далее в этих работах, как правило, подробно описывается опыт кружков качества, а также таких особенностей управления, как пожизненный найм, коллективная ответственность, согласование решений и управление "снизу вверх".

Движущим мотивом, который понуждает многие компании пытаться следовать "кайдзен", служат успехи компании Toyota,

стр. 129

а также кажущаяся простота проводимых в рамках ее стратегии мероприятий. Описание успехов стратегии "кайдзен" порождает в душах некоторых менеджеров, прежде всего, кризисных предприятий, затаенную надежду на близкое, но непонятное чудо.

Но, изучая перспективы внедрения "кайдзен" в мировую систему управления предприятиями и банками, необходимо качественно осмысливать характерные различия динамических стереотипов поведения менеджмента Запада (США, Европа, Россия) и Востока (прежде всего, Юго-Восточной Азии), различия в их философских и религиозных взглядах. Так, большинство авторов, которые пишут о Японии, единодушно признают факт исключительного влияния дзен-буддизма на становление японской культуры, национального характера и экономику страны.

В Китае, Корее, Японии и ряде других стран, которые сейчас являют миру чудеса экономического роста, тысячелетиями исповедуют дзен-буддизм. Его особенность как мировоззрения, прежде всего, заключается в том, что в этой религии нет Бога в том смысле, как его понимают на Западе. Это - атеистическая религия. Соответствующая религиозная культура органично впитана с рождения, определяющим началом для всего окружающего материального мира является собственное сознание.

Данный постулат носит не теоретический, как у западных ученых - сторонников теории психологии сознания конца XIX - начала XX века, а прикладной характер. Если мы спросим, например, последователя дзен-буддизма: "Если ВСЁ - в твоём СОЗНАНИИ, тогда кто сотворил мир?", он укажет на себя пальцем и скажет: "Я - ТВОРЕЦ ВСЕГО!". На нашу реплику "А как же Бог?" - мы, скорее всего, получим ответ, который можно понять так, что это важная/существенная часть его сознания.

В соответствии с излагаемым мировоззрением для достижения гармонии со/во Вселенной, т.е. в конечном итоге с самим собой, последователь дзен-буддизма не должен направлять свои усилия на изменение окружающего мира "под себя", свое эго. Напротив, надо изыскивать внутренние резервы в сознании и в своем теле, адаптируя их к требованиям внешнего мира. В принципе такое мировоззрение становится понятно: если "я" и "мир" - одно и то же, как можно этот мир ломать? Понятно, себя не ломают, - это больно. Основная

стр. 130

масса людей стран буддистского Востока впитала в свое сознание именно это духовное начало.

Диаметрально противоположное мировоззрение у большинства граждан США, Европы и России. Люди с "западным" менталитетом пытаются преобразовать согласно своим интеллектуальным представлениям и личным амбициям все то, что их окружает. Если появляется возможность - меняют ландшафт и климат Земли, государственное устройство, прежде всего, стран, в которых проживают другие люди. Однако менее всего "западный" человек склонен к изменениям своего внутреннего мира. С одной стороны, в душе все люди считают себя совершенными. С другой - подсознательно "западный" человек опасается, что чрезмерные внешние воздействия могут травмировать душу, причинив серьезный дискомфорт его личности.

Данное мировоззрение наглядно просматривается в пособиях по управлению и мемуарах менеджеров Запада, прежде всего США. В этих книгах в конечном итоге обязательно пойдет речь о том, сколько сил надо потратить первому лицу для достижения своей цели. Во всех этих работах будет идти речь о том, как изменить, продавить, скорректировать ситуацию в бизнесе или государственной политике под себя. Каким образом внедрить в головы других людей, каждый из которых со своим мнением, свои управленческие стереотипы.

Изложенное различие философии Востока и Запада - тот фундамент, который позволяет по-новому осмыслить философию дзен-буддизма, а в конечном итоге, - стратегию "кайдзен". Будучи одновременно религией и философией, этическим каноном, дзен-буддизм стал для обитателей Японии, Китая, Кореи, Вьетнама и ряда других стран Востока искусством жизни. В нем нет привычной для нас философии. Большинство вещей традиционно осмысливается посредством естественных органов восприятия (осознания, обоняния, вкуса, зрения, слуха).

Понять смысл этой философии западному человеку, связывающему любую свою деятельность с какой-то конкретной конечной целью, которую легко описать словами, возможно на следующих примерах. Подобные восточному "дзен" чувства испытывают дети, когда с увлечением играют. В настоящей детской игре есть процесс, увлеченность, азарт, отдых и радость.

стр. 131

Однако там нет цели и желания побыстрее закончить игру. Подобное могут испытывать взрослые люди, которые занимаются спортом. Однако в таком случае движущим стимулом их занятий должна быть не установка "накачать мышцы", а само удовольствие от процесса мышечной работы.

Такие же ощущения получают люди, которые с искренним увлечением занимаются научной работой, с азартом играют в шахматы, футбол, гольф, катаются на горных лыжах и т.д. Они это делают не для того, чтобы кого-то обыграть или заработать денег, а ради самого процесса, которому предаются с удовольствием. Таким образом, это - искусство выполнения любого действия через процесс удовольствия (или, как бы сказали в дзен-буддизме, через "неделание" результата).

Каким образом это качество использовать в бизнесе? Попытка использовать силу "дзен" для своей пользы принадлежит Тому Сойеру, заинтересовавшему ребят покраской забора. Ведь дети не потому интенсивно и качественно красили забор, что им надо было любой ценой выполнить однообразную и тяжелую для многих других людей работу, а потому, что они как раз и нашли в себе этот принцип "неделания", увлечения

процессом.

В первые десятилетия советской власти люди работали на общее благо, искренне считая и свой завод, и свой город, и страну "своей". Многие трудились, действительно получая удовольствие от своей работы. Это вызывало громадный интерес во многих странах мира. В данном случае, на наш взгляд, уместны аналогии с описанным выше духом, эмоциональным настроем работников на предприятиях, на которых используется стратегия "кайдзен".

Государственная машина в СССР делала все возможное, зачастую совершая насилие над личностью, для того чтобы оградить участников социалистического общественного производства от "тлетворного влияния капитализма". Любой человек, который словом или делом мог оказать негативное влияние на социалистические убеждения граждан СССР, "разложить" или "деморализовать" трудящихся, подвергался репрессиям как "враг народа".

стр. 132

Система управления, созданная в социалистических странах, наработала динамические стереотипы поведения, в которых много внимания отводилось аналогам применяемых сейчас на Toyota кружков качества, а также пожизненному найму, коллективной ответственности, согласованию решений и "демократическому централизму", который предполагал управление "снизу вверх". Казалось, что энтузиазм народа неисчерпаем.

Но указанные механизмы нематериального стимулирования становились все более формальными, порождая у работников цинизм и недоверие к системе социалистического управления народным хозяйством в целом. Во многом это произошло потому, что параллельно не развивалась система материального стимулирования, которая дополняет систему управления "кайдзен".

Как добиться отношения к труду в стиле "кайдзен" или одухотворенности труда, свойственных для первых лет советской власти, в современном "западном" обществе и, прежде всего, в России? Готовый ответ на этот вопрос найти трудно. Однако решая эту проблему, нельзя ограничиваться автоматизацией производства и реинжинирингом бизнес-технологий или формально копируя чужой, даже такой интересный опыт, как "кайдзен", возрождать пресловутые по советским временам кружки качества и пожизненный найм работников, уподобляясь герою из басни И. А. Крылова про мартышку и очки.

Необходимо формировать в сознании людей, живущих в России и за ее пределами, сознание соучастия и единения нации (коллектива), позитивный образ государства, в котором мы живем, предприятий (учреждений), на которых мы работаем. Это вопросы философии, идеологии, организационной и социальной психологии, организационного поведения, которые должны находить отражение в стратегии - начиная со стратегии государства и заканчивая стратегией каждого национального предприятия или банка.

Первые шаги в этом направлении уже сделаны, о чем свидетельствует небывалый эмоциональный подъем нации при победе российских команд на Евровидении, чемпионате Европы по футболу и т.д.

стр. 133

- Obshchestvennyye nauki i sovremennost'
- 2005-10-31ONA-No. 005
- Size: 17.9 Kbytes .
- Pages:67-73.
- Words: 1963

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: КАК РАЗОРВАТЬ ПОРОЧНЫЙ КРУГ АНАХРОНИЗМОВ

Автор: Ф. В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

Omnia spontefluant, absit violentia rebus!

(Пусть все согласно течет, ни в чем да не будет насилья!)

Так у нас (вредные привычки)

Поскольку российская аналитика до сих пор в массе своей не рискует выходить за рамки общих допущений, скрашиваемых для виду выборочными социологическими данными и расчетами, это исключает применение сколько-нибудь надежной формы прогноза и планирования. А заодно - возможность вовремя выявлять и последовательно исправлять его недостатки, не говоря уже о комплексном моделировании социального процесса.

На практике такое сочетание формализма и умозрительности просто опасно. Ведь сплошь и рядом современный менеджмент сводится лишь к механическому привлечению к руководству более динамичных отечественных и иностранных управленцев. Те и другие (только последние обходятся в 20 раз дороже) используют нехитрые приемы из книг по стратегическому планированию или менеджменту, большая часть которых, относящаяся к 1950-м или 1970-м гг., откровенно устарела и неадекватна современным задачам. С помощью такого рода методик сотрудники консалтинговых фирм до сих пор внедряют в отечественную экономику несложные инновации весьма ограниченного КПД. Если добавить к этому ошибочно жесткое противопоставление элитами тактического и стратегического подходов, то станет ясной первопричина постоянно увеличивающегося в последние годы разрыва между **потребностями** реформирования и доминирующей в России **культурой планирования**.

Мало что изменил и начавшийся с конца 1999 г. бурный процесс разработки ряда программ социально-экономического и отраслевого развития. Так, все проекты в области энергетики (Г. Грефа или В. Ишаева, А. Чубайса или В. Кресса и др.) в действительности очень далеки от уровня стратегических программ. Правда, и их оценки также весьма поверхностны и огульны, ибо, к сожалению, оппоненты обычно повторяют основную ошибку критикуемых. Они делают акцент на обсуждении не направленности общей структуры и содержания документов, а тех или иных декларируемых в них положений экономической теории или субъективных приоритетах. Подобный "подход" приводит к полному забвению возможностей достижения задач целевых разработок. Ибо *целевая программа - это комплекс действий, задач и т.п., выстроенный так, чтобы в результате намеченных мероприятий выполнения в срок и в полном объеме все цели были достигнуты, а задачи решены.*

Таблица

Структура сопротивления нововведениям

Виды сопротивления	Причины сопротивления	Методы противодействия
Безразличие лиц, принимающих решения (ЛПР), к интересам системы. Повышенный интерес ЛПР к локальным критериям	Несовпадение и несогласование локальных интересов ЛПР и глобальных интересов корпорации (системы)	Смена ЛПР или организация давления коллектива на ЛПР
Слабая подготовка по предмету нововведения в корпорации	Недостаточный культурный уровень ЛПР и/или топ-менеджеров (ТМ)	Обучение; пропаганда обучения
В корпорации нет рабочих документов по предмету нововведения	Отсутствие соответствующих методик	Поиск специалистов по системному анализу, стратегическому планированию
ЛПР и ТМ не могут обсуждать предмет нововведения	Недостаточная профессиональная подготовка ЛПР и ТМ	Поиск консультантов по поддержке принятия решений и стратегическому планированию
Отсутствие явных и активных конкурентов	Слабая конкуренция между корпорациями (полумонополизм)	Поиск "фиктивного" конкурента
Невозможность многократного контакта исполнителя	Плохой доступ исполнителя к заказчику. Неумение	Поиск "цепочек" для "выхода на ЛПР"; поиск

с первыми лицами	исполнителя говорить на языке заказчика	"переводчиков" с языка ЛПР
Отсутствие миссии, целей, подцелей, признаваемых и осознаваемых ЛПР и ТМ	Непонимание руководством общей (генеральной) цели корпорации	Подготовка записки с описанием миссии, целей фирмы
Отсутствие явных материальных и моральных стимулов	Слабая мотивация заказчика	Реконструкция системы мотивации

Нынешняя же российская, в основе госплановская, метода составления стратегических "программ" **не обеспечивает решение главной формулы целевого планирования** -

не использует иерархию целей, политик, подцелей, задач, направлений, программ, подпрограмм и т.д. для подбора адекватных мероприятий - **потому что не предполагает этого**. Применяемые в ней расчеты не предусматривают вычисления "веса" вклада каждого из перечисленных элементов в общее дело и его воздействия на все остальные. Что же касается документов 1999 - 2000 и последующих годов, то они не доведены даже до уровня этой традиционной методики, так как написаны в жанре концепции. Хотя их и именуют программами, применение данного понятия к продукции ведомства Грефа - терминологическая вольность, тиражируемая некоторыми журналистами.

Иначе говоря, нынешние злоключения стратегического планирования в России блестяще иллюстрируют правоту великого Г. Лейбница, писавшего еще в 1708 г.: "Большинство людей судит вкривь и вкось и не понимает ничего в самых похвальных намерениях, которые истолковывает дурно, сообразно с своим собственным настроением" (цит. по [Герье, 1871, с. 64]). Увы, с тех пор сопротивление инновациям не исчезло, что дало И. Ансоффу повод составить полезную инструкцию-таблицу по противодействию наиболее типичным его проявлениям [Ансофф, 1998] (см. табл.).

Made in...

Между тем за последние 30 - 40 лет в мире накоплен солидный опыт применения по-настоящему эффективных методов прогнозирования и планирования, удачно дополняемых разнообразными приемами исследования операций, анализом данных и компе-

---

тентными экспертными оценками. Лидерство среди них заслуженно принадлежит технологии, именуемой "**метод анализа иерархий**" (МАИ)¹. Она универсальна и способна организовать вокруг общей цели иные методики системного планирования. Ею пользуются организации и учреждения Старого и Нового Света, Японии, Израиля, КНР, ЕС, НАТО, а также международные институты системы ООН. Сферы, в которых

она доказала свою эффективность, - бизнес, университеты, технологии, равно как развитие регионов, экология, разоружение и контроль над вооружениями. Примеры успешного использования **МАИ** говорят сами за себя. Их результаты видны:

- в экономике (внедрение новых методов национального бюджетирования, реформа регулирования авиатарифов и разработка энергетической политики США);
- в транспорте (оптимизация систем железнодорожного сообщения в Северной Америке, Западной Европе и Японии);
- в корпоративном управлении (решение корпорации "Боинг" о переориентации с суперлайнеров на высокоскоростные модели; конструирование новой авиатехники в Израиле; прорыв пивной промышленности в Мексике);
- в сфере финансов (моделирование банковской инфраструктуры в больших городах Европы и Америки; оптимизация структуры и расширение бизнеса трех первых банков США);
- в городском планировании (модернизация Чикаго и мегаполисов Западной Европы, проектирование и развитие городов в Великобритании; моделирование градостроительства, систем землепользования и размещения промышленности в городах США);
- в области социального регулирования (реализация программы Всемирной организации здравоохранения по снижению детской смертности в крупнейших промышленных центрах Западной Европы; кооперирование и координация общественных услуг в городских агломерациях; строительство социального жилья и развитие этнокультурных меньшинств; планирование высшего образования в США на федеральном и региональном уровнях);
- в сфере НИОКР (научные разработки по линии СОИ, включая финансирование имитации ядерных испытаний; экспедиции на Марс; исследование влияния гражданской науки на внешние связи США, вычленение их внешнеполитических приоритетов, моделирование их международной активности; изучение технических проблем разоружения);
- в практической политике (президентские кампании в США с 1980-х гг.).

Наоборот, пренебрежение стратегическим планированием либо вмешательство политически мотивированного поведения в его ход всегда приводят к крупным неудачам, а то и провалам. Для иллюстрации достаточно сослаться на строительство третьего аэропорта в Лондоне, нового оперного театра в Сиднее, скоростной железной дороги в Сан-Франциско, лондонской автострады, злключения проекта "Конкорд" на стадиях от замысла до полетов. Последняя наглядная иллюстрация подмены строгой методологии голой идеологией (точнее, репликой социалистического образа действий) - острый кризис энергоснабжения в Калифорнии в начале 2001 г. В этой связи уместно вспомнить слова крупнейшего физика-изобретателя Э. Теллера: "Мы нуждаемся в большей силе воображения и смелости, а не в консерватизме. Это особенно относится к ученым, деятелям в области управления, правительственным и общественным мужам. Робость принесла нам довольно вреда - она явилась причиной утери нами первенства во многих важных позициях" [Теллер, 1966, с. 75].

Итак, методика стратегического планирования, базирующаяся на анализе иерархий, направлена на строгое выявление весов взаимного влияния всех элементов, образующих

"дерево целей" (см. рис.). В отличие от рецептов Минэкономразвития, она позволяет подбирать компоненты, гарантирующие выполнение задач и достижение целей, не на "глаз" или "вкус", поскольку объективирует оценку их вклада в оптимальный результат посредством точной процедуры вычисления упомянутых весов. Когда же сухая

---

¹ Английское название - *Analytic Hierarchy Planning (AHP)*.

эконометрика либо невозможна, либо недостаточна, **МАИ** прибегает к экспертным заключениям (особо эффективны смешанные экспертно-расчетные подходы).

Новый шанс (*argumenta ponderantur, non numerantur*)²

Характер и глубина стоящих перед нашей страной проблем стимулирует вынужденный рост внимания к вопросам стратегического планирования. "...Главное - сформулировать свой интерес и собственную "стратагему". Россия не должна строить свою политику, просто отталкиваясь от того, какой будет политика Буша, хотя это очень важный фактор. Мы должны целенаправленно, последовательно, упорно проводить собственную стратегическую линию. Даже с учетом того, что США сегодня обладают колоссальной политической, экономической, военной и информационной мощью" [Кокошин, 2001, с. 1 - 2]. И здесь важно не опоздать, как всегда.

Для этого на базе **МАИ** следует вначале переработать методику целевого проектирования до уровня, позволяющего планировать достижение целей и решение задач. Далее необходимо построение пилотной модели. Эта проблема в течение года под силу компактному коллективу независимых экспертов, располагающих адекватной информацией и работающих в непрерывном тесном контакте с представителями официальных структур. Итогом станут новые рекомендации по разработке федеральных целевых программ. Они дадут основу всем планам такого рода. А их роль, включая крупные инвестиционные проекты, будет расти.

В подобном контексте необходим переход от разговоров о прикладном системном анализе к его реальному изучению и использованию. Применение **МАИ** к целевому планированию заполнит брешь между "мягкими" математическими моделями и чисто гуманитарными рассуждениями. В частности, произойдет замена наивной манеры прямого выбора приоритетов направлений развития многоступенчатыми приемами их постепенного выявления. Ведь линейная оценка (будь то экспертная, либо расчетная) столь сложных величин, как приоритеты, чересчур субъективна. А так как от их верного определения зависит слишком многое, здесь надо применять косвенные процедуры последовательного приближения к истине. Простейший случай - парные сравнения различных факторов вместо их непосредственного ранжирования по значимости.

Показать, как строить укрупненные среднесрочные модели по технологии **МАИ**, наиболее удобно на примере документа "Уточненные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2003 года", выпущенного Минэкономразвития. Его *главную цель* - "последовательное повышение уровня жизни населения, радикальное снижение уровня бедности и социального неравенства, обеспечение устойчиво высоких темпов экономического роста на основе использования и приумножения культурного и интеллектуального потенциала России, восстановление

экономической и политической роли страны в мировом сообществе" (Коммерсантъ, 25 января 2000) - целесообразно структурировать, размещая по критерию приоритетности следующие элементы:

- *подцели*, то есть условия достижения вышеназванной цели;
- *задачи* экономической политики, оптимальные для реализации подцелей;
- *основные направления структурной политики*, обеспечивающие взаимосвязанное решение задач;
- *сценарные варианты достижения результатов*, позволяющие решать поставленные задачи с учетом эволюции внутренних и внешних обстоятельств;
- *факторы роста*;
- *действия правительства*;
- *прочие показатели*.

Доказательства подлежат взвешиванию, а не перечислению (*лат.*).

стр. 72

Дальнейшее структурирование документа потребует построения нескольких более подробных схем. Отдельно для роста инвестиций, инфляции и цен; государственных финансов и бюджетной политики; динамики основных макроэкономических показателей; конечного использования ВВП; внешнеэкономической деятельности и т.д. Затем наступает очередь как отдельных экспертных оценок и расчетов по каждой из них, так и их обобщенной обработки, а также последующего переосмысления сценариев.

В довершение два небольших наблюдения. Во-первых, мы, по существу, являемся свидетелями и участниками тенденции интенсивного распространения идей и методов математического моделирования глобальных и локальных политических и социально-экономических процессов. В частности, в форме стратегического планирования и управления. Недаром Дж. Буш-младший ввел должность советника президента США по этим вопросам и включил ряд руководителей RAND Corporation в состав своей администрации. В дальнейшем математические техники имеют реальную перспективу занять лидирующие позиции в прогнозировании и проектировании прогресса человеческих сообществ уже без всяких иносказаний.

Во-вторых, я убежден, что решительное улучшение как внутреннего, так и внешнего положения России в немалой степени зависит от успехов в нашей стране стратегического планирования. А они, как показывают приведенные в начале примеры, связаны с технологией **МАИ**. На этом закончим обсуждение проблем отечественной аналитики, ибо, как говорилось выше, "доказательства подлежат взвешиванию, а не перечислению".

В завершение нужно, все же, сделать одну фундаментальную оговорку. Как ни хорош описанный метод, он, как всякий инженерный по сути своей инструмент, тем эффективнее, чем к более технической задаче применяется. Сложные системы со многими неизвестными к нему наименее чувствительны. По-видимому, **МАИ** не стоит

применять к планированию развития, например, страны и общества в целом. Здесь он рискует оказаться ненамного результативнее обанкротившихся попыток социалистов калькировать в макросоциальной области технологии, успешно зарекомендовавшие себя в сфере механики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ансофф И. Стратегическое управление. М., 1998.

Герье В. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871.

Кокошин А. Мы вступили во "второй ядерный век" // Независимая газета. 2001. 1 февраля (Приложение "Дипкурьер").

Теллер Э. Программа создания водородной бомбы // Наука, техника, управление. Интеграция науки, техники и технологии в Соединенных Штатах Америки. М., 1966.

стр. 73

постоянный адрес статьи: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/8412128>

©2012 [East View Information Services, Inc](#) | [Условия использования](#)

Заглавие статьи	Политическая экспертиза: генезис, понятие и когнитивные возможности
Автор(ы)	А. В. ЕЛЕНСКИЙ
Источник	<i>Вопросы философии</i> , № 2, Февраль 2011, С. 57-69
Рубрика	<ul style="list-style-type: none"> • ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО
Место издания	Москва, Россия
Объем	51.6 Kbytes
Количество слов	5975
Постоянный адрес статьи	http://dlib.eastview.com/browse/doc/24421190

Политическая экспертиза: генезис, понятие и когнитивные возможности

Автор: А. В. ЕЛЕНСКИЙ

Статья посвящена концептуализации понятия "политической экспертизы", анализу ее генезиса и когнитивных возможностей. Автор приходит к выводу о том, что экспертиза является необходимым элементом управления. Особое внимание уделяется понятию и сущности политической экспертизы, показана ее связь с принятием политических решений. В то же время политическая экспертиза - часть прикладного политического анализа. В статье также рассматривается специфика и роль экспертной деятельности в международных отношениях. Выводы авторы наглядно демонстрируются на примере российско-американских отношений.

The article is devoted to the problem of conceptualization of the "political expertise", the analysis of its genesis and cognitive potential. The author comes to the conclusion, that expertise is a necessary element of government. The special attention is regarded to the concept and essence of the political expertise in its connection with the political decision-making. At the same time, the political expertise is an obligatory part of the applied political analysis. Special attention in this article is paid to the specific features and the role of the expert activity in international relations. The conclusions are illustrated on the example of the Russian-American relations.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая экспертиза, метод экспертных оценок, управление, принятие политического решения, политический профессионализм, национально-государственная парадигма, российско-американские отношения.

KEY WORDS: Political expertise, the method of expert evaluation, government, political decision-making, political professionalism (competence), nation-state paradigm, Russian-American relations.

Один из основателей новой междисциплинарной науки экспертологии Ю. В. Сидельников определяет экспертизу как "оценочно-аналитическую деятельность, выполняемую с привлечением экспертов для анализа и (или) оценки объектов экспертизы [Сидельников 1997, 123]. Аналогичные определения даются и другими исследователями. Экспертиза - это исследование специалистом (экспертом) тех или иных сторон жизни общества, требующее специальных научных знаний и опыта для получения необходимой информации об изучаемом предмете, с целью выявления проблемы, интересующей субъект управ-

ления. Существует большое разнообразие экспертиз: внутренней и внешней политики, экономическая и социально-политическая, экологическая и военная, осуществляемых в различных сферах жизни общества. Каждой из них присущи свои методы получения, обработки и доставки информации, а при необходимости используются методы других наук. Однако сущность и характер экспертизы, ее название (социально-экономическая, политическая, научно-техническая, экологическая, военная), обуславливается не только и не столько методами, сколько целью, предметом и объектом исследования.

Для какой цели организуется процесс изучения того или иного аспекта жизнедеятельности? Для получения о нем достоверной информации. Для этого используют экспертный опрос - один из наиболее информативных способов изучения и получения данных, выявления и измерения основных тенденций и базовых характеристик, новых явлений и проблем социальной действительности. Это один из способов получения первичной информации, достигаемой путем постановки вопросов к экспертам (в устной или письменной форме). Метод экспертных оценок обычно понимается как разновидность опроса экспертов, обеспечивающего получение специфической информации, которая существенно дополняет другие разновидности способов сбора информации. Но функция эксперта в качестве источника эмпирических данных является не единственной. По мнению Е. В. Масленникова, политический эксперт чаще всего выполняет тройного рода функции:

- в силу своего высокого профессионализма, хорошей научной подготовки и наличия опыта он выступает как источник уникальной информации;
- это позволяет ему глубже проникать в суть исследуемых явлений и процессов, характеризовать объекты, проблемы, события, принятие решений, осуществлять их оценку;
- политические эксперты, будучи уникальными носителями (источниками) специальной информации, творцами идей и предложений, способствуют разрешению возникающих политических проблем, идентифицируют и квалифицируют их с позиции настоящего и будущего [Масленников, 2001, 6].

Иными словами, в самом общем виде под экспертизой принято понимать процесс исследования и оценки какого-либо вопроса, требующего специальных знаний, с целью получения необходимой достоверной информации для формирования мотивированного и профессионального заключения (положительного или отрицательного), выработки рекомендаций для принятий квалифицированно обоснованного управленческого решения. Экспертиза - это необходимый элемент управления. Она представляет собой совокупность соответствующих принципов и норм, систему отношений, регулирующих взаимодействия экспертов, заказчика и экспертов, весь экспертный процесс.

Политическая экспертиза представляет одну из системных разновидностей экспертизы (наряду с научно-технической, экологической и т.д.). Основным объектом политической экспертизы является существующая в той или иной сфере жизни общества политическая ситуация (в целом или в отдельных ее аспектах и проблемных составляющих). Исходя из ее предметного поля и функций, политическую экспертизу в общем виде можно рассмотреть как социальную институцию (и форму профессиональной и управленческой деятельности), призванную обеспечить властные управленческие органы аналитической информацией и практическими рекомендациями, позволяющими максимально учесть и снизить возможные риски в процессе принятия конкретных политических решений, при реализации общего курса внутренней и внешней политики

государства.

"Политическая экспертиза" - понятие гибридного происхождения, которое представляет собой одну из разновидностей междисциплинарных связей. Различные области знания рассматривают один и тот же объект с разных сторон и позиций. В процессе гибридизации происходит взаимопроникновение отдельных элементов наук, в результате чего появляется новое направление исследований. "Если провести скрещивание каждой из двенадцати основных социальных наук, - пишет профессор Калифорнийского университета и директор Национального центра исследований Франции М. Доган, - то теоретически можно получить сетку, рассеченную на 144 квадрата. Некоторые из них останутся пустыми, но более % окажутся заполненными гибридными отраслями научного знания, пользующимися определенной автономией. От этих гибридных специальностей, в свою оче-

стр. 58

редь, отпочковываются новые отростки, которые во втором поколении дают еще большее число гибридов" [Доган 1999, 125 - 126].

Как известно, социологический анализ предполагает использование разнообразных методов, в результате которого обнаруживают себя разнообразные проблемы, связанные с укреплением (или разрушением) существующего строя, повышением имиджа политической власти и государства и др., то есть проблемы политические. В силу этого экспертный анализ приобретает политический характер, который позволяет раскрыть проблему содержательно и профессионально лишь с использованием политологических знаний и политологических методов исследования. Произошла гибридизация социологического и политического знания. В социологическую по своей сути экспертизу проникает политика, политическое знание. Это позволяет осмыслить не только содержание исследуемого объекта, но и проникнуть в его суть, определить социально-политическую направленность возникших проблем и принимаемых по этому поводу политических решений. Вот почему подобного рода экспертиза становится политической экспертизой, свидетельствующей о возникновении нового гибридного явления. Политическая наука сплошь состоит из гибридных понятий и направлений. Хорошо ли это? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Хорошо, ибо это наглядно иллюстрирует всепроникающий характер политики и политического, однако при этом порой ускользает предмет политической науки, что затрудняет понять многие политические явления. Опираясь на многочисленные источники, М. Доган составил перечень двух сотен понятий, привлеченных в политическую науку. Оказывается, что Карл Маркс и М. Вебер относятся к тем ученым, которые больше других применяли в своих исследованиях гибридизацию отдельных отраслей знания. С ними может быть сравним лишь Аристотель. В XX в. Ч. Алмонд и Т. Парсонс тоже ввели в научный оборот много новшеств. Большая часть современных ученых, занимающих верхние ступени в иерархической пирамиде политической науки, работают в гибридных субдисциплинах. [Доган 1999, 114 - 141].

При определении понятия "политическая экспертиза" некоторые отечественные и зарубежные ученые - политологи рассматривают в качестве ее важнейших составляющих:

- наличие чисто политической ситуации, возникшей в политической сфере;
- использование чисто политических методов исследования, осуществляемого с целью

получения необходимой политической информации;

- выработку и принятие политических решений на основе полученной политической информации [Симонов 2002].

В связи с этим возникает ряд вопросов, которые нуждаются в критическом осмыслении и уточнении. При таком подходе политическая экспертиза прочно увязывается с политической сферой деятельности. Она результат последовательного использования совокупности политических методов исследования, осуществляемого с целью получения достоверной информации, необходимой для принятия политических решений. Подобное толкование политической экспертизы по нашему мнению существенно сужает экспертное поле и ограничивает ее когнитивные возможности. В самом деле, разве в экономической, научно-технической, экологической сферах жизни общества не может возникнуть политическая ситуация? Возможна ли политическая экспертиза, если при этом используются иные методы помимо политических?

Политическая экспертиза призвана способствовать глубокому и всестороннему изучению исследуемого объекта с целью получения необходимой информации, позволяющей субъекту управления принять соответствующее решение для достижения поставленной цели при наименьшей затрате сил, средств и времени. Если учесть органическую взаимосвязь всех сторон жизни общества и всепроникающий характер политики (при определенных условиях любой вопрос может приобрести политический характер), то очевидно, что политические проблемы могут возникать и в экономической, и в социальной, и в экологической и т.п. сферах общественной жизни. Для изучения подобных проблемных ситуаций потребуются не только чисто экономические методы. Изучение различных сторон жизни общества и появления в них проблемных ситуаций - процесс сложный и взаимосвязанный. А мы порой пытаемся упростить процессы, разложить по полочкам не толь-

стр. 59

ко все составляющие изучаемого объекта, но и ранжировать исследовательские методы. Сложность познания любого анализируемого объекта, предмета - в умении вычлнить возникшую проблему, определить ее характер и преследуемую цель, чтобы на основе достоверной, комплексной информации адекватно оценить сложившуюся ситуацию и принять оптимальное политическое решение. И только на этой основе можно более или менее правильно оценить, какие составляющие исследуемого процесса оказались наиболее эффективными в ходе исследования.

Вместе с тем политическая экспертиза является не только источником получения достоверной информации, требующей специальной подготовки и наличия профессиональных знаний, она является также важнейшей составляющей управленческого процесса. Экспертиза, политическая экспертиза, управление представляют собой единый целостный процесс, который трудно представить без экспертной деятельности, получающей свое завершение принятием управленческого решения, а затем и его реализацией. В силу этого управление без экспертного анализа и оценки выявленной проблемы превращается в декларативные призывы. Оно лишено конкретных, обоснованных путей и способов разрешения проблемных ситуаций. Общие призывы разве что пригодны при проведении сомнительных пиаркомпаний и формирования ложного имиджа. Они извращают управленческую деятельность. Экспертиза, не получившая своего воплощения в управленческом решении, повисает в воздухе, остается за пределами управления. Она превращается в способ, фиксирующий

то или иное явление, но не является инструментом разрешения возникающих проблем. Политической она становится не потому, что в процессе исследования использовались те или иные методы, главным образом политические, она становится таковой благодаря преследуемой цели осуществляемой экспертизы, принятому управленческому, политическому решению, отвечающему интересам большинства граждан. Понятно, что политическая экспертиза не существует иначе, как в органической связи с управлением, политическим управлением. Поэтому важно при определении политической экспертизы не столько то, какие методы использовались при ее осуществлении, сколько то, позволяют ли они субъекту управления принимать политические решения, отвечающие интересам государства и общества, укрепления существующих общественных отношений, лояльности граждан к политической власти, росту имиджа субъекта управления, государства и страны.

При рассмотрении экспертно-политической аналитики, на наш взгляд, следует обращать внимание на ту роль, которую выполняет каждый субъект политического управления. И дело не только в том, что он формирует задание для осуществления экспертизы. А в том, что результаты, выводы и предложения оцениваются субъектом политического управления. А это трудно себе представить без глубокого знания экспортируемых проблем и процессов. Только на этой основе возможно компетентное управленческое решение, которое чаще всего не бывает копией рекомендаций, сделанных экспертами. Поэтому экспертная деятельность завершается принятием субъектом политического управления управленческого решения, которое становится основой практической деятельности больших коллективов. Без этого полученная информация в процессе (в результате) экспертизы повисает в воздухе. В связи с этим оценка результатов экспертизы субъектом управления является важнейшей составной частью экспертного процесса. Более того, субъекту политического управления приходится представлять и отстаивать свои проекты в Верховных органах представительской Власти, опровергать лоббистские "атаки", анализировать их проекты, доказывая преимущество "своих" проектов. Наглядным подтверждением сказанному является плодотворная активная реформаторская деятельность Петра Аркадьевича Столыпина на посту Председателя Совета Министров предреволюционной России [Столыпин 1991].

Иными словами, политическая экспертиза в зависимости от темы, проблемы и преследуемой цели анализа выступает как относительно самостоятельная технология, способ прикладного исследования. Политическая экспертиза, по мнению профессора А. А. Дегтярева, представляет практически-прикладной политический анализ, основной целью которого является "не построение стройной и обоснованной теории и не сбор массива данных,

---

а способы оценки и решения общественной проблемы для конкретного заказчика - как правило, одного из политических авторов" [Дегтярев 2004, 156].

Однако если центральное функционально-ролевое и содержательное ядро политической экспертизы совмещается с практически прикладным аспектом политического анализа, то в своем полном формате она соотносится со всей предметной областью политического процесса. То есть в известной степени включает в себя теоретико-фундаментальную аналитику, сосредоточенную на исследовании основополагающих концептов политической сферы, а также инструментально-экспериментальную аналитику, сконцентрированную на методах получения и обработки первичной

информации о конкретных политических ситуациях.

На совпадение предметных полей политической экспертизы и политического анализа указывает и терминологическое определение профессора Питсбургского университета У. Данна, по мнению которого политический анализ есть "интеллектуальная и практическая деятельность по созданию, критической оценке и обмену знаниями "о" и "в" процессе принятия решений" [Данн 1994, 29]. В другом месте своей монографии он дополняет данную формулировку, определяя политический анализ как прикладную социальную дисциплину, "в которой применяются многообразные методы исследования..., с тем, чтобы производить информацию, критически оценивать и обмениваться ею, в практически-политическом отношении" [Данн 1994, 84]. На основополагающее значение теоретико-фундаментальных исследований в содержательной структуре политического анализа указывает также Р. Даль [Даль 2003, 7 - 20].

В отечественной политологии наиболее комплексное определение прикладного политического анализа, на наш взгляд, принадлежит А. А. Дегтяреву. Который считает, что "прикладной политический анализ есть политико-управленческая наука, предполагающая интегративно-синтетическое использование мультидисциплинарной системы знаний и ориентированная на разработку общих принципов и специальных методов моделирования, диагностики, прогнозирования проблемно-политических ситуаций и формулирование практических рекомендаций при подготовке, принятии и реализации публичных решений" [Дегтярев 2004, 158].

Следовательно, в широком смысле политическая экспертиза в какой-то мере совпадает с политическим анализом в целом. Но, различая два "формата" политической экспертизы, следует учитывать известную условность подобного разделения, поскольку границы являются достаточно размытыми между отдельными предметными областями самого политического анализа, а, следовательно, и между различными структурными модификациями политической экспертизы. Эмпирическое исследование может сопровождать решение практической политической задачи (прикладной аспект), иметь теоретическую составляющую. Взаимопроницаемы также ролевые позиции и функциональные задачи политического анализа.

Делимитация основных системных параметров политической экспертизы существенным образом осложняется и экспансией в ее пределы других профессиональных сфер (аналитическая журналистика, пиар-технологии и т.д.), связанных с политикой. Как резонно замечает А. А. Дегтярев: "К цеху 'политических аналитиков' относят себя телеобозреватели и колумнисты газет, имиджмейкеры и избирательные технологи, и многие другие" [Дегтярев 2004, 154]. Нарастающий вал политической аналитики такого рода вызывает целый ряд вопросов. "Чьим диагнозам и прогнозам можно доверять, а чьим нет? Что должно находиться в основании политического анализа: журналистское чутье, научные знания или опыт эксперта?... Существуют ли в зарубежной и российской политической аналитике свои направления и "школы", или же эта отрасль остается в методологическом смысле "кустарным промыслом", а в плане общественной ценности - "искусством мистификаций и манипуляций", обслуживающим интересы элитных групп и бюрократии?" [Дегтярев 2004, 154].

Ответы на эти вопросы далеко не очевидны и не однозначны в силу сложности и многофакторности политического процесса и социальной реальности, которые выступают объектом политического анализа. Очевидную ограниченность такого политического зна-

ния академик Н. Моисеев определял как "эмпирические обобщения". По мнению Н. А. Косолапова, политика - это не управление, или политика - это регулирование макросоциальных отношений с задачей управления ими, но в условиях, когда для осуществления реального управления нет либо ясных целей и согласия о них, либо необходимых знаний и технологий, либо практических возможностей. Либо всего перечисленного, вместе взятого [Косолапов 1994, 128 - 129]. Констатация Н. А. Косолапова, быть может, выглядит излишне критичной. Однако именно политическая экспертиза способна проиллюстрировать ее правоту достаточно наглядным образом.

Действительно, любое крупное политическое решение чревато огромным множеством последствий, аналитически взвесить и учесть которые не представляется возможным хотя бы потому, что такая процедура предполагает определение точного "веса" каждого задействованного фактора и фиксацию его позиции в системе внутренних взаимообусловленностей изучаемого объекта. Однако подобная формализация невозможна по определению: точного "веса" и жестко фиксированной системной позиции просто не существует. Они представляют размытые неопределенные величины, пульсирующие (зачастую в широких пределах) в зависимости от направления развития ситуации.

Принято выделять три класса внутренней детерминации различных процессов и явлений: "однозначная детерминация, когда данная причина неизменно влечет за собой одно и то же следствие; многозначная, или вероятностная детерминация, когда одна и та же причина, с той или иной вероятностью может давать разные следствия (т.е. одна причина - диапазон следствий); и много-многозначная, когда одна причина может породить различные следствия, но одно и то же следствие может породиться многими причинами" [Косолапов 1994, 21 - 22].

Политическая аналитика в большинстве случаев имеет дело с третьим (много-многозначным) вариантом причинно-следственных взаимообусловленностей. Однако выбор конкретного варианта действий (как и ответственность за него) остается за государственным деятелем, даже когда используется коллегиальный способ принятия политического решения. Можно только предположить, сколь многообразны и противоречивы по своим выводам и рекомендациям были экспертные разработки, выполненные в различных ведомственных и независимых аналитико-консультационных центрах США по проблеме Ирака в период подготовки военной кампании, как различались прогностические сценарии развития политической ситуации в случае американской оккупации этой страны и насколько сложным было положение президентской администрации, к которой стекалась данная аналитика.

Тем самым вопрос "Чьим диагнозам и прогнозам можно верить, а чьим нет?" оказывается подвешенным даже при полном исключении аналитической "кустарщины" и дилетантства. Между тем далеко не прост и вопрос о последних, поскольку известную специфику зачастую демонстрирует личностная "технология" экспертного исследования. Предельная сложность и открытость многих социальных проблем, нуждающихся в политической экспертизе, а также невозможность жесткой математической формализации их системных параметров, что с середины 80-х годов предопределило весьма скромные успехи политического моделирования и спад модельных исследований и зачастую обуславливало повышенную роль интуиции в работе эксперта. В связи с этим М. А. Хрусталева даже выделил особый тип политического аналитика, обозначенный им как эксперт-интуитивист, отличающийся

высокими прогностическими способностями [Богатуров 2003, 94]. В этом отношении политическая экспертиза в полной мере демонстрирует "родовые черты" общественознания, зафиксированные еще представителями неокантианства (В. Виндельбандом, Г. Риккертом). По их мнению науки общественно-гуманитарного цикла (обозначенные ими как идеографические, т.е. фиксирующие индивидуальное и неповторимое) в отличие от наук о природе (номотетических), не способны зафиксировать в своей предметной области общие закономерности и вынуждены ограничиваться приблизительным знанием (фиксацией индивидуального) [Риккерт 1904, 260 - 261, 444 - 445].

В то же время доминирование интуитивного начала способно окончательно вывести политическую экспертизу за рамки науки в область "практического искусства", что не-

стр. 62

редко демонстрируют даже некоторые известные российские аналитики. В этом случае известное оправдание получает "инфильтрация" элементов публицистики, пиара и т.д. в сферу политической аналитики, когда теряются четкие критерии, позволяющие отделить одну область политической деятельности от другой. Тем более что и политическая аналитика не упускает возможности обратиться к электронным и печатным СМИ, не брезгает пиаром, участвует в предвыборных кампаниях и т.д.

Впрочем, уже сама позиция политической экспертизы в структуре политико-управленческого цикла (инкорпорированность аппаратной ее части в систему государственных институтов) позволяют определенным образом дистанцировать ее от научного сообщества. Иными словами, речь идет о двух пересекающихся, но разных социальных институтах и профессиональных прослойках. В области политического анализа (как одной из отраслевых дисциплин общественознания) работает множество специалистов, не имеющих отношение к политической экспертизе. Соответственно, множество аналитиков не связано с исследовательскими разработками. Одновременно ряд профессионалов вполне успешно совмещает науку с экспертной деятельностью и может с полным основанием быть причислен сразу к обоим сообществам (к примеру, Т. А. Алексеева, А. Д. Богатуров, А. А. Дегтярев, Б. Г. Капустин, А. А. Косолапов, М. М. Лебедева, Б. Г. Литвак, Е. В. Маркова, Л. А. Панкова, А. М. Петровский, И. Г. Тюлин - этот список легко продолжить).

Профессионализм в политике - явление сложное и многогранное. Это результирующая многих слагаемых совокупного знания и политического опыта, позволяющая проникать в суть исследуемых явлений, выявлять существующие и возникающие проблемы, определять возможные пути и способы их решения.

Политический профессионализм можно условно разделить на государственно-административный и общественно-политический.

Первый из них в большей мере связан с деятельностью институтов государственной власти, тогда как второй, в большей мере, связан с деятельностью партийных и общественных организаций, их лидеров, с институтом гражданского общества. Как лица, не обладающие необходимыми знаниями и информацией, но принимающие общественные решения, так и решения, принятые большинством, не могут быть гарантом высококачественного решения сложных проблем политической жизни общества.

Совершенствование системы государственного и политического управления следует

осуществлять таким образом, чтобы оно соответствовало уровню разработки новейших технологий, в том числе и экспертных технологий, используемых при оценке той или иной ситуации.

Профессионализм политической экспертизы, как гибридное явление, предполагает не только глубокое знание социологии, но и политологии, политической философии и других наук.

Перечисленные особенности экспертизы в значительной степени определяют ее роль и место в политическом процессе. Это место достаточно устойчиво, а ее роль заметна. Как замечает Г. Киссинджер: "Интеллектуала редко можно встретить на высшем уровне принятия решений. Обычно его роль - консультативная. Его привлекают в качестве специалиста, чей совет объединяется с рекомендациями других профессионалов, и считается, что политик интуитивно способен выбрать верную амальгаму из "теоретических" и "практических" советов". Цит. по: [Макарычев 1994, 41 - 42].

Управленческих решений принимается (равно как и проводится разнообразных экспертиз) великое множество, и каждое из них представляет собой нечто уникальное (я бы сказал, эксклюзивное) явление. Их специфика и особенности чрезвычайно разнообразны, тем более, если они осуществляются в различных сферах общественной жизни, тогда как по форме они имеют между собой много общего. Обычные управленческие решения, принимаемые в процессе повседневной жизни, имеют много общего, как по форме, так и по способу получения информации. Они однотипны. Однако в зависимости от сферы общественной жизни и управления экспертиза существенно изменяется по своему характеру, содержанию и направленности управленческой деятельности. Так, например, и экспертиза, и управленческая деятельность в сфере международных отношений несколько

стр. 63

иная, чем в хозяйственной и политической жизни внутри страны. В международной жизни управленческие решения распространяются на дипломатов, но не на объект их деятельности, ибо он функционирует за пределами государства.

В международных отношениях экспертная деятельность сосредоточивается, прежде всего на анализе изменяющихся отношений, на изучении опыта, необходимых документов, позиций и выступлений государственных деятелей и дипломатов с целью осмысления сложившейся ситуации, определения позиции и выбора путей разрешения возникающих проблем с учетом интересов своей страны. Эти различия еще более разительны, когда речь идет об управленческой деятельности и экспертизе, связанных, например, с освоением космоса и другими весьма сложными проблемами.

Принятие управленческого решения всегда трудоемкое и ответственное действие, требующее богатых интеллектуальных способностей, наличия разносторонней информации, знания различных позиций, учета многообразия интересов, подводных течений и возможных неожиданностей. Оно требует от субъекта управления незаурядной воли, умения воспринимать поток разнообразной информации, выявлять важное, существенное и отличать его от второстепенного, находить главное, что позволит ему, приняв квалифицированное решение, достичь поставленных целей.

Но одно дело - управление внутренними делами государства и страны, другое дело управление в системе международных отношений. В последнем случае управление приобретает более сложный, можно сказать, глобальный и в то же время ограниченный

характер.

В этих условиях управление выполняет двоякого рода функцию прямого и опосредованного характера. Все управленческие решения федеральных органов власти Российской Федерации обязательны для всех, в том числе и для дипломатического корпуса, т.е. имеют прямое действие - все российские дипломаты призваны не только неукоснительно их соблюдать, но и учитывать в своей работе. В этих условиях управленческие решения российского субъекта управления достигают границ своей применимости и компетентности. Одновременно из прямого своего воздействия на дипломатический корпус они перерастают в опосредованное, направляющее воздействие, когда российские дипломатические работники всю свою деятельность в разных странах подчиняют интересам своей страны, поиску путей, способов и форм, способствующих росту ее авторитета, могущества и процветания. В таком случае управленческое решение приобретает ориентировочный, рекомендательный, направляющий характер, ибо оно достигает пределов своей применимости.

Итак, даже максимально компетентная и методологически профессиональная политическая экспертиза оказывается существенно ограниченной по своим эвристическим и функциональным возможностям. Вместе с тем существует и системная ограниченность другого рода, связанная с существованием определенной (более или менее жестко заданной) системы базовых координат и ориентиров, которые позволяют "охватить" более широкие (глобальные) процессы политического и государственного управления.

Эту систему можно условно обозначить как национально-государственную парадигму, отражающую национальную социо-политическую, административно-управленческую, географическую, природо-ресурсную, экономическую и т.д. специфику. Данная система координат в значительной степени определяет позицию государства в системе международных отношений, задает критерии оценочной градации других стран по степени их близости/удаленности. С известного ракурса эту "координатную сетку" можно определить как выработанную в сдвоенном процессе стихийного поиска и целенаправленного конструирования систему национальных интересов.

Данная национально-государственная парадигма в значительной степени формирует и определяет русло, в пределах которого и варьируется государственная внутренняя и внешняя политика. Эта же система базовых заданностей ограничивает и возможности политической аналитики, заставляя подчас очень разных экспертов рассматривать многие факты под сходным углом. См. [Хантингтон, 2004], [Бжезинский 2005], [Проект 1997]. Экспертные разработки, "выпадающие из" и противоречащие национально-

стр. 64

государственной парадигме, как правило, отфильтровываются на ранних стадиях политико-управленческого цикла принятия решений, не достигая высшего политического руководства. При авторитарных и тоталитарных режимах аналитика такого рода просто не имеет права на существование, а в демократических странах она относится к маргинально-нерелевантной, практически не участвующей в реальном политическом процессе.

Будучи сформированной, национально-государственная концепция характеризуется значительной устойчивостью и способностью сохраняться (воспроизводиться) на протяжении значительных исторических периодов развития государства. Только общесистемная трансформация последнего, фундаментальные политические и

социально-экономические сдвиги в состоянии включить процессы глубокой "метаморфизации" национально-государственной парадигмы. Изменения в ней, по сути, представляют поиск и конструирование новой системы национальных интересов, а следовательно, более или менее радикальную перестройку оценочных критериев, по которым фиксируется диспозиция с другими государствами, определяется отношение к внутренним и международным проблемам.

Оценивая сравнительное соотношение национально-государственной концепции и политической экспертизы в политико-управленческом процессе, можно сказать, что аналитике принадлежит дескриптивно-экспликативная (описательно-объяснительная) роль, даже когда экспертные выводы содержат в себе отчетливое прескриптивное (предписывающее) начало. Но данное аналитическое "предписание" (практическая рецептура политического действия), прежде чем сработать спусковым крючком политического решения, должно успешно пройти через "аксиологическое сито" национально-государственной концепции. Именно последняя в конечном счете определяет, как именно следует относиться к той или иной проблеме или ситуации.

Иными словами, даже если с помощью политической экспертизы властью будет достигнуто достаточно комплексное понимание того, что представляет собой политическая проблема или как может развиваться та или иная политическая ситуация, только оценочная процедура данного знания, вынесенная за пределы экспертизы, позволяет определить вектор политического решения [Соловьев 2005, 33 - 36]

В качестве примера можно в самом общем плане рассмотреть ситуацию с поиском российским политическим руководством оптимального решения по вопросу о "допуске" американских военных баз на территорию Средней Азии осенью 2001 года. Политическая экспертиза данного вопроса должна была учитывать краткосрочные и долгосрочные цели такого присутствия, его возможные масштабы и наиболее вероятные динамические сценарии; наконец, влияние данного фактора на геополитические, социально-экономические и социокультурные позиции России в регионе.

Однако и без такой крайне сложной и в конечном счете неопределенной (многовариантной) по возможным выводам экспертизы политическому руководству было очевидно, что речь шла о территориальном перераспределении удельного системного присутствия мировых держав и достаточно серьезном усилении позиций Америки в ранее малодоступном для нее регионе мира, важном для контроля над Россией и Китаем.

Тем самым центральную роль в принятии определенного решения по данному вопросу должны были играть не данные экспертизы, которые могли только в той или иной степени точности зафиксировать значимость данного плацдарма для США, а следовательно, подтвердить грядущую цепкость в его удержании и долговременность американского военного присутствия в регионе, но понимание политическим руководством России и лично бывшим Президентом В. В. Путиным стратегического соотношения РФ и США как союзников, партнеров, политических конкурентов или антагонистов. По справедливому замечанию А. И. Соловьева, "в силу возложенной на него статусной и неформальной ответственности именно лидер выбирает область решения проблемы, формирует рамочные предпочтения, выдвигает базовые оценочные позиции, которые...и служат мерой обретений и издержек, сопутствующих тому или иному варианту решения" [Соловьев 2005, 35].

В стабильные периоды развития страны такое понимание почти автоматически закладывается национально-государственной парадигмой, наличием четко структурированной оценочной шкалы, определяющей диспозицию с отдельными странами и международными объединениями. Но специфика современной государственной политики России заключается в том, что в транзитном (переходном) состоянии вместе со страной находится и ее национально-государственная концепция международной политики.

Это значит, что по значительному числу актуальных проблем внешней и внутренней политики отсутствует стратегическая определенность, позволяющая давать четкую аксиологическую оценку (позитивно, нейтрально, негативно) всех экспертно вычисляемых последствий различных политических процессов и явлений (в нашем случае - результатов американского военного появления в Средней Азии для России).

При отсутствии такой концепции вся ответственность за принятое решение ложится на высшее политическое руководство, вынужденное в процессе реального политического процесса путем проб и ошибок "нащупывать" контуры новой устойчивой "координатной сетки", соответствующей национально-государственным интересам. Такой политический процесс в известном смысле и есть практическое конструирование парадигмы. В анализируемом нами примере из трех возможных вариантов (имеющих множество промежуточных форм и градаций) политической реакции - отрицательной, нейтральной, положительной - Кремль, как известно, выбрал последнюю, предпочитая закрепить союзнические отношения, несмотря на все достаточно очевидные практические минусы такого решения для России.

Следует, однако, оговорить, что именно в переходные периоды, связанные с деформациями национально-государственной парадигмы, роль политической экспертизы может возрастать, и она становится активной составляющей формируемой системы национальных политических ориентиров. При этом на первый план выходят идеолого-концептуальные разработки (предметная область теоретико-фундаментального политического анализа), которые в иное время выполняют несколько другую функцию в политической экспертизе, уступая центральное место практически-прикладным исследованиям. В этом отношении показательны периоды хрущевской "оттепели" и горбачевской перестройки, с каждым из которых связана ощутимая "концептуализация" и идеологизация экспертного сопровождения государственной политики.

Итак, когнитивные ресурсы политической аналитики обретают форму возможностей: с одной стороны, они ограничены уровнем человеческих знаний о социополитической реальности, а с другой - основными политическими ориентирами сложившейся национально-государственной концепции. Разумеется, оба данных системных "ограничителя" не являются абсолютными, раз и навсегда заданными величинами. Возможности политической аналитики расширяются параллельно росту сферы социогуманитарного знания. Не остается неизменной и система базовых ориентиров национального социума. Однако в каждый конкретный исторический момент и то и другое может быть близко к константе, жестко очерчивающей для аналитики поле возможностей.

Казалось бы, в таких условиях политическая экспертиза обречена на "подчиненное" положение в политико-управленческом цикле. Между тем относительно ее места и роли в политическом процессе, как было сказано выше, мнения специалистов расходятся весьма существенно.

К примеру, среди американских исследователей, анализирующих позиции национальной экспертной системы, вычлняются три основных подхода к оценке значения политической аналитики. Согласно одному, экспертиза занимает изначально подчиненную роль по отношению к органам власти, ограничиваясь информационно-техническим обслуживанием государственных (политических) деятелей. Второй трактует участие экспертов в политическом процессе как конкурентный процесс, борьбу различных аналитических центров и отдельных исследователей за "доступ" к государственной верхушке. Третий интерпретирует роль политической экспертизы с позиции теории "научной элитарности", определяя совокупность аналитиков и консультантов в качестве единого профессиональ-

стр. 66

ного сообщества, претендующего на значимую роль в политическом процессе [Макарычев 1994, 40].

Очевидно, что первая и последняя трактовки прямо противоречат друг другу, а вторая занимает промежуточное положение, не совмещаясь с крайностями. Однако сравнительный анализ обнаруживает линии пересечения и заметную взаимообусловленность данных интерпретаций. Жесткая конкуренция политической аналитики за влиятельного заказчика (вторая версия), избыточность экспертного предложения и его содержательная противоречивость являются одной из основных причин подчиненного положения аналитики в политическом процессе (первая трактовка).

Но именно такие качества, как подчиненность, избыточность, конкурентность, вынуждают политическую экспертизу внутренне структурироваться, создавая более обширные кластерные образования. Голландский исследователь П. Хаас обозначает их как "эпистемологические" сообщества, т.е. как объединения, возникающие на основе эпистемы - общего пространства знания, определенного способа восприятия и трактовки социальной и политической реальности [Хаас 1992, 3 - 17].

Однако в политически стабильных государствах в системе государственно-политической власти и ее экспертного сопровождения зачастую возникает состояние, которое немецкий политолог Г. Фогель определяет как "надпартийный национальный консенсус" [Фогель 2003, 92]. В основе такого консенсуса находится национально-государственная концепция, на которую опирается основная масса политиков и экспертов. В этом случае эпистемологические сообщества формируются на основе различий второго порядка, а в своих расхождениях касаются более или менее частных аспектов интерпретации социальной и политической реальности.

Иная ситуация складывается в транзитных обществах, находящихся в процессе жесткой трансформации и деформации политических и социально-экономических институтов. В политически активных странах таких социумов зачастую формируются две или более идеолого-концептуальные платформы, которые в известном смысле могут быть обозначены как варианты общенациональной политической концепции. Но, в отличие от национально-государственных, они являются построениями более низкого системного ранга, поскольку представляют позицию одной из частей общества или его элиты.

Вместе с тем каждая из таких платформ претендует именно на место "центральной" национальной концепции, что и предопределяет их предельно жесткую конкуренцию. Именно поэтому данные платформы и становятся основанием для формирования

местных эпистемологических сообществ, различия в интерпретационных подходах которых уходят на максимальную глубину (это расхождения системного порядка в отличие от аналогичных объединений в стабильных социумах).

Отсутствие объединяющей элиту национально-государственной концепции и надпартийного национального консенсуса ведет к структурному раздроблению экспертного сообщества (существенные противоречия обнаруживаются даже в рамках отдельных идеологических платформ), содержательному взаимоотрицанию (а не взаимодополнению) различных сегментов аналитико-консультационного сопровождения государственной власти и, как результат, обуславливает падение авторитета всего экспертного сообщества, закрепляет его исключительно подчиненное положение в структуре политико-управленческого цикла.

Все сказанное в полной мере относится и к нашей стране. Но в отношении нее следует учесть еще одно обстоятельство - значительную сформированность и прочность каркаса национально-государственной концепции советского образца, содержащего в себе элементы многовековых имперских традиций. Система такой исторической разработанности и глубины (укорененности), даже будучи "отмененной" и официально "демонтированной", обладает исключительной воспроизводимостью своих ведущих элементов, фиксируемых в том числе и в деятельности аналитико-экспертного сопровождения государственной власти.

Даже такая государственная катастрофа, как распад Советского Союза, кардинальная трансформация общественно-политического и социально-экономического строя, связан-

стр. 67

ная с решительным разворотом политического курса России, не в состоянии окончательно сломать сложившиеся в советский период экспертно-аналитические подходы.

Высокую степень инерционности политической экспертизы можно, в частности, наблюдать и в области российско-американских отношений (причем с обеих сторон). Конец холодной войны, демонтаж СССР и всей мировой системы социализма, а также особенности российского внешнеполитического курса начала 90-х гг. предполагали кардинальную трансформацию политики США в отношении Российской Федерации и соответствующие перемены в аналитико-консультационном обеспечении американской политической линии.

Между тем значительная часть американского экспертного сообщества по-прежнему оставалась настроенной к России жестко критически (причем как с правой - либеральной, так и левой социал-демократической позиции), что не могло не сказываться на конкретных политических действиях Вашингтона (при том, что тональность личных встреч руководителей двух государств в данный период была подчеркнута дружественной). См. [Блэкер 1998], [Каротерс 2002], [Трайзман 2002], [Коттрелл 2002], [Хоффман 2002]. В отличие от американской, российская внешнеполитическая концепция действительно претерпела радикальные изменения. И экспертные структуры, обслуживающие политическое руководство, учитывали в своей работе происшедшую трансформацию. Это облегчалось тем, что большая часть данных структур принимала участие в конструировании нового прозападного политического курса.

Однако инерционность экспертного сообщества в полной мере проявилась и в России.

Стоило в российско-американских отношениях наметиться первым серьезным противоречиям, как внутренние (ведомственные) аналитические структуры и значительная часть негосударственного экспертного сообщества легко реанимировали элементы старой идеологической концепции, основанной на жесткой критике американского политического курса. См. [Самуилов 2006, 34 - 44], [Панарин 2003].

Антиамериканская составляющая зачастую ощутима даже в выводах прозападно ориентированных российских экспертных структур и аналитиков (таковые, как правило, противопоставляют взвешенную демократическую политику Европы агрессивному империалистическому курсу США). См. [Уткин 2001], [Уткин 2003].

Возвращаясь к оценке места аналитики в структуре политико-управленческого цикла, можно констатировать, что, несмотря на объективную ограниченность своих эвристических возможностей, откровенное нежелание политической элиты делиться своей монополией на властные решения (это явление имеет не российский, но общемировой масштаб) и, наконец, контролирующе-сепарационную работу национально-государственной концепции, политическая экспертиза в настоящее время плотно инкорпорирована в систему политических институтов и демонстрирует тенденцию к постепенному укреплению своих позиций и своей роли в политическом управленческом процессе. Однако данная тенденция фиксируется, прежде всего, при изучении института политической экспертизы в диахронном (историческом) ракурсе. Изучение генезиса и основных векторов исторического развития данного института позволяет не только лучше представить его современное состояние, но и наметить возможные тренды его будущего развития.

ЛИТЕРАТУРА

Бжезинский 2005 - *Brzezinski Z.* The Choice: Global Domination of Global Leadership. Basic Books. N.Y., 2005.

Блэкер 1998 - *Blacker C.* Russia and the West. The New Russian Foreign Policy. N.Y. 1998.

Богатуров 2003 - *Богатуров А. Д.* и др. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М. 2003.

Даль 2003 - *Dahl R.* Modern political analysis. Englewood Cliffs. 2003.

Данн 1994 - *Dunn W.* Public Policy Analysis: An Introduction. Englewood Cliffs, 1994.

Дегтярев 2004 - *Дегтярев А. А.* Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // Полис, 2004, N 1.

стр. 68

Доган 1999 - *Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки. Политическая наука: Новые направления. М., 1999.

Каротерс 2002 - *Carothers Th.* The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. Vol. 1, N 1, 2002.

Косолапов 1994 - *Косолапов Н. А.* Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994.

Коттрелл, 2002 - *Cottrell R.* Big Money in the New Russia // The New York Review of

Books, June 13, 2002.

Макарычев 1994 - *Макарычев А. С.* Система внешнеполитического планирования и анализа: опыт США 70 - 90-х гг. // *Мировая экономика и международные отношения.* 1994, N 12.

Масленников, 2001 - *Масленников Е. В.* Экспертное знание: Интеграционный подход и его приложение в социологическом исследовании М., Наука, 2001.

Панарин 2003 - *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. М.; Алгоритм, Эксмо, 2003.

Проект 1997 - "The Statement of Guiding Principles, Project for the New American Century". 3 June 1997 - <http://www.newamericancentury.org>

Риккерт 1904 - *Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий. Спб., 1904.

Самуилов 2006 - *Самуилов С. М.* Опасная самонадеянность // *Свободная мысль.* 2006, N 3.

Сидельников 1997 - *Сидельников Ю. В.* Экспертиза: состояние и тенденции развития // *Мировая экономика и международные отношения.* М., 1997, N 2.

Симонов 2002 - *Симонов К. В.* Политический анализ. М., 2002.

Соловьев 2005 - *Соловьев А. И.* Колебательно-маятниковый механизм принятия государственных решений: к обоснованию когнитивной модели // *Полис,* N 6, 2005.

Столыпин 1991 - *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия... / Полн. собр. речей в Государственной думе, и Государственном совете. 1906 - 1911 гг. М., 1991.

Трайзман 2002 - *Treisman D.* Russia Renewed? // *Foreign Affairs,* Vol. 81, N 6 (November/December), 2002.

Уткин 2001 - *Уткин А. И.* Мировой порядок XXI века. М., Алгоритм, 2001.

Уткин 2003 - *Уткин А. И.* Единственная сверхдержава. М., Алгоритм, 2003.

Фогель 2003 - *Фогель Г.* Консультирование германской внешней политики и отношения с Россией. Pro et contra., т. 8, 2003, N 2.

Хоффман 2002 - *Hoffman D.E.* The Oligarchs: Wealth and Power in the New Russia. N-Y., Public Affairs, 2002.

Хаас 1992 - *Haas P.N.* Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // *International Organization special issue Knowledge, Power and International Policy Coordination.* 46 (1), January 1992.

Хантингтон 2004 - *Huntington S.P.* Who are we? The Challenges to America's National Identity. *International Creative Management.* Toymania, 2004.

- POLIS. Politicheskie issledovaniia
- 2004-02-29PLS-No. 001
- Size: 60.7 Kbytes .
- Pages:154-168.
- Words: 6938

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ПРИКЛАДНАЯ ДИСЦИПЛИНА: ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Автор: А. А. ДЕГТЯРЕВ

За последние полтора десятилетия России пришлось пережить целый ряд острейших социально-политических ситуаций, порожденных ошибками и просчетами в процессе принятия и реализации государственных решений (августовский "путч" 1991 г., расстрел Белого дома осенью 1993 г., дефолт 1998 г. и др.). Очевидно, что эти просчеты были в немалой степени обусловлены слабостью информационно-аналитического обеспечения высших должностных лиц. Многие публичные решения в нашей стране принимались - и принимаются - импульсивно и интуитивно, без учета их среднесрочных и долгосрочных последствий. Политический анализ пока еще не стал неотъемлемым компонентом российской государственной практики*. На первый взгляд, данное утверждение выглядит несколько неожиданным. Казалось бы, чего-чего, а дефицита "политической аналитики" российское общество не испытывает. Напротив, на него обрушивается вал различного рода политических комментариев, особенно в кризисных ситуациях, подобных военной операции США в Ираке в 2003 г., а также в преддверии выборов и в ходе самих избирательных кампаний. К цеху "политических аналитиков" относят себя телеобозреватели и колумнисты газет, имиджмейкеры и избирательные технологи, и многие другие. Но такое положение вещей как раз и заставляет усомниться в качественном уровне политической аналитики в современной России.

Чьим диагнозам и прогнозам можно доверять, а чьим нет? Что должно находиться в основании политического анализа: журналистское чутье, научные знания или опыт эксперта? Какими методологическими конструкциями оперируют ведущие аналитические центры мира? Существуют ли в зарубежной и российской политической аналитике свои направления и "школы", или же эта отрасль остается в методологическом смысле "кустарным промыслом", а в плане общественной ценности - "искусством мистификаций и манипуляций", обслуживающим интересы элитных групп и бюрократии? Потребность в более или менее четких ответах на эти вопросы и определяет прикладную значимость заявленной в настоящей статье проблематики. Но есть и другая, академическая, сторона проблемы. Она связана с необходимостью подготовки профессиональных политических аналитиков. Конечно, в нашей стране курсы по прикладному политическому анализу читаются уже не один год, в частности, на ряде факультетов МГУ (ИПК, социологическом, философском и государственного управления), а также в МГИМО МИД РФ и Московской высшей школе социальных и экономических наук. Отдельные вопросы прикладного анализа затрагиваются и в рамках общего курса прикладной политологии (например, в МГИМО МИД РФ, ВШЭ, РАГС, РУДН, МГСУ), правда, часто в синкретической комбинации с вопросами эмпирического анализа, или, попросту говоря, методами сбора и анализа дан-

---

ДЕГТЯРЕВ Андрей Алексеевич, кандидат философских наук, профессор факультета политологии МГИМО(У) МИД РФ.

* Справедливости ради надо отметить, что в последние годы в этом отношении наметились позитивные сдвиги. В лексикон отечественных политиков постепенно внедряются слова "стратегическое планирование" и

"прогнозирование", "стратегические программы" и "экспертиза". В 1999 г. по инициативе президентской администрации был создан Центр стратегических разработок (руководители - Г. Греф, Д. Мезенцев), который подготовил пакет проектов государственных реформ. Часть этих проектов получила статус государственных актов и программ, а некоторые уже претворяются в жизнь.

стр. 154

ных. С 2000 г. в реестре общепрофессиональных дисциплин по программам бакалавров, специалистов и магистров политической науки появилась отдельная графа "Политический анализ и прогнозирование", на факультете государственного управления МГУ создана кафедра политического анализа, в ВШЭ, РАГС, МГУ и ряде других университетов открыта специализация "Политический анализ и прогнозирование". Вышло несколько брошюр и учебных пособий по политическому анализу [см. Хрусталеv 1992; Яковлев 1998; Балув 2000; Лобанов 2001; Симонов 2002; Туронок 2003]. Тем не менее ситуация с преподаванием политического анализа, а также с институционализацией данной дисциплины и созданием соответствующего профессионального сообщества пока далека от благополучной, особенно по сравнению с Северной Америкой и Западной Европой, отставание от которых исчисляется уже десятилетиями [см. Gray, Jenkins 1983; Wollmann 1989; Dunn W., Mae Kelly R. 1991; Pal 1992; Smith 1999].

Основные измерения политического анализа

Благодаря средствам массовой коммуникации политические комментарии сегодня у всех на слуху. Но бывает весьма сложно отделить выверенные оценки и профессиональные рекомендации политического аналитика от обывательских рассуждений по поводу тех или иных событий либо от манипулятивных пассажей обозревателей, выполняющих корпоративный заказ. Для того чтобы преодолеть эту сложность, требуется прежде всего определить саму категорию "политический анализ".

В современной политологической литературе понятие "политический анализ" используется в трех значениях: теоретико-фундаментальном, инструментально- эмпирическом и, наконец, практически-прикладном.

Первое, *теоретико-фундаментальное*, измерение политического анализа охватывает базовые концептуальные исследования политической сферы, ее структуры и динамики [см. Дегтярев 1998]. При такой интерпретации данное понятие почти синонимично категории "фундаментальные (теоретические) политические исследования" в целом. В подобном ракурсе написаны, в частности, "Анализ политической структуры" Д. Истона [Easton 1990], "Современный политический анализ" Р. Даля [Dahl 2003] и многие другие работы классиков политологии*.

Ко второму, *инструментально-эмпирическому*, измерению относятся сбор и описание, систематизация и обработка первичных данных. Этот аспект политического анализа также приобрел институциональный характер в рамках политической науки, выделившись в особую дисциплину - "Методы и методики политологических исследований"**. В противовес теоретическому направлению, где основной аналитической единицей является "концепт", отражающий каузальные, функциональные и пр. связи "внутри" политических процессов, исходной единицей здесь выступает "данное", т.е. первичная информация о том или ином событии политической жизни. Если в первом случае главным вектором анализа предстает дедуктивный вывод, то во втором - индуктивное обобщение. Именно о таком измерении анализа идет речь, например, в учебнике американских политологов Дж.Мангейма и Р. Рича "Эмпирический политический анализ: методы исследования в политической науке" [см. Mannheim, Rich 1995] Заметим сразу же, что эмпирический анализ может обслуживать решение как теоретических, так и практических задач политики [см. White 1990; Цукерман 1995].

---

* Следует подчеркнуть, что фундаментальные разработки теоретиков политики нередко используются в качестве методологической базы прикладного анализа, как это произошло с общими теориями политической системы и рационального выбора, которые легли в основу практических исследований по оптимизации работы политиков и аналитиков [см. Easton 1990; Shepsle, Bonchek 1997].

** Иногда ее называют "Эмпирический политический анализ" (ЭПА) или "Исследовательская методология и техника политической науки".

стр. 155

В рамках третьего, *практически-прикладного*, измерения политического анализа на первый план выдвигаются не построение стройной и обоснованной теории и не сбор массива данных, а способы оценки и решения общественной проблемы для конкретного заказчика - как правило, одного из политических акторов. В прикладном политическом анализе (ППА) нередко соединяются дедукция и индукция, хотя доминирует "схватывающий картинку сразу" ретродуктивно-экспертный стиль мышления. В отличие от "теоретика", конструирующего абстрактные модели политики, и "инструментальщика", занимающегося их операционализацией на уровне эмпирических данных, "прикладник" строит рабочую модель уникальной в своем роде проблемной ситуации, заимствуя для этого концептуальные знания у первого и фактическую информацию у второго*. Поэтому превалирующей для "прикладника" является прескриптивная функция (предписание), тогда как для "теоретика" - экс-пlicative (объяснение), а для "инструментальщика" - дескриптивная (описание) (см. *табл. 1*).

Таблица 1

Соотношение основных измерений политического анализа

Параметры	Измерения		
	Фундаментальное (ФПА)	Эмпирическое (ЭПА)	Прикладное (ППА)
1. Определяющий вектор	Дедукция	Индукция	Ретродукция
2. Характер знания	Абстрактно-теоретическое	Конкретно-фактическое	Синтетико-проективное
3. Роль моделирования	Разработка концептуальных метамоделей	Операциональное использование характеристик моделей	Конструирование проблемно-ситуативных моделей
4. Основная	Концепты	Данные	Проблемы

аналитическая
единица

5. Доминирующая функция   Экспликативная   Deskриптивная   Прескриптивная

Фундаментальный уровень-политического анализа обычно ассоциируется с английским "political analysis" (анализ политики как таковой), в то время как прикладной - с "policy analysis" (анализ политического курса). Однако подобного различия заведомо недостаточно, ведь политические курсы тоже могут изучаться на фундаментальном уровне (например, в компаративном разрезе). В связи с этим весьма плодотворным представляется дополнительное разграничение, предложенное еще в 1970 г. американским политологом Г. Лассуэл-лом: фундаментальная наука ориентирована на "анализ сути политического курса" (analysis of policy), тогда как прикладная предполагает "анализ в рамках (для) политического курса" (analysis in (for) policy) [Lasswell 1970: 3].

В целом можно выделить пять базовых критериев различия фундаментального и прикладного политического знания: функциональное предназначение, роль субъекта аналитической работы, связь теории с практикой, ступени познавательной деятельности (абстрактное/конкретное), пространственно-временной континуум исследований [Дегтярев 1998: 20 - 22]. Для большей наглядности представляем эти различия в форме таблицы (см. табл. 2).

---

* В данной связи тут же приходит на ум известное бэконовское деление ученых на "пауков", "муравьев" и "пчел".

стр. 156

Таблица 2

Разграничение фундаментальных и прикладных исследований в политологии

Критерии	Фундаментальное исследование	Прикладное исследование
1. Функция	Познавательная (познание связей, механизмов, закономерностей)	Преобразовательная (использование познанных механизмов)
2. Роль субъекта анализа	Объективированная (отстраненно нейтральная)	Субъективированная (активно заинтересованная)
3. Связь теории с	Опосредованная	Непосредственная

практикой

4.	Фаза познавательного цикла	От сбора и описания эмпирических данных абстрактно-теоретическим моделям	и к конкретному синтезу практических технологиях
5.	Пространственно-временной континуум	"Мягкая" пространственная локализация и лимитированность во времени	"Жесткая" локализация в пространстве и строгая лимитированность во времени

Попробуем теперь очертить предметное поле политического анализа как прикладной дисциплины. Приступая к решению этой задачи, прежде всего целесообразно остановиться на уже имеющихся дефинициях ППА. Некоторые из них выглядят довольно курьезно. Например, согласно Д. МакРэю и Д. Уит-тингтону из университета Северной Каролины, политический анализ - это "совокупная активность, нацеленная на выбор вариантов публичной политики, рефлексия которых осуществляется на ежегодных собраниях Ассоциации политического анализа и менеджмента (АПАМ), в "Журнале политического анализа и менеджмента", а также в ходе практической деятельности аналитиков и советников" [McRae, Whittington 1997: 391]. Отсюда следует, что статьи, опубликованные в других журналах, к политическому анализу отношения не имеют, а прикладные разработки аналитиков, не входящих в АПАМ, уже должны называться как-то иначе.

Конечно, существуют и более корректные определения. Так, профессор Калифорнийского университета А. Вилдавски относит к сфере прикладного политического анализа деятельность, связанную с формулированием общественных проблем, а также с дальнейшим их разрешением [Wildavsky 1979: 3]. Сходную трактовку дает и канадский политолог Л. Пал, который квалифицирует ППА как "направленное применение интеллекта к решению публичных проблем" [Pal 1992: 16]. В свою очередь, профессора Стрэтчклайдского университета Б. Хогвуд и Л. Ганн видят в нем отрасль социальной науки, которая носит прескриптивный характер и сосредоточена на прикладных исследованиях, ориентированных на конкретную проблему клиента и планирование его политической деятельности [Hogwood, Gunn 1984: 29]. В некоторых случаях ППА интерпретируется в качестве практической дисциплины, нацеленной "на глубокое проникновение в социотехнические вопросы и поиск приемлемых для них решений" [Quade 1989: 4]. В "Блеквеллской энциклопедии политической науки" политический анализ определяется как "'искусство социального инжиниринга', затрагивающего содержание, продвижение и результаты проектов действий, которые разрабатываются для преодоления публичных проблем" [Blackwell Encyclopedia 1996: 432].

Очевидно, что ни одна из приведенных дефиниций не охватывает феномена политического анализа во всей его полноте. Гораздо более комплексным выглядит определение, сформулированное профессором Питсбургского университета У. Данном. В интерпретации Данна, политический анализ есть "интеллектуальная и практическая деятельность по

кладная социальная дисциплина, в которой применяются многообразные методы исследования... с тем, чтобы производить, критически оценивать и обмениваться релевантной в практически-политическом отношении информацией" [Dunn 1994: 29, 84]. Иными словами, ППА имеет дескриптивный и нормативный аспекты и включает в себя экспертную и научно-прикладную деятельность по производству конкретных управленческих знаний на основе сбора и соответствующей оценки эмпирической информации. Однако и эта дефиниция не отражает всех аспектов политико-аналитической работы.

На наш взгляд, отсутствие действительно исчерпывающих определений ППА обусловлено необычайной многомерностью и синтетичностью данного направления политических исследований. На это обращали внимание еще основатели современной американской школы политической аналитики А. Вилдавски и Э. Квейд, старавшиеся уйти от законченных формулировок. "Не ставьте вопроса: что есть политический анализ?" - писал, в частности, Вилдавски и добавлял: "Вернее поставить его так: какой анализ следует провести?" [Wildavsky 1979: 398]. Тем самым исследователь, по сути, указывал на то, что предметное поле ППА формируют не только объект и метод исследования, как в других разделах политической науки, но и "проблемный угол зрения" аналитика, обусловленный, в свою очередь, потребностями заказчика.

Еще более четко формулирует эту проблему Квейд, который считает, что очертить предметное поле ППА можно лишь определив, "чем политический анализ не является". Прежде всего, по мнению Квейда, политический анализ не является точной наукой, поскольку вместо поиска научной истины аналитик занимается обеспечением оптимального выбора для лица, принимающего решение. Кроме того, аналитические выкладки нередко дают эффективные результаты даже при отсутствии полного научного обоснования рекомендаций. Далее, политический анализ не есть панацея от всех просчетов при принятии решений и проведении государственной политики, сколь бы квалифицированной ни была работа собственно аналитика. И, наконец, политический анализ не может быть средством реализации интеллектуальных воззрений аналитика, ибо для того, чтобы беспристрастно оценить все стороны возникшей перед клиентом проблемы, требуются нейтральность и непредубежденность [Quade 1989: 27].

Несмотря на все вышесказанное, мы все-таки рискнем предложить собственное - рабочее - определение ППА, так как без этого нельзя продвинуться в понимании самого феномена. *Прикладной политический анализ есть политико-управленческая наука, предполагающая интегративно- синтетическое использование мультидисциплинарной системы знаний и ориентированная на разработку общих принципов и специальных методов моделирования, диагностики, прогнозирования проблемно-политических ситуаций и формулирование практических рекомендаций при подготовке, принятии и реализации публичных решений.*

Генезис профессиональной области и становление специальной дисциплины

Появление ППА как особой дисциплины принято датировать серединой XX в. Но сама политическая аналитика имеет гораздо более длительную историю. Ее истоки восходят, вероятно, еще к эпохе протогосударственных образований, когда стали складываться особые функции управления и специализированный административный аппарат.

Первоначально такого рода "политические навыки" формировались на базе практического опыта, методом проб и ошибок, и транслировались через обычаи и традиции. Позднее, с усложнением социальной организации и повышением комплексности государственного управления, возникают особые касты жрецов и страты советников - носителей политико-управленческого знания (во многом тогда тайного и эзотерического).

По справедливому замечанию Б. Н. Чичерина, политическая мысль долгое время развивалась не в форме науки, а как "практическое искусство". В ранних произведениях политической мысли явно доминируют прикладные вопро-

стр. 158

сы государственного управления. Среди древнейших сводов политических правил и рецептов для правителей следует, в первую очередь, упомянуть "Артха-шастру" (Наставление о пользе), написанную советником индийского царя Чандрагупты брахманом Каутилей, и "Шан Цзюнь Шу" (Книга правителя области Шан) древнекитайского философа и государственного деятеля Шан Яна (IV - III в. до н.э.). Немалую лепту в общий багаж прикладных политических идей внесли мыслители Древней Греции - Платон и Аристотель. Первый из них пытался консультировать (правда, не слишком успешно) правителей Сиракуз, а второй был воспитателем и наставником Александра Македонского.

В средние века в качестве советников при дворах феодальных государей выступали преимущественно духовные лица, но с началом эпохи Возрождения стала возрастать и роль светских "консультантов". Наиболее ярким свидетельством прагматизации политического знания являются работы государственного секретаря Флоренции Н. Макиавелли, отказавшегося от теологически-морализаторской схемы обоснования политических решений и действий в пользу рационально-прагматической*. И все же главный "прорыв" в этой сфере приходится уже на эпоху промышленной революции.

Как считают некоторые специалисты по истории прикладной политической мысли, этот "прорыв" был обусловлен не столько "естественным" прогрессом социальных знаний, сколько усложнением общественной организации и государственного управления [Dunn 1994: 42]. Вызовы эпохи, связанные с индустриализацией, урбанизацией, массовыми миграциями населения и т.п., требовали более точных, чем ранее, политико-управленческих решений, основанных на достоверной экономической и социальной информации, что дало мощный толчок развитию эмпирических и статистических методов анализа**. На рубеже XVIII и XIX вв. в ряде стран проводятся первые переписи населения (в США - в 1790 г., в Англии - в 1801 г.). Ученые-статистики начинают привлекаться в качестве советников правительств по вопросам социальной и экономической политики***. К концу XIX столетия представление о том, что традиционная политическая аргументация должна подкрепляться эмпирическими данными, стало доминирующим.

В XX в. развитие прикладного политического анализа вступает в новую фазу. Начинается его постепенная профессионализация (а со второй половины века - и институционализация). В экспертной среде, в основном вокруг университетов, складывается сообщество профессоров, занимающихся прикладными социальными науками, и практикующих политических аналитиков, многие из которых также вышли из университетских кругов. Наиболее наглядно эту смычку политической теории с государственной практикой иллюстрирует, пожалуй, президент США В. Вильсон, начинавший свою карьеру в качестве профессора политической науки и государственного управления Гарвардского университета. Среди других университетских профессоров, принимавших активное участие в государственной деятельности, можно упомянуть Р.

Гильфердинга (Германия), Й. Шумпетера и О. Бауэра (Австрия), Б. Чичерина и П. Сорокина (Россия).

На протяжении практически всего XX столетия "законодателями моды" в области ППА выступали Соединенные Штаты, где "спрос" на аналитическую продукцию органично сочетался с "предложением". Еще в годы Нового курса Ф. Рузвельта в стране появилось несколько государственных агентств, при-

---

* В XVII в., в период правления Алексея Михайловича, свой славянский "Макиавелли" появился и в России. Речь идет о Ю. Крижаниче (ок. 1618 - 1683), авторе трактата "Политика". Показательно, что под политикой Крижанич понимал "науку о королевской мудрости", практическое искусство государственного мышления и управления.

** О необходимости аналитического применения в государственном управлении так наз. "политической арифметики" (state arithmetics), которая давала бы надежные статистические и демографические данные о состоянии страны и ее населения, еще в конце XVII в. писал английский экономист В. Петти.

*** Данную функцию выполнял, в частности, известный бельгийский математик и статистик А. Кетле (1796 - 1874).

стр. 159

званных обеспечивать интеллектуальное обоснование отдельных направлений государственной политики (Национальный Совет по планированию ресурсов, Федеральная жилищная комиссия, Администрация общественных работ и пр.). С началом второй мировой войны резко возрос интерес к аналитическим разработкам в области военного планирования и управления (так наз. исследования операций и сетевые планы-графики), а также военно- политической пропаганды и манипулирования общественным сознанием*.

Но наиболее бурно политическая аналитика стала развиваться в США в послевоенный период, что в немалой степени было обусловлено ядерным противостоянием с СССР. В стране начинают создаваться негосударственные аналитические центры - "мозговые тресты" (brain trusts) и "фабрики мысли" (think tanks). В 1948 г. была учреждена "РЭНД Корпорэйшн", которая сразу же получила заказ от Министерства военно-воздушных сил на разработку ряда оборонных проектов**. Чуть позднее возникли Институт Брукинга, Фонд наследия, Институт урбанистики и др. В итоге к концу 1960-х годов в США сложилась целая индустрия частного ППА, которая внесла весомый вклад в создание политико-аналитического инструментария. Чтобы проиллюстрировать этот тезис, достаточно упомянуть такие аналитические разработки "РЭНД Корпорэйшн", как методика "программирование - планирование - бюджетирование" (PPBS - "Programming - Planning - Budgeting System"), система групповой и итеративной экспертной оценки Дельфи, а также пакет аналитических методик "издержки-выгоды" (cost-benefit analysis) и "издержки-эффективность" (cost-effectiveness analysis), включающий набор стандартных инструментов оценки эффективности политических программ и решений, акций и их результатов.

Слабой стороной "анализацентристского течения" (analycentric movement) был ярко выраженный технократизм [см. Вилдавски 2003; Дроп 2003]. В негосударственные аналитические центры, помимо специалистов по социальным наукам, пришло немало математиков, системщиков, инженеров, которые привнесли в политический анализ не только методы и технику строгого формализованного исследования, но и характерный для этих областей научного знания стиль мышления. Понятие "анализ" трактовалось технократами в буквальном смысле, т.е. как декомпозиция, или разбиение целостного общественного объекта на отдельные компоненты. Это означало практически полный отказ от использования в аналитической работе ценностных и моральных критериев, а также

игнорирование социально-политической среды управленческой деятельности. В то же время определенным противовесом "анализникам-технократам" в профессиональном сообществе служили "гуманитарии-академики", делавшие упор на аксиологические и этические принципы политической диагностики.

Официальный отчет институциональной истории политического анализа в США многие политологи начинают с 1951 г., когда вышла в свет коллективная работа под редакцией ПЛассуэлла и Д. Лернера, давшая старт так наз. "политико-управленческому движению" (policy movement) [см. Dunn, Mae Kelly 1991; Parsons 1995] Во вводной статье к монографии Лассуэлл поставил перед упомянутым движением двуединую задачу: способствовать повышению эффективности публичных решений и одновременно развивать и внедрять в практику демократические принципы и гуманистические ценности [Lasswell, Lerner 1951]. Иными словами, речь шла о придании политической науке прагматической и прикладной направленности путем соединения демократической теории с управленческой практикой.

В 1960 - 1970-е годы происходит институционализация политического анализа как университетской дисциплины. С конца 1960-х годов сперва в Кали-

---

* В этой сфере в военное время работали, например, такие ведущие американские политологи, как ГЛассуэлл и Г. Алмонд.

** Стоит отметить, что именно в "РЭНДе" были подготовлены первые в мире учебные пособия по политическому анализу [см. Квейд 1969; Quade 1989].

форнийском (Беркли), а затем в других ведущих американских университетах создаются специализированные курсы и программы по прикладному политическому анализу, начинается подготовка магистров и докторов по данной специальности. Одновременно набирает силу и другой, не менее важный процесс - превращение политического анализа в особую профессиональную сферу. В государственных органах федерального, регионального и муниципального уровней формируются (или расширяются) аналитические подразделения, в их штатных расписаниях появляется стандартная единица "аналитик" (analyst).

Как известно, важнейшей составляющей институционализации научной дисциплины является образование профессионального сообщества, создание специализированных журналов и профессиональных ассоциаций. Этот процесс разворачивается в США в 1970 - 1980-е годы. Появляется ряд журналов, ориентированных на политико-управленческую проблематику вообще и на вопросы прикладного политического анализа, в частности, - "Policy Sciences", "Policy Studies Journal", "Policy Studies Review", "Journal of Policy Analysis and Management" и др.* Формируются профессиональные ассоциации аналитиков - Организация политико-управленческих исследований (Policy Studies Organization), объединившая в основном политологов, и междисциплинарная Ассоциация политического анализа и менеджмента (Association of Public Policy Analysis and Management), в состав которой в настоящее время входят более 2 тыс. практикующих аналитиков и университетских ученых.

В Европе процесс институционализации политического анализа шел менее бурно, чем в США. Неодинаковыми были и темпы его развертывания в отдельных странах. По заключению немецкого политолога Х. Воллманна, они зависели от четырех факторов: (1) уровня "спроса" со стороны правительства на аналитическую продукцию, (2) исторически сложившихся организационных моделей и регламентов в органах государственного управления, (3) взглядов и установок политической элиты и (4) способности и готовности сообщества ученых-обществоведов включиться в аналитическую работу [см. Wollman 1989: 223]**. Весьма показателен в этом отношении пример Великобритании, где с приходом к

власти правительства М. Тэтчер сразу же стали свертываться программы по государственному планированию и экспертизе, а в 1983 г. была ликвидирована Центральная служба политического оценивания (Central Policy Review Staff) [Gray, Genkins 1983: 429].

В целом основное становление ППА как академической дисциплины приходится в европейских странах на 1980 годы [см. Wollmann 1989; Smith 1999]. Именно в этот период в той же Великобритании появляются университетские курсы по политическому анализу, в ряде университетов (Бирмингема, Бристоль, Стрэтчклайда, Лондона и др.) создаются специальные программы по государственному управлению. Уникальный опыт интеграции академической науки и практической политики и применения политического анализа в муниципальном менеджменте накоплен в Университете Уоррика. Наряду с созданием типовой программы по подготовке магистров государственного управления, там был образован Консорциум местного самоуправления, куда вошли университетский Центр муниципального управления, состоящий из аналитиков и экспертов, и около 40 муниципалитетов, которые финансируют проводимые им экспертно-аналитические работы. Однако отставание от США так до конца и не преодолено.

Что касается России, то здесь ситуация со становлением ППА как особой профессиональной сферы выглядит весьма неоднозначной [см. Амелин, Дегтярев 1998]. С одной стороны, некоторый прогресс в этом отношении наличен: в государственных органах появились аналитические подразделения [см. Кривов

---

* На сегодняшний день в Америке издается свыше 400 журналов данного профиля.

** Примерно в том же ключе рассуждают о национальных особенностях институционального оформления политического анализа английские политологи Хогвуд и Ганн [см. Hogwood, Gunn 1984].

1996; Марков 1999], возникло множество независимых аналитических центров [см. Мейер 1994; Struyk 1999; Сунгуров 2002], периодически выходят информационно-аналитические бюллетени, проводятся семинары и "круглые столы" (к примеру, научно-практический семинар "Политая" [Салмин 2001]). С другой - методологический уровень и качество прикладных разработок часто остаются ниже всякой критики. Как справедливо отмечают сами аналитики, "на деле 'русских РЭНД Корпорейшн' пока не создано" [Федоров и др. 2002: 6].

Особенности методологии и методики прикладного анализа политики

Для того чтобы лучше и глубже понять природу ППА, необходимо остановиться на его *методологических особенностях*. Вначале рассмотрим наиболее общие характеристики данной дисциплины, выделяющие ее среди других социальных наук. К их числу относятся: (1) клиент-проблемная ориентация, (2) гетерогенность концептуально-методологической базы, (3) инструментальный мультиплицизм, (4) соединение эмпирического и нормативного подходов.

Клиент-проблемная ориентация. Несмотря на наличие пограничных областей*, традиционные социальные науки - социология, политология, психология, экономика - обладают четко отграниченными предметными областями, исследовательскими объектами и методами, научными школами и теориями. В политическом анализе подобного рода "мануфактурно-цеховая" специализация просто невозможна - в силу как многомерности изучаемых проблем, так и самой организации прикладного исследования. Скажем, если при решении такой комплексной проблемы, как обоснование жилищно-коммунальной реформы, исходить из традиционного разделения предметов социальных наук, то дело

может растянуться если не на десятилетия, то на многие годы. Нужно будет создать исследовательский коллектив из экономистов, инженеров, социологов, урбанистов и политологов, которые поделят проблему ЖКХ на исследовательские сегменты и должны будут при этом согласовать свои концепции, понятия и методы. На все эти довольно длинные и сложные операции обычно нет ни времени, ни ресурсов, особенно если учесть, что заказчику нужен не многотомный монографический труд, а конкретные выводы и практические рекомендации.

Гетерогенность концептуально-методологической базы. Как и любая другая прикладная дисциплина, политический анализ довольно "космополитичен" в отношении концептуальных подходов и принципов, заимствуя их из самых разных социальных, гуманитарных и даже естественных наук [Дегтярев 2002: 115 - 116]. Во многом это связано с самим объектом исследования, который необходимо препарировать сразу в нескольких предметных плоскостях [см. McCall 1994]. Например, чтобы проанализировать всю совокупность последствий для российской политики американской военной кампании в Ираке в 2003 г., нужно привлечь концептуальные знания из теории международных отношений, международной экономики, военной науки, социологии, истории, психологии, статистики и т.д.

По справедливому замечанию Дана, методология политического анализа складывается из элементов множества дисциплин: политической науки, социологии, психологии, экономики и философии [Dunn 1994: 2]. Возьмем, к примеру, теорию функционирования политической системы Д. Истона, которая легла в фундамент моделей политико-управленческого цикла и фаз аналитической работы. Понятийный аппарат современного политического анализа - исследование "входов" (input studies), "выходов" (output studies), "конверсии", содержания политического курса и процесса принятия решений (studies of policy content and process), "обратной связи" (evaluation studies) и т.д. - сформировался на основе системной теории [Hogwood, Gunn 1984: 26]. Философии

---

* Так, изучением макроэкономической политики занимаются и политологи, и экономисты, а политическое поведение входит в сферу интересов как политологии, так и психологии.

политический анализ обязан эпистемологической концепцией "решения проблем" (Дж.Дьюи), а также принципами этики, вошедшими во многие учебные пособия и кодексы практикующих аналитиков [см. Дегтярев 2002].

Инструментальный мультиплицизм. Определяя методологию современного политического анализа как критический мультиплицизм, У. Данн отмечает, что "основной методологической установкой критического мультиплицизма выступает принцип триангуляции, согласно которому аналитики, стремящиеся углубить политически релевантное знание, должны использовать множество измерений, методов, инструментов, источников информации и средств коммуникации" [Dunn 1994: 6]. По мнению Данна, потребность в многомерных принципах, подходах и инструментарии обусловлена все большей комплексностью общественно-политических проблем, а также усложнением процесса принятия решений, в котором сегодня участвуют (по крайней мере в демократических странах) не только государственные акторы, но и группы давления, общественные объединения и местные сообщества, и т.д. С точки зрения исследовательского инструментария ППА предстает практически "всеядным", готовым

использовать любые методы, пригодные для работы. Частично такая "всеядность" обусловлена тем, что в первые десятилетия становления дисциплины она, как уже упоминалось, интегрировала в себя представителей самых разных областей знания: математиков и психологов, политологов и экономистов, управленцев и инженеров. Например, анализ "издержки-выгоды" и "издержки-эффективность" заимствован из экономической науки, такие экспертные методы, как синектика, Дельфи, Метаплан, разработаны психологами, "ивент-анализ" привнесли политологи, из социологии был взят практически весь арсенал количественных и качественных методов (интервью, контент-анализ, анкетный опрос и т.д.), а из военной науки - методы исследования операций и сетевого планирования. Поэтому политический аналитик-прикладник абсолютно свободен в выборе методов и комбинировании их при построении своей методологии и методики.

Соединение эмпирического и нормативного подходов. Чтобы сформулировать рекомендации заинтересованному заказчику, аналитик должен не только описать, объяснить и предсказать развитие политических событий, но и дать им оценку, опираясь на определенные ценностные критерии [см. Хрусталева 2003]. Поэтому, в отличие от фундаментальных наук, где эти подходы часто разводятся, в ППА эмпирический подход (отвечающий на вопросы: что происходит и будет происходить?) неизбежно сочетается с нормативным (в рамках которого ищутся ответы на вопросы: станет ли от этого хуже или лучше и что нужно дальше делать?) [Dunn 1994: 62].

Теперь пришло время определиться со значениями понятий "методология", "метод" и "методика" применительно к прикладным исследованиям политики*. Категория "*методология политического анализа*" указывает на метатеоретический уровень прикладного исследования, который в широком смысле включает в себя, с одной стороны, совокупность подходов и моделей, принципов и методов, а с другой - пути и способы их применения. Иными словами, она охватывает собой стандарты и процедуры отбора общих принципов и подходов для рационального исследования типовых проблем и эффективного решения практических задач [Dunn 1994: 14]. Например, при разработке методологии организационной диагностики часто используют неинституционализм, открывающий широкие возможности для оценки "внутренней среды" той или иной государственной структуры, сочетая его с так наз. экологической моделью, помогающей в изучении ее "внешней среды" и основанной на системном подходе. Затем подбираются адекватные указанным подходам методы - анализ нормативных документов (неинституционализм) и экспертный метод SWOT-анализа (системный подход). Методология аналитической

---

* О трактовках данных категорий в политической науке в целом см. Боришполец 1998; Дегтярев 1998.

работы, таким образом, ответственна за общие принципы построения алгоритмов прикладного исследования политического процесса.

Под *методом ППА*, в свою очередь, понимается типовой инструмент или прием аналитической работы, позволяющий приобретать и обрабатывать релевантную в практически-политическом отношении информацию. При исследовании политико-управленческого процесса применяются самые разнообразные методы, нередко перекрывающие и взаимодополняющие друг друга. Так, при прогнозировании развития предвыборной ситуации могут использоваться трендовый метод, экспертная оценка Дельфи или сценарное конструирование. В отличие от "теоретиков" и "инструментальщиков", при отборе методов исследования аналитик исходит из их адекватности не только поставленным задачам и методологическому подходу, но и имеющимся ресурсам (время, финансы, информация и др.), причем последнее соображение нередко оказывается решающим.

Наконец, *методический уровень* аналитической работы нацелен на конструирование комбинации методов и процедур для решения конкретной задачи, а также на определение последовательности и сопряженности их применения, т.е. системы исследовательских этапов и операций. По сути дела, речь идет о "материализации" общей методологической канвы (принципов, подходов, критериев, полученных на методологическом уровне, под которые отобраны соответствующие методы и инструменты) в конкретную схему прикладного исследования, где на разных этапах и при различных комбинациях методов проводятся операции по сбору, переработке и производству политически релевантной информации.

Помимо трех указанных понятий в ППА нередко употребляются термины "программа" и "техника". В первом случае, как правило, имеется в виду отдельный (а порой - уникальный) случай исследования аналитиком некоего политического объекта. Конечно, программы конкретных прикладных исследований зачастую полностью (или почти полностью) воспроизводят типовые для данного вида объектов методологию и методику анализа. Но в их основе может лежать также оригинальная методология или комбинация различных методик. Как бы то ни было, программа прикладного политического исследования всегда связана со спецификой стоящей перед исследователем задачи, которая неизбежно обладает неповторимыми чертами, обусловленными местом и временем, субъектом и объектом анализа.

Что же касается техники ППА, то под ней обычно понимают детальные и специализированные процедуры и операции, которые раскрывают способы применения тех или иных методов анализа, т.е. своего рода "методы применения методов". Например, при использовании метода анализа временных рядов (*time-series analysis*) не обойтись без корреляционных и регрессионных приемов, а для раскрытия потенциала аналитического метода "издержки- выгоды" нужны такие специфические процедуры, как перерасчет издержек и выгод по отношению к их текущей стоимости и калькуляция ставок внутренней отдачи от реализации конкретных государственных программ [Dunn 1994: 14]. Иными словами, образуется своего рода "матрешка": методологические подходы обеспечиваются совокупностью типовых методов, для обеспечения которых, в свою очередь, требуется множество чисто технических инструментов.

Завершая рассмотрение дисциплинарных особенностей ППА, необходимо сказать несколько слов о современных методологических дискуссиях в кругах специалистов по политическому анализу. Содержание этих дискуссий во многом определяется противостоянием между адептами так наз. R-методологии, т.е. традиционного для нынешней политологической практики позитивистского подхода, опирающегося на принципы научной объективности и (главным образом) точные, количественные методы, с одной стороны, и приверженцами постпозитивистской Q-методологии, которая строится на принципах ценностного критицизма и предполагает учет субъективных факторов и активное использование, наряду с математическими, качественных методов - с

другой. В настоящий момент позитивистская R-методология все еще является доминирующей. Как отмечает американский политолог Д. Дернинг, "образовался реальный разрыв между теоретиками постпозитивизма и учеными, которые проводят политико-аналитические исследования на основе методов социального позитивизма. Именно последние пишут учебники... создают фильтры при подготовке публикаций и конференций, определяющие, кто получит официальное разрешение на озвучивание своих взглядов

внутри дисциплины, читают курсы студентам, собирающимися стать политическими аналитиками, а также устанавливают стандартные нормы для практики аналитической работы" [Durning 1999: 390].

Направления и типы прикладного политического анализа

Последний (по счету, но не по значению) вопрос, на котором мы хотели остановиться в настоящей статье, касается внутренней структуры ППА. Известно несколько подходов к ее оценке, однако, суммируя, их можно свести к трем важнейшим. В первом случае структурирование предметного поля дисциплины осуществляется на основании такого критерия, как функциональные задачи и фазы политико-аналитической деятельности; во втором - в соответствии со сферами и объектами политического анализа; в третьем - исходя из методологии эксперта и используемого им инструментария.

Сторонники *первого подхода* обычно выделяют следующие направления политического анализа: моделирование и структурирование проблемной ситуации, сбор данных и их дескриптивный анализ, ситуационная диагностика, прогнозирование тенденций политического развития, разработка управленческих рекомендаций и, наконец, оценка результатов политической деятельности [см. Дегтярев 2000, 2002; Bardach 2001]. Вместе с тем здесь возможны различные варианты классификации. Так, например, Данн пишет о пяти функционально-процедурных типах ППА (структурирование проблемы, прогнозирование ситуации, разработка рекомендаций, мониторинг акций и оценка их результатов) [Dunn 1994: 14 - 19], а Хогвуд и Ганн - о трех (исследование "входов", "содержания" и "выходов" политического процесса) [Hogwood, Gunn 1984: 26]. При подобном подходе можно говорить о складывании внутри ППА таких относительно самостоятельных областей, как "определение проблем" (problem definition) [см. Dery 1984], "политическое прогнозирование" (policy forecasting) [см. Хогвуд, Ганн 1994; Dunn 1994], анализ "решений" (decision analysis) [см. Golub 1997] и "результатов политики" (impact analysis) [см. Pal 1992], а также "политическое планирование" (policy planning) [см. Patton, Sawicki 1993; Макарычев 1994; Weimer, Vining 1999].

Примером *второго подхода* к определению внутренней структуры ППА может служить "Энциклопедия политико-управленческих исследований", где различные сферы государственного управления - политико-институциональная (внешняя, оборонная, электоральная и др. политика), экономическая (налоги, аграрная и бюджетная политика и т.д.), социальная (бедность, преступность, образование и пр.) и научно-техническая (технологии, энергетика и т.п.) - выделены в особые разделы [см. Nagel 1994]. Еще более детальное членение предметного поля дисциплины предлагают американские политологи Мангейм и Рич, которые относят к самостоятельным типам ППА анализ взаимосвязей, поведения, институтов, процессов и программ [см. Мангейм, Рич 1991]. Показательно, что в настоящее время от политического анализа постепенно начинают "отпочковываться" различные отраслевые субдисциплины - внешнеполитический анализ [см. Тюлин 1991; Neak et al. 1995; Косолапое 1999], анализ бюджетной [см. Сунгуров 2001], экономической [Weimer, Vining 1999; Bickers, Williams 2001], образовательной [см. Dunn et al. 1988; Фрумин 2002], электоральной [см. Бунин 1998; Федоров и др. 2002] и военной [см. Квейд 1969] политики.

В рамках *третьего подхода* прикладные исследования, как правило, классифицируются в соответствии с методологическими школами, доминирующи-

ми в социальной и политической науке (системные, рационального выбора, неоинституциональные, бихевиоралистские) [см. Тюлин 1992; Цукерман 1995; Bickers, Williams 2001], либо с исследовательскими методами ("ивент-анализ", "риск-анализ", "политический маркетинг", "оценочные исследования" (evaluation studies) и т.д. [см. Султанов 1992; Rossi, Freeman 1993; Коноплин, Лобанов 1995; Миллер 1997; Сидельников 1997; Боришполец 1998; Дегтярев 1998] Вместе с тем в последнее время в основу такой классификации все чаще кладется отмеченное выше деление на R- и Q-методологию, тем более что оно непосредственно влияет на соотношение в исследовании количественных [см. Gupta 2001] и качественных методов [см. Guess, Farnham 1989].

Разумеется, описанные варианты не исчерпывают всей палитры типологий ППА. Так, в частности, весьма интересным представляется предложение Данна подразделять аналитические разработки на "перспективные" (которые предшествуют политическим действиям); "ретроспективные" (где дается оценка уже состоявшимся акциям), и "интегрированные" (включающие в себя анализ прошлого, настоящего и будущего состояний политического процесса). Последнюю "форму анализа" ученый считает наиболее плодотворной, ибо в ней, по его мнению, соединены все сильные стороны перспективного и ретроспективного анализа [Dunn 1994: 75, 335].

* * *

В заключение мы хотели бы еще раз вернуться к вопросу о нынешнем состоянии политического анализа в России. Как уже говорилось, с точки зрения развития и институционализации данной отрасли знания наша страна серьезно отстала от Европы и США. Чтобы приблизиться к их уровню, российским политическим аналитикам необходимо решить триединую задачу: избавиться от дисциплинарного синкретизма, преодолеть сохраняющийся разрыв между академической наукой и практической политикой и создать профессиональное сообщество со своими правилами и стандартами.

После принятия нового Госстандарта по политической науке политический анализ, казалось бы, приобрел статус самостоятельной университетской дисциплины*. Но и сегодня в состав этой дисциплины, помимо собственно "прикладного политического анализа", входит и такая самостоятельная по отношению к ней область, как "методы сбора и анализа данных". Еще хуже обстоит дело с внутриотраслевой специализацией, хотя во многих университетах мира уже давно читаются курсы по отдельным направлениям ППА (анализ экономической, социальной, культурной, образовательной, оборонной и экологической политики, внешнеполитический и организационно- институциональный анализ и т.п.).

Важнейшим условием ускоренного развития ППА является установление тесных связей между университетскими преподавателями и практикующими аналитиками из государственных учреждений и независимых экспертно- аналитических центров. Практикующие аналитики должны активнее использовать модели и методы, разработанные в академических учреждениях, а университетские преподаватели - участвовать в прикладных исследованиях по заказам различных политических организаций.

Но наиболее остро стоит проблема *формирования профессионального сообщества* политических аналитиков. Без такого сообщества невозможно ни полноценное развитие дисциплины, ни эффективное влияние специалистов на реальные политические процессы. Лишь оно в состоянии выработать свой корпоративный кодекс и четкие критерии качества исследований и аргументации, без которых трудно отличить профессиональный политический анализ от мистификаций, направленных на манипулирование общественным мнением.

---

* В Госстандарте 1994 г. он был объединен с теорией принятия решений, политическим менеджментом и консалтингом в рамках некоей общей метанауки "Прикладная политология", по сути дела охватившей весь комплекс политико- управленческих дисциплин (policy sciences).

стр. 166

Чтобы добиться реального прогресса на этом пути, требуется объединение усилий всех отечественных специалистов по прикладному политическому анализу. Необходимо осуществлять публикацию аналитических статей и докладов, регулярно проводить семинары и конференции, но самое главное - создать отраслевое объединение политических аналитиков и наладить выпуск специализированного журнала. Кое-что в этом отношении уже сделано - на III Всероссийском конгрессе политологов (2003 г.) образован отраслевой комитет РАПН по политическому анализу, на базе факультета прикладной политологии ВШЭ начал работу Московский городской семинар по политической аналитике, и т.д. Но все же основная работа у цеха российских политических аналитиков еще впереди.

- Амелин В. Н., Дегтярев А. А. 1998. Опыт развития прикладной политологии в России. - *Полис*, N 3.
- Балуев Д. Г. 2000. *Введение в политический анализ*. Нижний Новгород.
- Боришполец К. П. 1998. Методы, методики и процедуры прикладного анализа международных отношений. - Цыганков П. А. (ред.) *Международные отношения: социологические подходы*. М.
- Бунин И. М. (ред.) 1998. Политическое развитие Российской Федерации в 1999 году. - *Полития*, N 2.
- Вилдавски А. 2003. Спасая политический анализ от системы "планирование - программирование - бюджетирование". - Шафритц Дж., Хайд А. (ред.) *Классики теории государственного управления: Американская школа*. М.
- Дегтярев А. А. 1998. *Основы политической теории*. М.
- Дегтярев А. А. 2000. Прикладной политический анализ. - *Справочник слушателя МВШСЭН. Факультет политической науки*. М.
- Дегтярев А. А. 2002. Теория принятия политических решений в структуре социальных и управленческих дисциплин. - *Полис*, N 2.
- Дрор Й. 2003. Политический аналитик: Новая профессия на службе у государства. - Шафритц Дж., Хайд А. (ред.) *Классики теории государственного управления: Американская школа*. М.
- Квейд Э. 1969. *Анализ сложных систем (Методология анализа при подготовке военных решений)*. М.
- Коноплин Ю. С., Лобанов В. В. 1995. *Маркетинговый анализ политического имиджа и политического товара*. М.
- Косолапов Н. А. 1999. Анализ внешней политики: Основные направления исследований. - *МЭиМО*, N 2.
- Кривов В. 1996. Информационно-аналитическое обеспечение органов государственной власти: Некоторые вопросы совершенствования. - *Власть*, N 1.
- Лобанов В. В. 2001. *Анализ государственной политики*. М.
- Макарычев А. С. 1994. Система внешнеполитического планирования и анализа: Опыт США 70 - 90-х годов. - *МЭиМО*, N 12.
- Мангейм Дж., Рич Р. 1991. Анализ общественной политики и оценка программ. - *Полис*, N

3.

- Марков С. А. 1999. Политические профессии. - *Полития*, N 2.
- Мейер М. 1994. Аналитические центры в системе российской демократии. - *Пределы власти*, N 1.
- Миллер Д. 1998. Анализ по критерию "затраты-выгоды". - Батчиков С. А., Глазьев С.Ю. (ред.) *Эффективность государственного управления*. М.
- Салмин А. М. (ред.) 2001. *Российская полития на рубеже веков: К десятилетию Фонда "Российский общественно-политический центр"*. М.
- Сидельников Э. 1997. Экспертиза: Состояние и тенденции развития. - *МЭиМО*, N 2.
- Симонов К. В. 2002. *Политический анализ*. М.
- Султанов Ш. З. (ред.) 1992. *Политический риск: Анализ, оценка, прогнозирование, управление*. М.
- Сунгуров А. Ю. (ред.). 2001. *Прикладной бюджетный анализ*. СПб.
- Сунгуров А. Ю. (ред.) 2002 *"Фабрики мысли" и центры публичной политики: Международный и первый российский опыт*. СПб.
- Турунок С. Г. 2003. *Политический анализ (Курс лекций)*. М.
- Тюлин И. Г. (ред.) 1991. *Системный подход: Анализ и прогнозирование международных отношений (Опыт прикладных исследований)*. М.
- Федоров В., Симонов К., Цуладзе А. 2002. *Российская политическая аналитика: первые десять лет. - Механизмы власти: 10 лет политической аналитики*. М.
- Фруммин И. Д. 2002. *Образовательная политика: Практика анализа*. М.

стр. 167

-
- Хогвуд Б., Ганн Л. 1994. Политическое прогнозирование. - *Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования*, N 6.
- Хрусталев М. А. 1992. *Теория политики и политический анализ*. М.
- Хрусталев М. А. 2003. Нормативный политический анализ. - Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталев М. А. *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. М.
- Цукерман А. 1995. *Введение в политический анализ*. М.
- Яковлев И. Г. 1998. *Проблемы политического анализа на основе компьютерных технологий*. М.
- Bardach E. 2001. *A Practical Guide for Policy Analysis: The Eighthfold Path to More Effective Problem Solving*. N.Y.
- Bickers K., Williams J. 2001. *Public Policy Analysis: A Political Economy Approach*. Boston. *Blackwell Encyclopedia of Political Science*. 1996. L.
- Dahl R. 2003. *Modern Political Analysis*. Englewood Cliffs.
- Dery D. 1984. *Problem Definition in Policy Analysis*. Lawrence.
- Dunn W. 1994. *Public Policy Analysis: An Introduction*. Englewood Cliffs.
- Dunn W., Basom R., Frantz C. 1988. *Educational Policy Analysis: A Guide to Applications*. Andover.
- Dunn W., Mae Kelly R. (eds.) 1991. *Advances in Policy Studies Since 1950*. New Brunswick.
- Durning D. 1999. The Transition from Traditional to Postpositivist Policy Analysis: A Role for Q-Methodology. - *Journal of Policy Analysis and Management*, vol. 18, N 3.
- Easton D. 1990. *The Analysis of Political Structure*. Chicago.
- Golub A. 1997. *Decision Analysis: An Integrated Approach*. N.Y.
- Gray A., Genkins W. 1983. Policy Analysis in British Central Government: The Experience of PAR. - *Public Administration*, vol. 61.
- Guess G., Farnham P. 1989. *Cases in Public Policy Analysis*. N.Y.
- Gupta D. 2001. *Analysing Public Policy: Concepts, Tools and Techniques*. N.Y.
- Hogwood B., Gunn L. 1984. *Policy Analysis for the Real World*. Oxford.
- Lasswell H. 1970. The Emerging Conception of the Policy Sciences. - *Policy Sciences*, N 1.

- Lasswell H., Lerner D. (eds.) 1951. *The Policy Sciences: Recent Developments in Scope and Method*. Stanford.
- Manheim G., Rich R. 1995. *Empirical Political Analysis: Research Methods in Political Science*. N.Y.
- McCall G. 1994. Policy Analysis Across Academic Disciplines. - Nagel S. (ed.) *Encyclopedia of Policy Studies*. N.Y.
- McRae D., Whittington D. 1997. *Expert Advice for Policy Choice: Analysis and Discourse*. Washington.
- Nagel S. (ed.). 1994. *Encyclopedia of Policy Studies*. N.Y.
- Neak L. et al. (eds.). 1995. *Foreign Policy Analysis: Continuity and Change in Its Second Generation*. Englewood Cliffs.
- Pal L. 1992. *Public Policy Analysis: An Introduction*. Scarborough.
- Parsons W. 1995. *Public Policy: An Introduction to the Theory and Practice of Policy Analysis*. Cambridge.
- Patton C, Sawicki D. 1993. *Basic Methods of Policy Analysis and Planning*. Englewood Cliffs.
- Quade E. 1989. *Analysis for Public Decisions*. Englewood Cliffs.
- Rossi P., Freeman H. 1993. *Evaluation: A Systematic Approach*. Newbury Park.
- Shepsle K., Bonchek K. 1997. *Analyzing Politics: Rationality, Behavior and Institutions*. N.Y.
- Smith A. 1999. Public Policy Analysis in Contemporary France: Academic Approaches, Questions and Debates. - *Public Administration*, vol. 77, N 1.
- Struyk R. 1999. *Reconstructing Critics: Think Thanks in Post-Soviet Democracies*. Washington.
- Weimer D., Vining A. 1999. *Policy Analysis: Concepts and Practice*. Englewood Cliffs.
- White L. 1990. *Political Analysis: Technique and Practice*. Pacific Grove.
- Wildavsky A. 1979. *Speaking Truth to Power: The Art and Craft of Policy Analysis*. Boston.
- Wollman H. 1989. Policy Analysis in West Germany's Federal Government: A Case of Unfinished Governmental and Administrative Modernization? - *Governance: An International Journal of Policy and Administration*, vol 2, N 3.

Заглавие статьи	ЭФФЕКТ ОТСУТСТВИЯ: КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА
Автор(ы)	О. А. КАРМАДОНОВ
Источник	Вопросы философии , № 2, Февраль 2008, С. 29-41
Рубрика	<ul style="list-style-type: none"> • ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО
Место издания	Москва, Россия
Объем	53.9 Kbytes
Количество слов	6325
Постоянный адрес статьи	http://dlib.eastview.com/browse/doc/13588759

ЭФФЕКТ ОТСУТСТВИЯ: КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА

Автор: О. А. КАРМАДОНОВ

Социокультурные вызовы глобализации и дуальная структура культурно-цивилизационного профиля. Проблема культурно-цивилизационной специфики того или иного общества встала на рубеже XX и XXI вв. чрезвычайно остро, не в последнюю очередь - благодаря вызовам глобализационных процессов. Социокультурный горизонт глобализации по необходимости заставил исследователей сконцентрировать внимание на таких феноменах, как социальная идентичность (во всей ее комплексности), идеология, религия, массовая культура и т.д. Данное измерение глобализационных процессов получило внимание со стороны исследователей позднее, чем измерения экономическое и политическое. Однако степень его важности признается сегодня едва ли не доминирующей над другими сферами¹. Тот факт, что глобализация несет с собой не только преимущества, но и угрозы, является сегодня уже общепризнанным. Однако, если в сфере экономических и политических отношений эти угрозы, или риски достаточно очевидны и, в общем, хорошо изучены, в сфере социокультурной глобализационные вызовы исследованы недостаточно. Что конкретно представляют собой эти угрозы? Какие возможны последствия для общества, ставшего перед социокультурными вызовами глобализации? Как связаны эти вызовы с культурно-цивилизационной спецификой того или иного общества? Какие конкретно сферы социума являются приоритетными объектами вызовов такого рода? На эти и многие другие вопросы, связанные с символическими рисками, которые несет с собой глобализация, ответы все еще не являются как полными, так и очевидными.

Культурно-цивилизационные "разломы", существующие в сегодняшнем мире, могут стать или ареной ожесточенных культурных столкновений, или "фронтами" сотрудничества и культурного взаимообогащения. Конечный результат будет зависеть не только от "доброй воли" лидеров и движителей глобализации, но и от степени готовности той или иной культуры к отстаиванию своей самобытности и значимости в культурной амальгаме современного мира. Другими словами, к методологической установке культурного релятивизма должны быть расположены или все культуры, или никакая из них - в последнем случае все должны быть готовы к методологической

установке этноцентризма. Все другие варианты, так или иначе, будут означать дисбаланс и неравновесность в культурной глобализации. В этой связи вполне допу-

стр. 29

стимыми являются термины, относящиеся к проблемам социокультурной безопасности социума, такие, как "символическая вооруженность", "символическое оснащение" или "развитость символических систем". Для того чтобы общество выступало, как минимум, не пассивным реципиентом социокультурной глобализации, необходимо, чтобы в нем были осознаны и четко артикулированы собственные приоритеты и интересы в данной сфере. А для того чтобы оно могло стать и субъектом данного измерения глобализационных процессов, необходимо, чтобы собственные символические комплексы были хорошо структурированы, в полной мере институционализированы и были, в известном смысле, достаточно агрессивны. Только в этом случае данный социум сможет не просто сохранить себя перед угрозой вызовов глобализации, но и увеличить собственные "жизненные шансы", цена которых в сегодняшнем мире чрезвычайно высока.

Вопрос о том, что будет представлять собой столкновение социокультурных институтов социума с вызовами глобализационных процессов, по необходимости должен быть предварен рассмотрением того, что представляет собой сам этот социум. Другими словами - необходимо выяснить, что представляет собой то или иное общество в культурно-цивилизационной перспективе, а значит - в дихотомии традиции и современности. Сразу поясним, что "традиционное" и "современное" понимается нами, так сказать, классически, как сформулированная Ф. Теннисом оппозиция *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, в расширенной социально-философской интерпретации этих понятий, данной В. Г. Федотовой².

Как известно, "идеальные типы" существуют только в идеале, поэтому в реальности каждая культура-цивилизация так или иначе включает в себя черты как традиционности, так и современности, речь здесь, следовательно, может вестись только об "удельном весе" данных феноменов и используемых обществом механизмах их интеграции. Наряду с этим, заметим, что доминирующую роль в определении культурно-цивилизационного профиля вообще, и культуры повседневности, в частности, играет, на наш взгляд, все-таки, какой-то один фактор - или традиционности, или современности, и специфика интеграции доминирующего с доминируемым приобретает, соответственно, особое значение. В этой связи ценным представляется нам замечание Ю. М. Лотмана о том, что, в принципе, как минимум, бинарной является *любая структура*, - "на всех уровнях мыслящего механизма - от двуполушарной структуры человеческого мозга до культуры на любом из ее уровней организации - мы можем обнаружить биполярность как минимальную структуру семиотической организации"³. Для того чтобы система успешно функционировала, эти языки должны быть "взаимопереводимы", доказывает Лотман. "Несмотря на заметную антагонистичность и постоянную борьбу этих двух моделирующих языков, реальное человеческое переживание структуры мира строится как постоянная система

внутренних переводов и перемещения текстов в структурном поле напряжения между этими двумя полюсами.

...Мыслящая структура, - говорит Лотман, - должна образовывать личность, то есть интегрировать противоположные семиотические структуры в единое целое. Противоположные тенденции должны сниматься в некотором едином структурном целом"⁴. Тем самым любое общество, любая культура предполагают хотя бы элементарную степень гетерогенности - в этом заключается суть социальных систем. С учетом интересующей нас оппозиции традиционного и современного, мы, следовательно, можем говорить лишь о разных вариантах сочетания этих состояний и исторически выработанных культурой механизмах их интеграции или "взаимоперевода", другими словами - о специфике того или иного культурно-цивилизационного метанарратива.

Принцип абсентеистской рациональности: теоретические основания и эмпирические приложения. В каждой созданной на настоящий момент концепции социального изменения (эволюционная модель, циклическая, конфликтологическая, функционалистская, наряду с теориями дифференциации и рационализации) имеется свой базовый резон, свой внутренне непротиворечивый аргументационный каркас, который заставляет воспринимать данную теоретико-методологическую конструкцию в каче-

стр. 30

стве достаточно эвристичной для анализа процессов социального изменения различного уровня. Какая же теоретическая парадигма является наиболее адекватной для описания процесса глобализации? С одной стороны, очевидно, что конкретный ответ на этот вопрос всякий раз будет обусловлен конкретной сферой или измерением глобализации, являющимся приоритетным объектом исследовательского внимания. В социальных науках, по словам Яна Недервина, существует столько же концептуализации глобализации, сколько дисциплин. "Все эти подходы и темы представляются, вместе с тем, вполне релевантными, если мы рассматриваем глобализацию как многомерный процесс, который, как все значительные социальные процессы, осуществляется во множестве сфер существования одновременно. Глобализация может пониматься как бесконечный синтез нескольких дисциплинарных подходов"⁵. Таким образом, каждое исследование определенного измерения глобализации, - экономического, политического, социокультурного, социально-психологического, и т.д. - требует специфичной, ad hoc концептуализации. И с этой точки зрения, все созданные парадигмы являются, фактически, адекватными - глобализация может быть проанализирована с точки зрения эволюционного, модернизационного, или конфликтологического подходов, исследована в ракурсе дифференциации или рационализации. Другими словами, глобализация - в любом из ее измерений - есть и эволюция, и модернизация, и дифференциация, и рационализация, не говоря уж о совершенно очевидном конфликтном ее измерении или содержании, будь это

конфликты экономического, политического, религиозного или культурного характера.

С другой стороны, действительная многомерность данного процесса, во-первых, не позволяет, на наш взгляд, гипостазирования ни одного из указанных подходов, и, во-вторых, с неизбежностью заставляет учитывать и обратные эффекты феноменов, являющихся структурообразующими для указанных парадигм. То есть при анализе глобализации необходимо, на наш взгляд, учитывать, например, то обстоятельство, что последняя может нести с собой как модернизационный импульс, так и угрозу демодернизации, выступать как феноменом эволюционного порядка, так и явиться фактором регресса и деградации. В свою очередь, дифференциация различных систем социума может принять как характер дальнейшего структурирования и усложнения, так и необратимой фрагментации и распада, а рационализация может обернуться самой откровенной иррационализацией.

Таким образом, при анализе глобализационных процессов, какая бы парадигма ни была избрана в качестве основной, необходимо, по нашему убеждению, учитывать не просто максимально возможное количество соответствующих факторов в контексте каждой конкретной парадигмы, но и принимать во внимание дихотомию как сущего, так и вероятного, или, другими словами, как данного нам в непосредственных ощущениях, так и "отсутствующего"⁶, коль скоро оно оказывает воздействие на это сущее. К примеру, с точки зрения классической дихотомии "*Gemeinschaft*" - "*Gesellschaft*" можем ли мы с уверенностью утверждать, что отсутствующая (еще) современность (*Gesellschaft*) не оказывает никакого влияния на присутствующую традиционность (*Gemeinschaft*), как в сегодняшнем арабском мире? Или наоборот - действительно ли отсутствующая (уже) традиционность (как в сегодняшнем западном обществе) не оказывает никакого влияния на присутствующую современность? Более того, необходимо при такого рода анализе делать, видимо, и соответствующие логические акценты и ударения. Например, для современного Запада большее значение, вероятно, имеет "*отсутствие* традиционности" (нежели *присутствие* современности), для араб-мусульманского мира - "*отсутствие* современности" (нежели *присутствие* традиционности). Для китайско-конфуцианского культурного ареала имеет значение "*присутствие* и традиционности, и современности", для России - "*отсутствие* и традиционности, и современности". В любом случае, на наш взгляд, имеет значение то, что несуществующее (причем неважно - "уже" или "еще" несуществующее) влияет на существующее. Данный методологический подход обозначен нами понятием *абсентеистской рациональности* (от англ. *absent* - отсутствующий), направленной на изучение "эффекта отсутствия" в социально-философской интерпретации. Отметим, что понятие "эффект отсутствия"

появляется наиболее часто в политической публицистике, когда речь идет, например, об "эффекте отсутствия зоны публичной политики в регионах", "эффекте отсутствия России на саммите балтийско-черноморских стран в Вильнюсе" (2006), "эффекте отсутствия российских войск в Грузии", "эффекте отсутствия самостоятельного

значения политических институтов в России", "эффекте отсутствия самостоятельной и ответственной политической элиты" и т.п. Вместе с тем, обсуждается данный феномен и в культурно-психологическом смысле. Например, говорят сегодня об "эффекте отсутствия" башен-близнецов в Нью-Йорке, "эффекте отсутствия воды" в одном из документальных фильмов о сегодняшней Одессе. В специфически психологической литературе говорят об "эффекте отсутствия" обоих или одного из родителей на особенности социализации подростков, "эффекте отсутствия" мужей (отправившихся на заработки) на психологию и поведенческие реакции женщин общины. Термин же "абсентеизм" используется также в политическом поле и политологическом дискурсе для обозначения проблемы игнорирования выборов ("отсутствия на избирательных участках") более или менее значительной частью электората.

Тем самым "эффект отсутствия" имеет место там и тогда, где и когда отсутствующая сущность (субстанция) продолжает оказывать свое воздействие на присутствующие сущности (субстанции). При этом речь может вестись как о: 1) некогда существовавших здесь, 2) существующих, но - в отдалении (в другом пространственно-культурном ареале), или 3) никогда не существовавших здесь, но существующих в принципе субстанциях, которые, в свою очередь, могут включать в себя: а) физические одушевленные предметы; б) физические неодушевленные предметы; в-г) категории повседневного и/или академического дискурса; д-е) конструкты как феноменального, так и ноуменального характера, будь то религиозная концепция, проект общественного устройства, культурно-цивилизационный профиль или идеологическая доктрина.

Таким образом, *абсентеистская рациональность* - это методологический принцип, основанный на признании эвристической равноправности и аналитической ценности, наряду с фактом *присутствия* чего-либо, и факта его *отсутствия*, как феномена, так и ноумена. Определяющей является оппозиция: "действительное наличие чего-либо/действительное отсутствие чего-либо", причем - осознанные и рефлексивно переживаемые наличие и отсутствие. Самое главное, что значение имеет как одно, так и другое, как наличие субстанции, так и ее отсутствие. Несуществующее (повторим, неважно - "уже" или "еще") влияет на существующее. Тем самым принцип *абсентеистской рациональности* позволяет учитывать в анализе не только данное нам в "объективной реальности", но и не данное, но оказывающее на эту реальность серьезное воздействие. *Отсутствие*, тем самым, выступает логической альтернативой *присутствию* и полноправным объектом социо-анализа, что, в частности, переводит понятие "социология отсутствия" из разряда метафоры в статус нормального методологического принципа.

К теоретическому истоку абсентеистской рациональности относится, прежде всего, критический рационализм, в особенности - фаллибилистско-плюралистический критицизм современного немецкого мыслителя Хельмута Шпиннера. "Фаллибилизм", как было обосновано Карлом Поппером, есть принцип погрешимости, возможной ошибочности любой теории, концепции и вообще знания. В шпиннеровской модели познания исключение противоречия идет рука об руку с их сознательным перманентным производством, в частности, с помощью введения *противоречащих альтернатив*. По словам Шпиннера, "рациональным является тот или то, кто или что в

своей ориентации направляется на более широкие сферы, чем на самое себя и свои непосредственные определения, и на основании этого пересистематизируется как рационализирующий "материал"... Рационально мыслит, познает, решает, чувствует, действует, следовательно, тот, кто свои наблюдения за миром не только направляет на это непосредственно, но, кроме того, ориентируется на альтернативные позиции, трансцендирующие собственные действия на то или иное направление рациональности"⁷.

стр. 32

К логическим аналогам абсентеистской рациональности относятся: понятие неразделимости прошлого и будущего в настоящем св. Августина, сформулированное им в русле его критики манихейского дуализма на основе неоплатонической доктрины о бытии как совершенстве, и его представлении о времени как корреляте помнящей, созерцающей и ожидающей души (ситуация "уже" и "еще" отсутствия); фактическая интеракционистская интерпретация августианианской темпоральности, данная Дж. Г. Мидом, согласно которой "имеет место влияние последующего действия на предыдущее. Последующий процесс, который только должен осуществиться, уже начат и воздействует на процесс предшествующий, который должен быть завершен. Сложность связей достаточно велика, но центральная нервная система обладает практически неисчерпаемым запасом элементов, которые могут быть организованы не только в пространственном отношении друг с другом, но и во временной перспективе. Благодаря этому факту, наше поведение состоит из серии шагов, следующих один за другим, причем последующие шаги могут быть уже начаты и влиять на предыдущие. То, что мы собираемся сделать, "отыгрывает" (playing back) на то, что мы делаем в настоящий момент"⁸; прагматистская версия "истинных сущностей" У. Джеймса, утверждавшего, например, что для верующего человека Бог является совершенно реальным, он определяет его образ мыслей и действия, - "такова сила воображения, которое можно назвать *онтологическим*; такова убедительность порождаемых им образов"⁹, а также доказывавшего, что "если наши представления о прошлом соответствуют словам и последствиям, мы можем считать их истинными"¹⁰; обусловленная прагматизмом, но институционализируемая социологически известная "теорема Томаса", согласно которой реальностью обладают все ситуации, эффект которых очевиден в социальных отношениях; принцип дополнительности Н. Бора; понятие "неизвестного аттрактора" в теории комплексных динамических систем, в том числе - в своей обществоведческой интерпретации¹¹. Таким образом, логическими аналогами абсентеистской рациональности являются все концепции, акцентирующие внимание на необходимости в исследовании учитывать сущности, не данные нам в непосредственном наблюдении, и, собственно, исходящие в своей собственной логике из такой посылки. Отметим также, что абсентеистская рациональность совершенно очевидно является рациональностью субстанционального или сущностного вида, то есть такого, который определяется вниманием к ценностной составляющей, будь то этические, политические, утилитарные, эгалитаристские, когнитивные ценности или какие-либо еще, являющиеся, тем самым, символическими практически по

определению. По сути дела, и учет культурных факторов в качестве детерминаций экономической, политической или иной социальной активности, и квантовая физика с ее "допущением существования" квантов, являются примерами научной рациональности абсентеистского типа. Этой же рациональности обязаны, фактически, и все открытия расчетной астрономии, совершенные на основании анализа эффекта отсутствия - с учетом возмущения орбит одних планет вычислялись другие, не видимые и "не существовавшие" до той поры¹². Собственно, практика как психотерапии, так и магии есть не что иное, как работа с "отсутствующим" (травма, переживание, фобия и т.д.), продолжающим воздействовать на "присутствующее"¹³. К этому же типу рациональности относится и философский структурализм К. Леви-Стросса, Ж. Лакана, М. Фуко, и др., в рамках которого бессознательное ("отсутствующее" в сознании) исследовалось в качестве формальной структуры человеческого духа, инвариантного комплекса принципов его символической функции. Естественным образом обнаруживает себя абсентеистская рациональность и на уровне метафорического дискурса, как профанного, так и околоакадемического, о чем говорят нам, например, такие максимы, как "Счастье - это *отсутствие* несчастья", "Лишь бы *не было* войны", "*Отсутствие* результата - тоже результат", "*Отсутствие* прогресса есть регресс" и др.

Необходимо подчеркнуть, что суждения, выводимые из абсентеистской рациональности, являются диалектическими, а не аподиктическими, поскольку всегда вероятностны и не следуют из высшей степени логической достоверности знания. Вместе с

стр. 33

тем, момент того, когда "отсутствующее" становится "присутствующим", знаменует собой и превращение субстанциональной рациональности "не явленного" в формальную рациональность аподиктических суждений относительно "само собой разумеющегося". По словам М. Хайдеггера, "Выведение из потаенности вводит в игру место, а именно то, какое во впускании присутствия имеется у присутствия, т.е. у бытия. Бытие имеет место как выход присутствия из потаенности"¹⁴. Используя терминологию выдающегося немецкого философа, можно сказать, что абсентеистская рациональность - это также "выход присутствия из потаенности", только не в бытийственном плане хронометрии существования конкретного объекта, включая индивида, а прежде всего в дискурсивном, аналитическом плане.

В тезаурусе социальной науки примерами абсентеистского угла анализа являются все категории, рассматриваемые в постоянной референции к своим "активно отсутствующим" антитезам. Например, базовое понятие "социальной аномии" подразумевает отсутствие регулирующих норм; понятие "депривации" подразумевает антитезу социального благополучия; категория "пафос" социоэкономической группы предполагает активное отсутствие "престижа"; "брутальность общественных отношений" - отсутствие их "гуманистического" содержания; наличие "институциональных ловушек" (в виде коррупции, бартера, сырьевой экономики и т.д.) предполагает отсутствие нормальных социальных отношений (экономических,

политических и др.). Если вернуться к дихотомии традиционности и современности, примечательным с точки зрения абсентеистской рациональности выглядит замечание В. А. Ядова о том, что "утрата сущностных свойств общинного "Gemeinschaft" и переход к обществу современного типа "Gesellschaft" ныне не представляется безусловным благом для человечества. Утрата сущностных свойств общинного устройства (человечность непосредственных взаимосвязей, вера в идеалы, "локальность" и т.д.) воспринимается ныне в западных обществах как потеря неких непреходящих черт социальности. Этим объясняются такие тенденции, как отказ от концепции "плавильного котла" в США, развитие в европейских странах многообразных форм самоорганизации на уровне соседства (community), сохранение и даже возрождение религиозных конфессий, деноминаций, фундаменталистских течений, формирование "сетевых структур" в бизнесе, науке и культуре и, наконец, в интернет-коммуникациях. Постмодернистская философия - прямая реакция на изменения такого рода"¹⁵.

Анализ культурно-цивилизационного профиля общества с позиций абсентеистской рациональности предполагает, тем самым, внимание не только к присутствующему, но и к "активно отсутствующему". То есть мы должны учитывать при анализе социокультурного горизонта общественных отношений эффекты как присутствия, так и отсутствия определенных факторов, коль скоро они воздействуют на то или иное измерение этих отношений.

Кентавристика и абсурдная дополнительность. Учитывая, что традиция и современность при доминировании какой-то из них, интегрируются в некое новое структурное единство на основе определенного метаповествования (Лотман), необходимо определить, во-первых - что из себя представляет этот метанарратив, и, во-вторых (в соответствии с абсентеистской логикой), каковы его возможные альтернативы?

Относительно сути метанарратива все, на первый взгляд, достаточно просто - таковым, как правило, выступает некая идеология, или религиозная система, носящая, по факту, характер таковой. Можно сказать и иначе - это религия, или идеология, носящая, по факту, характер таковой. По словам В. А. Решетникова, "Идеология, в отличие от теории, с необходимостью включает в себя верования. Иногда ее определяют как гражданскую религию, или религию гражданственности. Отбор и презентация национальных мифологем, скрепляющих цивилизационное единство, ...является необходимой частью работы по осмыслению идеологии консолидации. По крайней мере, ни один народ не смог обойтись без воодушевляющих мифов"¹⁶. Однако интеграция, синтез чего-либо, даже если ему стараются придать действительный и естественный характер, все равно остается соединением чего-то изначально отличного, разнородного.

Как тогда возможно их соединение? Другими словами, за счет чего может быть достигнута возможность взаимоперевода, то есть - интеграции системы? В контексте

семиотики культуры Ю. М. Лотман выделяет два вида интеграционных механизмов: "Во-первых, это блок метаязыка. Метаязыковые описания являются необходимым элементом "интеллектуального целого". ...Они заставляют данный комплекс восприниматься с внешней точки зрения как некоторое единство, приписывать ему определенное единство поведения и рассматривать в более широком культурном контексте как целое. Такое ожидание, в свою очередь, стимулирует единство самовосприятия и поведения данного комплекса. Во-вторых, может иметь место далеко идущая креолизация этих языков. Принципы одного из языков оказывают глубокое воздействие на другой, несмотря на совершенно различную природу грамматик"¹⁷.

Выводы Лотмана вполне логично сочетаются с направлением, обозначенным в социо-гуманитарной науке как "кентавристика". В рамках культурологии и теории познания данный термин был введен и использовался Д. С. Даниным, который понимал под ним универсальный феномен сочетаний несочетаемого - в природе, истории, культуре, и говорил о глубинном смысле метафоры "кентавр", как образном выражении, по меньшей мере, пяти благотворных "К": компромисс, консенсус, консолидация, конвергенция, комплементарность. Подчеркивал Данин и собирательность этой метафоры, как объединения того, что противостоит бедам еще одного "К" - конфронтации¹⁸. Самыми очевидными примерами кентавров в культуре Данин считал оксюморон и парадокс, в плане же методологии исследования данного явления, полагал, что всякий раз следует начинать рассмотрение кентавра с "презумпции несочетаемости", и проделать две операции: 1. Показать, в чем состоит несочетаемость разных сторон в кентавре; и 2. Показать механизм толерантности, обеспечивающий взаимную терпимость - сочетание - разнородных начал.

В рамках социальной философии и социологии кентавристика появилась в виде "кентавр-проблемы" в работах Ж. Т. Тощенко, помещавшего ее в широкий контекст социальной причинности и доказывавшего, что она имеет ярко выраженную тенденцию к росту своих проявлений в период деформации общественных отношений, нарушенных социальных связей, нестабильности. Кентавр-проблема, по мнению Тощенко, в определенной степени является нормой, становясь весьма характерной для сознания и поведения людей в период кардинальных общественных изменений. Тощенко также понимает под кентавром особую форму противоречия, особое проявление парадоксов, "такое состояние сознания (и знания тоже), которое отражает сочетание несочетаемого, т.е. когда разум не может объяснить одновременное существование двух (или нескольких) взаимоисключающих начал. ...В этой ситуации человек видит нечто объединяющее эти две взаимоисключающие позиции и дополняет тем, что он считает рациональным, значимым, важным из этих двух разных подходов. Вот на этой основе и получается кентавр, хотя в таком случае мы уже можем объяснить его существование и его распространенность, а не просто исключительность и парадоксальность. Следовательно, кентавризм в сознании и поведении человека может быть преодолен через поиск некоторых общих (и значительных) характеристик, которые можно рассматривать с точки зрения теории конвергенции как начало в преодолении сочетания несочетаемого. ...Кентавр - это метафора компромисса, но компромисса особого рода, когда все участники приходят к единодушному решению"¹⁹.

Таким образом, разнородные начала, в нашем случае - традиция и современность - интегрируются, на основе того или иного метанарратива, - будь это идеология, религия, или каузальная атрибуция индивидуального/массового сознания, в некоего кентавра, характеризующегося, вместе с тем, конструктивностью (в пределе) и жизнеспособностью. Возможна ли альтернатива? То есть могут ли существовать различные факторы, соединенные вынужденно, механически, без образования жизнестойкого кентавра, без всяких метанарративов? Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно и определяем такого рода соединение в качестве *абсурдной дополнителности*.

стр. 35

Как известно, сам принцип дополнителности Н. Бора выступает как методология описания объекта в принципиально различных знаковых системах или при отличающихся теоретических посылах. Обращает, однако, на себя внимание то, что какую бы систему мы ни избрали для описания объекта, в любом случае мы будем иметь дело с субстанциональной рациональностью, как принципиальной допустимостью использования двух систем "кодирования". Принцип же *абсурдной дополнителности* предполагает взаимодополнение частей, по сути, исключаящих свои антитезы, но не друг друга. Например, в сегодняшнем российском обществе "внешняя современность общественных отношений" парадоксальным образом не исключает "внешнюю традиционность общественных отношений", а существует с ней параллельно и дополняя друг друга. Согласно принципам семиотики культуры, *взаимоперевод* культурных кодов должен быть успешным, для того чтобы возникало "единое структурное целое", поскольку если "общение между данными языками оказывается действительно невозможным, наступает распад культурной личности данного уровня, и она семиотически (а иногда и физически) просто перестает существовать", - говорит Лотман²⁰. Именно такое сочетание взаимонепереводимых языков структуры мы называем *абсурдной дополнителностью*, которая, конечно же, далеко не увеличивает жизнеспособность структуры, определяемой в данном случае, так сказать, "нецелесообразной неправильностью".

Таким образом, абсурдная дополнителность - это та, которая не подвергается воздействию интеграционных механизмов (например, дополнителность стеклянной колбы и вольфрамовой нити, которая не интегрируется метаописанием электрической лампы, или дополнителность лиц одной национальности, которые не интегрируются национальным самосознанием, или дополнителность лиц одного социального класса, которые не интегрируются классовым сознанием, или дополнителность национальных культур, которые не интегрируются общегосударственной идеологией). То есть механическое соединение может произойти, но в этом случае имеет место не интеграция, а "слепливание" (В. А. Решетников), которое легко нарушается, если не приобретает характер синтеза на основе некоего метанарратива²¹.

Главные отличия подходов "кентавристики" от принципа абсурдной дополнителности заключаются в следующем. Прежде всего, очевидно, что самым общим качеством

"кентавра", как в одном (Данин), так в другом (Тощенко) подходах признается, все-таки наличие некоего интегрирующего фактора; другими словами, "кентавр" в любом случае предполагает некий метанарратив, соединяющий два начала в новом единстве, более того, Даниным это качество постулируется в виде едва ли не императива "кентавра" (противостояние конфронтации). Абсурдная дополнительность, как мы старались показать, основана на отсутствии такого интегрирующего начала.

Есть разница и в, так сказать, гносеологических основаниях кентавристики и абсурдной дополнительности. Строго говоря, в характеристике, например, элементарных частиц (электронов, позитронов) в качестве "частиц" или в качестве "волн" нет ничего абсурдного. И первое, и второе основаны на вполне рациональных началах, и взятые по отдельности не вызывают каких-то противоречий. Абсурдным может выглядеть соединение этих характеристик, однако за счет той же рациональности абсурд снимается. В то же время, например, понятие "внешняя современность", сопровождающееся понятием "внешняя традиционность" абсурдны и в своем сочетании, и сами по себе, поскольку, во-первых, отрицают действительные современность и традиционность и, во-вторых, не предполагают своих "внутренних" референтов. Если снова вернуться к элементарным частицам, абсурдными были бы такие определения, как нечто - "не частица" и "не волна" (хотя и обладает некоторыми элементами таковых).

Наконец, принцип абсурдной дополнительности отрицает парадокс и оксюморон, лежащие в основе кентавристики. Если, к примеру, "умный дурак" является полноправным кентавром, то одновременная характеристика объекта в терминах "не умный" и "не дурак" кентавром не является, поскольку сочетает элементы, не соединяя их. Другими словами, в кентавре все равно присутствует некое конструктивное, сози-

стр. 36

дательное начало, в отличие от абсурдной дополнительности, деструктивной по своей сути. Кентавр в любом случае конституирует, конструирует некий объект, абсурдная же дополнительность объект разрушает - соединение разнородных элементов, испытывающее эффект отсутствия синтезирующего начала, не может обладать действительной жизнеспособностью.

Основные культурно-цивилизационные профили сегодняшнего мира с точки зрения абсентеистской рациональности. К основным культурам-цивилизациям сегодняшнего мира мы относим западную, китайско-конфуцианскую, арабо-мусульманскую и российскую²².

Итак, *западная культура-цивилизация* отличается, по нашему мнению, эффектом отсутствия традиционности (в "традиционном" же смысле этого понятия, то есть *Gemeinschaft*), соединенным с современностью, принимающей как внешние формы, так и определяющей содержание этого типа. Данная ситуация не является гармоничной, отсутствие форм социальности, присущих обществу традиционного типа, достаточно

остро ощущается здесь сегодня, и беспокойство по этому поводу уже высказано в западной социальной науке. В частности, З. Бауман говорит о том, что "сети, сотканые и поддерживавшиеся самими гражданами для обеспечения безопасной жизни - эта вторая линия оборонительных позиций, представленная в свое время местным сообществом или семьей, где человек мог укрыться и залечить раны, полученные в рыночных стычках, - разрушились или в значительной мере ослабли. Изменившаяся прагматика межличностных отношений, пропитанная сегодня духом потребительства и декларирующая Другого в качестве потенциального источника наслаждений, ответственна за это лишь отчасти: чем бы ни был хорош новый прагматизм, он не может породить долговременных обязательств и тем более таких, которые заведомо должны быть продолжительными и воспринимаются как таковые. Обязательства, порождаемые этим новым прагматизмом, принимаются до следующего уведомления, отменяются по первому желанию и не предполагают предоставления или обретения устойчивых прав и обязанностей"²³. Э. Гидденс, в свою очередь, говорит о проблеме детрадиционализации современного общества в результате глобализации. Традиции в обществе "рефлексивной модернизации" могут существовать, по его мнению, только в двух видах: 1) как признанная ценность, наряду с осознанием их множественности и 2) как фундаментализм²⁴.

Вместе с тем, эффект отсутствия традиционности в западной культуре-цивилизации до известной степени нивелируется, сглаживается, на наш взгляд, существующим там метанарративом либеральной демократии. Именно либеральная демократия, органической частью которой выступает модернизационная парадигма, и примиряет до известной степени действительность современного Запада с отсутствием традиционности - выстроенная (пусть и в линейном измерении), последовательная и по-своему логичная причинно-следственная связь позволяет увязать сегодняшнее состояние общественных отношений с состоянием начальным, позволяет обнаружить прогресс. Концепция же "рефлексивной модернизации" (Гидденс), во-первых, усиливает прогностическое содержание модернизационной теории и, во-вторых, по нашему убеждению, вновь внушает массовому сознанию представление о продуманности и, в общем, позитивной направленности модернизационного "проекта" Запада.

Китайско-конфуцианская культура-цивилизация объединяет страны Азиатско-Тихоокеанского региона, находящиеся в соответствующем культурном ареале: собственно Китай, Тайвань, Южную Корею и Японию. Лозунг революции Мэйдзи (1867), - "Японский дух, западные знания", - представляет собой, по сути, квинтэссенцию того, что понимается нами применительно к данной культуре-цивилизации под кентаврическим сочетанием "внешняя современность/внутренняя традиционность". Вместе с тем, заблуждением было бы считать, что этот кентавр традиции и современности в данном культурном ареале возник совершенно безболезненно. Очевидно, что усвоение активистской этики сознанием и психологией, ориентированными на преимущественную созерцательность, или "передачу ситуации" (В. Парето) было достаточно непростым.

Но оно было принципиально возможным, в силу того, что ментальность и мышление представителей китайско-конфуцианского культурного ареала парадоксальным образом близки ментальности и мышлению европейского типа - в части рациональности, прагматизма, нескованности религиозной догмой, ориентации на успех в посястороннем мире²⁵. Тем самым при ближайшем рассмотрении, "ошеломительность" успехов социально-экономического развития и, в общем, достаточно гармоничного внедрения в обществах китайско-конфуцианского культурного ареала демократических институтов теряет значительную часть своей "загадочности", по нашему мнению. И экономические достижения, и либерализация социальных отношений имеют свои основания и корни в традиционной культуре данного цивилизационного типа. Уникальным можно считать само это сочетание, при котором традиция не просто не препятствует социальному развитию, но и способствует ему, вступая с современностью в такого рода творческий союз. Метанарратив, который окончательно примиряет традицию и современность в данном культурном ареале, - это, безусловно, *идея национального успеха* - не марксизм-маоизм, и не либеральная демократия, а именно такая специфичная форма национализма послужила залогом того, что традиционные и современные институты достаточно гармонично работают в одном направлении. Уникальна ситуация в китайско-конфуцианском культурно-цивилизационном ареале еще и тем, что здесь, на наш взгляд, практически не обнаруживается какой-то эффект отсутствия - внешняя современность, выражающаяся в принятии основных ее институтов, и внутренняя традиционность, выражающаяся в придании функционированию этих институтов уникального национального духа, не оставляют места для осяутимого отсутствия чего-либо. Вероятно, эффекты отсутствия обнаружат себя в других, менее предельных измерениях социальных отношений в данном культурном ареале (например, проблема либерализации политических отношений в том же материковом Китае), однако рассматриваемая оппозиция отличается известной полнотой и достаточностью, чего нет, по нашему мнению, больше ни в одном из рассматриваемых культурно-цивилизационных типов.

Арабо-мусульманская культура-цивилизация характеризуется, на наш взгляд, традиционностью, носящей как внутренний, так и внешний характер, и эффектом отсутствия современности, с фактом чего арабо-мусульманские общества примиряются через ислам, являющийся, разумеется, чем-то много большим, нежели "просто" религией.

Критическое восприятие перспектив приобщения исламской культуры-цивилизации к миру *модернити* связывается большинством "внешних" исследователей именно с особенностями исламской экзегезы²⁶. Мировосприятие, сформированное на протяжении четырнадцати веков в русле исламской традиции, продемонстрировало, в принципе, удивительную консервативность и жизнестойкость. Отрицание роли человека, как креативного существа, привело к окостенению исламской культуры и блокировке внутренних импульсов к развитию. Известный немецкий исследователь ислама Б. Тиби пишет, - "Религиозные фундаменталисты объявляют культурную современность не иначе как вирусом, поразившим ислам, и ослабившим исламскую цивилизацию. Политический ислам стремится изменить эту ситуацию. Тем самым, противодействие

культурной современности становится борьбой против Запада, в особенности - борьбой против интеллектуального вторжения в мир Ислама"²⁷. Тибби особо подчеркивает принципиальную *анти-современность* мусульманской цивилизации, ее отказ инкорпорировать вместе с продуктами науки и технологии то, что сделало их возможным - рациональное мышление.

Что касается исследований арабо-мусульманской культуры-цивилизации "изнутри", то они включают как работы, фактически, апологетического (в отношении ислама) характера²⁸, так и критику, далеко превосходящую по своему накалу "внешние" исследования²⁹. В любом случае, можно резюмировать, что эффект отсутствия современности в сегодняшнем арабо-мусульманском мире обусловлен спецификой самого мусульманского вероучения, которое, в свою очередь, пытается примирить массовое

стр. 38

сознание исламских обществ с этим эффектом через стигматизацию современности в качестве чего-то однозначно порочного и опасного.

Российская культура-цивилизация характеризуется, по нашему мнению, внешним характером традиции и современности, объединенных по принципу абсурдной дополнительности, и эффектом отсутствия метанарратива, который бы интегрировал традицию и современность в новое структурное единство, создав, тем самым, и адекватное "внутреннее" содержание данных феноменов.

Среди основных культур-цивилизаций сегодняшнего мира Россия, по нашему убеждению, занимает весьма специфичное место. С точки зрения дихотомии традиции и современности, российское общество характеризуется внешним характером как того, так и другого. То есть институты современности (гражданское общество, рефлексивное участие в политическом процессе, выборность, многопартийность, разделение властей и др.) не рутинизированы (П. Бергер, Т. Лукман) в отечественном социуме, не являются чем-то "само собой разумеющимся", по сути - не обязательны и условны. Институты традиции (органическая солидарность, неформальное содержание общественных отношений, ригидная нормативно-ценностная система и др.) сведены к своему, буквально, рудиментарному состоянию, к, так сказать, этнографически-морфологическому типу. Ситуация не была бы столь драматичной, если бы эти феномены, объединенные в настоящий момент по принципу абсурдной дополнительности, получили легитимацию через некий метанарратив, снявший бы в себе противоречия как одного, так и другого и примиривший бы с текущим состоянием общественных отношений массовое сознание и массовую психологию через национальный проект (в подлинном, а не выхолощенном смысле этого понятия) будущего российского общества.

Российская культура-цивилизация стремительно теряет сегодня, на наш взгляд, признаки как культуры, так и цивилизации, что перед социокультурными вызовами со

стороны глобализационных процессов представляется очевидной угрозой национальной безопасности страны. Социум, как и человек, потерявший память, больше не уверенный в том, кто он есть, понятия не имеющий - для чего и для кого он существует, просто по определению не может являться субъектом самостоятельных и ответственных решений. Символическая система общества - во всех его институциональных горизонтах - является альфой и омегой социального организма, первым и последним бастионом в текущих и грядущих культурных сражениях в стремительно глобализующемся мире. Самое главное, что вызывает тревогу - это то, что российская культура-цивилизация вступает в эти сражения, по сути, символически обезоруженной, с "голыми руками" и в своей деконструированной незащитной "телесности" (А. С. Панарин). Шансы такого символически "разоблаченного" общества перед вызовами чужих и агрессивных символических систем выглядят достаточно проблематичными. Символу может противостоять только символ, поэтому социокультурные вызовы глобализации должны быть встречены российским обществом в соответствующем "оснащении". Сделать это должны именно мы - поколения "межвременья", если, конечно, в своем нетворческом агностическом малодушии не решимся отказаться от великого наследия, оставленного нам прошлыми поколениями - российской культуры и цивилизации, и не обречем испытать эффект отсутствия как одного, так и другого - поколения будущее.

Примечания

¹ Вообще, внимание к социокультурной, символической составляющей общественных процессов увеличивается по нарастающей в социальной науке. Будь это фокус на культурных детерминантах модернизационных процессов, или неинституциональный подход к экономическим феноменам, или акцент на культурно-исторической обусловленности политических структур - в любом случае речь идет о признании факторов символического порядка в качестве одних из ключевых в той или иной системе общественных отношений. Соответственно, исследовательский интерес к глобализации, как социокультурной трансформации, также отражает эту тенденцию актуализации детерминант символического порядка.

стр. 39

---

² Согласно В. Г. Федотовой, традиционные общества отличаются от современных рядом таких особенностей, как: зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной личности; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса, то есть способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего; преэкономический, преиндустриальный характер; отсутствие массового образования; преобладание локального над универсальным. В свою очередь, современное общество включает в себя, прежде всего; преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; формирование демократии; выделенную личность, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса, т.е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; массовое образование; приобретенный статус; активный деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным (См.: Федотова В. Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. N 12. С. 3 - 4).

³ Лотман Ю. М. Феномен культуры. - Семиосфера. СПб.: "Искусство-СПб", 2000. С. 570.

⁴ Ibid. С. 571, 573.

⁵ Nederveen J. P. Globalization as Hybridization, in Lechner F., Boli J. (eds.) The Globalization Reader. Boulder: Westview Press, 1995. P. 101.

⁶ Согласно Ю. Л. Качанову, "Социология феноменологически решает вопрос о бытии как присутствии, изымая отсутствие из научного оборота" (Качанов Ю. Л. "Россия" как предмет социологии // Социологические исследования. 2001. N 10. С. 119). Сразу скажем, что на этом моменте разделяемое нами в концепции Качанова заканчивается. Известный российский социолог делает из данной, - совершенной справедливой, на наш взгляд - посылки, выводы, диаметрально отличные от наших. Оппозиция "присутствия" и "отсутствия" снимается Качановым за счет простого отрицания одного из ее членов - "присутствия", то есть "отсутствующим" объявляется им "присутствующее", в лучших традициях агностицизма (см. также: Качанов Ю. Л. Начало социологии. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: "Алетейя", 2000). Другими словами, Качанову даже "присутствие" не мешает деконструировать объект. На наш же взгляд, необходимо стремиться к тому, чтобы даже "отсутствие" не помешало объект "сконструировать", то есть зафиксировать его и исследовать.

⁷ Spinner H. Vereinzeln, verbinden, begründen, widerlegen. Zur philosophischen Stellung von Begründungs- und Kritikoptionen im Rahmen einer Systematik der Erkenntnisstile und Typologie der Rationalitätsformen // Philosophie und Begründung (hrsg. Kohler W.R.) Forum für Philosophie Bad Homburg. Frankfurt a. M., 1987. S. 31. Цит. по: Шишков И. З. В поисках новой рациональности. Философия критического разума. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 400 с.

⁸ Mead G. H. Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: The University of Chicago Press, 1967. P. 70 - 71.

⁹ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. С. 64.

¹⁰ Джеймс У. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. - Воля к вере. М.: Республика, 1997. С. 290.

¹¹ По словам британского исследователя Грегори Бранка, "точка зрения на мир, как на нечто хаотическое оставляет, тем не менее, возможность обнаружения детерминистских и высокоструктурированных результатов, почему хаос и является популярной нелинейной парадигмой среди экономистов. Суть хаоса составляет набор весьма специфичных правил. В то время как конкретные хаотические правила отличаются в различных системах, они полностью определяют как время, так и масштаб событий" (Brunk G. G. Self-Organized Criticality: A New Theory of Political Behaviour and Some of Its Implications. (Chaos theory) // British Journal of Political Science. 2001. V. 31.1. 2. P. 428).

¹² Как, например, Нептун, возмущавший орбиту Урана ("вычислен" в 1846 г.), и Плутон (1930 г.), чей эффект отсутствия ощутим для Урана и Нептуна.

¹³ К. Леви-Стросс пишет: "То, что мифология шамана не соответствует реальной действительности, не имеет значения: большая верит в нее и является членом общества, которое в нее верит. Злые духи и духи-помощники, сверхъестественные чудовища и волшебные животные являются частью стройной системы, на которой основано представление аборигенов о вселенной. Большая принимает их существование или, точнее, никогда не подвергала его сомнению" (Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 204 - 205).

¹⁴ Хайдеггер М. Время и Бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 394.

¹⁵ Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов. http://2001.isras.ru/Publications/Yadov/Arti_Yad.htm

¹⁶ Решетников В. А. Основания становления идеологии консолидации России // Идеология консолидации России: возможность и действительность. Сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2006. С. 53.

¹⁷ Лотман. Op. cit. С. 574.

¹⁸ См.: Данин Д. С. Старт кентавристики // Наука и жизнь. 1996. N 5, 6.

¹⁹ Тоценко Ж. Т. Кентавр-проблема как особый случай парадоксальности общественного сознания // Вопросы философии. 2002. N 6. С. 36.

²⁰ Лотман. Op. cit. С. 573.

²¹ Именно так, на наш взгляд, обстоит сейчас дело и в отношении "укрупнения регионов" РФ. Политико-территориальные сущности именно "слепливаются", а не интегрируются. И не случайно, что данный

стр. 40

процесс поддерживается сегодня исключительно административными мерами, за счет нарастающей централизации власти в российском обществе, которому не предлагается больше ровным счетом никакой мотивации, кроме фетишизации некоего "единства", "объединения", "укрупнения", и так далее. Единение без метаописания, без некой консолидирующей идеи, одухотворяющей и делающей осмысленной интегративный процесс, является абсурдной дополнительностью.

²² Мы не рассматриваем здесь индийскую и африканскую культуры-цивилизации по причине, главным образом, их ограниченного влияния в современном мире.

²³ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 75.

²⁴ См.: Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition, and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 100.

²⁵ Убедительно аргументирует данный тезис известный отечественный востоковед Л. С. Васильев. См.: Васильев Л. С. История религий Востока. М.: Наука, 1983.

²⁶ См., напр.: Романова Е. А. Модернизационные проблемы и резервы Востока // Философия образования. 2006. N 3; Мирский Г. И. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире // Мировая экономика и международные отношения. 2004. N 6.

²⁷ Tibi B. The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder. Berkeley: University of California Press, 2002. P. 73.

²⁸ В этом смысле особенно показательны работы харизматичного лидера европейских мусульман Тарика Рамадана. См., напр.: Ramadan T. Islam, the West and the Challenges of Modernity. Leicester: Islamic Foundation, 2001; Ramadan T. The Global Ideology of Fear or the Globalization of the Israel Syndrome // Future Islam, 2004. www.futureislam.com.

²⁹ Впрочем, критика, чаще всего, нацелена не против самого ислама, а против его "неправильных истолкований", в частности, против светских лидеров исламских стран, "искаживших" мусульманское вероучение в угоду своим классовым интересам. См., напр.: Mernissi F. Islam and Democracy: Fear of the Modern World. Cambridge, MA: Perseus Pub., 2002.

стр. 41

